

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»  
Институт права, социального управления и безопасности

## СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА

К 50-летию юридического образования  
в Удмуртской Республике  
памяти д.ю.н., профессора В. В. Овсиенко

Сборник статей



Ижевск  
2023

УДК 34(470)(082)  
ББК 67.99(2Рос)я43  
С568

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ*

**Научные редакторы:** к. ю. н., профессор В.Г. Ившин,  
к. ю. н., доцент Г.А. Решетникова,  
к. ю. н., доцент Н.В. Кузнецова.

С568            Современные тенденции развития российского права:  
к 50-летию юридического образования в Удмуртской  
Республике памяти д. ю. н., профессора В. В. Овсиенко :  
сб. ст. / под науч. ред. В.Г. Ившина, Г.А. Решетниковой,  
Н. В. Кузнецовой. – Ижевск : Удмуртский университет,  
2023. – 412 с.

**ISBN 978-5-4312-1095-2**

Сборник содержит статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции развития российского права: к 50-летию юридического образования в Удмуртской Республике». В статьях рассматриваются история юридического образования в Удмуртской Республике и актуальные проблемы современного российского законодательства.

УДК 34(470)(082)  
ББК 67.99(2Рос)я43

**ISBN 978-5-4312-1095-2**    © ФГБОУ ВО «Удмуртский  
государственный университет», 2023  
© Авторы статей, 2023

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Бунтов С. Д.</b> От специальности «правоведение» до Института права, социального управления и безопасности (к 50-летию юридического образования в Удмуртской Республике).....	7
<b>Кузнецова Н. В.</b> Прекращение гражданско-правового договора: тенденции развития законодательства .....	17
<b>Зинатуллин З. З.</b> «Советы лекторам» Анатолия Фёдоровича Кони – бесценный клад педагога на все времена.....	22
<b>Камалова Г. Г.</b> Цифровизация права: история, современность и перспективы .....	29
<b>Татьянина Л. Г.</b> Дискуссионные вопросы производства по сложносоставным уголовным делам, совершенным с участием обвиняемых, имеющих психические расстройства .....	36
<b>Коробко К. И.</b> Нормативные правовые акты в системе регуляторов отношений по оказанию платных медицинских услуг .....	41
<b>Мокшина М. А.</b> Правовое регулирование института Уполномоченного по правам ребёнка в субъектах Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) .....	52
<b>Малинова А. Г.</b> Интересы как принадлежности субъектов права ..	62
<b>Маркова Т. Ю.</b> Критерии «полицейской провокации» при осуществлении оперативно-розыскной деятельности .....	70
<b>Иванова Ж. Б.</b> Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране объектов культурного наследия .....	76
<b>Савенко Н. Е.</b> Особенности и противоречия частноправового статуса самозанятого лица .....	83
<b>Орлова Н. И.</b> Проблемы установления места открытия наследства в отношении исключительного права на литературное произведение.....	90
<b>Несмелова О. Д.</b> Проблемы проверки нотариусом дееспособности гражданина при совершении нотариальных действий.....	102
<b>Ходырева Е. А.</b> Наследственное право: современное состояние и перспективы развития .....	105

<b>Бердышева С. Н.</b> Особенности гражданской правосубъектности вузов .....	113
<b>Белокрылова Е. А.</b> О некоторых особенностях становления и развития законодательства об обеспечении экологической безопасности нанотехнологий и их продуктов в Российской Федерации .....	119
<b>Тензина Е. Ф.</b> Тенденция развития уголовно-процессуальной политики на современном этапе .....	131
<b>Гафурова Э. Р.</b> К вопросу об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести .....	136
<b>Рубцов В. Г.</b> Производство следственных действий путём использования систем видео-конференц-связи: участие переводчика.....	141
<b>Чернышев В. А.</b> К вопросу о размере нагрузки на энергопотребление подключаемых объектов капитального строительства .....	147
<b>Машинникова Н. О.</b> Приговор как форма выражения внутреннего убеждения судьи по результатам рассмотрения уголовного дела .....	158
<b>Зварыгин В. Е., Ахатова А. М.</b> Проблемы установления момента начала жизни человека: уголовно-правовые и медико-правовые аспекты .....	162
<b>Анчишина Е. А.</b> Фактическое поведение сторон как способ заключения договора .....	175
<b>Невоструев А. Г.</b> О целях и задачах производства по делам о банкротстве (несостоятельности) .....	182
<b>Сегал О. А., Трищенко А. А.</b> Перспективы дистанционного удостоверения сделок нотариусами .....	192
<b>Ровнейко В. В.</b> «Финансовая пирамида» как вид организованной преступной группы и юридико-технические проблемы конструирования состава преступления, предусмотренного статьёй 172 <sup>2</sup> УК РФ .....	202

<b>Люминарская С. В.</b> Современное состояние и перспективы развития правового регулирования адресной социальной защиты в Удмуртской Республике .....	211
<b>Шишкина К. В.</b> Категория «уважительная причина» в трудовом праве Российской Федерации .....	218
<b>Стяжкина С. А.</b> Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению как мера профилактики коррупции..	224
<b>Русских Т. В.</b> К вопросу о роли Конституционного Суда Российской Федерации в защите трудовых прав и свобод работника .....	230
<b>Зинатуллин Т. З.</b> Цифровой уголовный процесс: взгляд на актуальную проблему .....	237
<b>Туров С. Ю.</b> Дискуссионные вопросы подследственности и подсудности уголовных дел, связанных с хищением безналичных денежных средств .....	243
<b>Шайхутдинова Н. П.</b> Некоторые проблемы реализации «президентских» нерабочих дней в период пандемии.....	256
<b>Барамидзе Д. Д.</b> Место и роль арктического права в правовой системе России .....	262
<b>Любовицкий А. Д.</b> 25 лет Научно-учебно-практической лаборатории судебных экспертиз ИПСУБ УдГУ (история создания и перспективы развития).....	270
<b>Новгородцев М. В.</b> К вопросу о возможности преобразования филиала (представительства) в юридическое лицо .....	276
<b>Матвеева И. В.</b> Особенности защиты прав потребителей при оказании юридических услуг .....	282
<b>Хуснутдинов Р. М.</b> О территориальной подсудности разрешения судом вопроса о наложении ареста на ценные бумаги .....	291
<b>Мунтяну П. В.</b> Санитарно-защитная зона как инструмент санитарного законодательства по охране окружающей среды.....	297
<b>Наговицын Д. Ю.</b> Актуальные вопросы и проблемы при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 205.6 УК РФ.....	304
<b>Сентябова А. В.</b> Проблемы реализации конституционного права по оказанию квалифицированной юридической помощи в суде .....	310

<b>Сафронов М. И.</b> О некоторых вопросах доступа к правосудию гражданского ответчика в рамках статьи 54 УПК РФ.....	315
<b>Липинский А. П.</b> Разъяснение недопустимости разглашения данных досудебного производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.....	322
<b>Юлбердин А. А.</b> Участие понятых в производстве осмотра места происшествия.....	327
<b>Ватлин Л. А.</b> Влияние сторон и третьих лиц на динамику гражданско-правового обязательства.....	334
<b>Журавлев В. В.</b> Подходы российской доктрины частного права к правовым последствиям смешения вещей.....	341
<b>Плетнева Д. М.</b> Тенденции развития российского законодательства о банкротстве юридических лиц.....	349
<b>Глухова Н. В.</b> Процессуальный механизм проверки заявления о фальсификации (подложности) доказательств и проблемы привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по гражданским делам.....	355
<b>Догадаева А. В.</b> Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания в виде лишения свободы....	366
<b>Мусихин А. Н.</b> Участие несовершеннолетнего свидетеля в уголовном судопроизводстве.....	373
<b>Гасанова Д. М.</b> Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования и действия следователя по делам о дорожно-транспортном происшествии.....	377
<b>Шитов А. В.</b> К вопросу о месте персонального признака в системе института подследственности.....	385
<b>Рыжков Д. И.</b> Некоторые проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.....	390
<b>Осипова А. Ю.</b> Понуждение к заключению основного договора как последствие неисполнения предварительного соглашения....	397
<b>Стародумов С. В.</b> Допустимость стандартизации в уголовно-процессуальном доказывании.....	403
<b>Татьянин Д. В.</b> Дискуссионные вопросы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве.....	409

**С. Д. Бунтов,**

*к. ю. н., доцент, профессор*

*кафедры гражданского права ИПСУБ,*

*советник при ректорате ФГБОУ ВО «Удмуртский*

*государственный университет»*

## **ОТ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПРАВОВЕДЕНИЕ» ДО ИНСТИТУТА ПРАВА, СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ (К 50-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)**

В 2022 г. исполнилось 50 лет с начала подготовки в УАССР специалистов с высшим юридическим образованием. В 1972 г. в только что созданном на базе Удмуртского государственного педагогического института (УГПИ) Удмуртском государственном университете (УдГУ) был открыт экономико-правовой факультет (ЭПФ) с отделениями экономики и правоведения.

О том, как проходил процесс создания и становления отделения правоведения ЭПФ и юридического факультета (ЮФ), профессором В. В. Овсиенко и автором настоящей работы было рассказано в 1997 году в совместной статье «Юридическому образованию в Удмуртии четверть века» [1] и в вышедшем в 2002 году издании «30 лет высшему юридическому образованию Удмуртии: историко-биографический очерк» [2]. В связи с этим из-за ограниченного объема данной работы автор включил в неё лишь краткие, наиболее значимые, с его точки зрения, характеристики отдельных периодов из истории юридического образования в УдГУ.

В формировании организационной структуры, коллектива преподавателей и сотрудников, создании материально-технической базы и других элементов системы, обеспечивающей подготовку юристов в УдГУ, на наш взгляд, можно выделить следующие этапы:

1972–1982 гг. – Открытие и становление ЭПФ с отделением «правоведение».

1982–1995 гг. – Создание в результате реорганизации ЭПФ юридического факультета (ЮФ), его становление и развитие.

1995–1997 гг. – Создание на базе ЮФ Национального центра юридического образования – юридического факультета (НЦЮО) с наделением его частичными правами юридического лица и его формирование в качестве обособленного подразделения УдГУ.

1997–2000 гг. – Реорганизация НЦЮО в Институт права, социального управления и безопасности (ИПСУБ) и становление ИПСУБ в качестве многопрофильного обособленного подразделения УдГУ.

2000 г. – по настоящее время. – Лишение ИПСУБ статуса обособленного подразделения УдГУ и его развитие как обычного многопрофильного учебного подразделения вуза (факультета, института).

В первые 10 лет наиболее значимым для обеспечения подготовки юристов было решение организационных вопросов: формирование организационной структуры; организация приема абитуриентов, подбора кадров преподавателей и сотрудников; разработка учебно-методической документации; приобретение учебной литературы и др. Этими вопросами, прежде всего, и были заняты руководители ЭПФ – его первый декан, доктор юридических наук, доцент В. В. Овсиенко, в последующем профессор, заведующий первой у юристов специальной кафедрой правоведения и сменивший его на посту декана ЭПФ кандидат юридических наук, доцент В. Д. Безрук, приглашенные в УдГУ его первым ректором, кандидатом технических наук, доцентом Б. Н. Шульгой, лично курировавшим формированием нового факультета.

В начале этого периода из-за отсутствия штатных преподавателей по большинству предметов занятия проводили практические работники – преимущественно сотрудники прокуратуры и судьи (Кравец С. П., Борзенков А. С., Синельников В. М., Кабиров Ф. З., Ушаков Р. Л., Пятак Г. Л., Бойко В. С., Кадров Н. В., Попов В. А., Ярыгин А. Ф. и др.). Приглашенные из других советских вузов кандидаты юридических наук (Безрук В. Д., Терешонков Е. И., Дудин А. П., Маликов М. Ф., Соколов В. А., Коваленко А. И., Семчен-

ко П. А., Куклин В. И. и др.), как правило, через 2–4 года работы увольнялись из УдГУ по собственному желанию.

В 1975–1978 гг. юридические кафедры ЭПФ пополнились целым отрядом ассистентов, выпускников Казанского государственного университета (Бунтов С. Д., Ерофеев Ю. Н., Лапшина Л. П.) и Московского государственного университета (Левшина В. М. и Черняев В. Н.). Все они, за исключением В. М. Левшиной, в 80-е годы успешно защитили кандидатские диссертации и на всю жизнь связали свои судьбы с УдГУ. С. Д. Бунтов (автор настоящей статьи) 8 лет был заместителем декана ЭПФ и юридического факультета, 14 лет деканом ЮФ и директором ИПСУБ, 15 лет проректором и ректором УдГУ. Л. П. Лапшина более 25-ти лет является заместителем директора ИПСУБ по учебной работе. В. Н. Черняев более 30-ти лет возглавлял кафедру хозяйственного (гражданского) права. В 1979 г. к ним присоединилась ещё одна выпускница Казанского государственного университета Т. Г. Веретенникова (в последующем – Понятовская Т. Г.), которая во время работы в УдГУ защитила сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. После защиты докторской диссертации она возглавила вновь созданную кафедру уголовного права и криминологии и, хотя и перешла на основную работу в Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, до сих пор по совместительству работает профессором этой кафедры.

Представляется, что такое представительство выпускников Казанского государственного университета среди преподавателей-юристов УдГУ не является случайным. Во многом этому способствовал уроженец Можгинского района УАССР, декан юридического факультета Казанского государственного университета (1972–1983 гг.), д.ю.н., проф. В. П. Малков, добившийся через Конституционный Суд РФ отмены возрастных ограничений на занятие должности заведующего кафедрой. Он многие годы по совместительству был профессором кафедры уголовного права и криминологии ИПСУБ, руководил её аспирантами и соискателями, подготовил для УдГУ нескольких кандидатов юридических наук, а также д.ю.н. Т. Г. Понятовскую.

В 1977 году состоялся первый выпуск студентов – юристов. Вопреки известному выражению – «первый блин комом», он оказался весьма удачным. Несмотря на жесткую систему распределения выпускников вузов, существовавшую в то время, благодаря усилиям заведующих юридическими кафедрами хозяйственного права и государственного и международного права (созданных путем разделения кафедры правоведения) проф. В. В. Овсиенко и доцента В. И. Куклина, немало их осталось работать ассистентами в УдГУ (Батычко Л. М., Игошин В. Н., Копысова Е. В. (Яковлева), Михайлов Н. И., Фоминых В. П.). Л. М. Батычко и В. Н. Игошин защитили кандидатские диссертации и навсегда связали свою судьбу с УдГУ, а Н. И. Михайлов, первый из выпускников ЭПФ защитивший кандидатскую диссертацию, проработавший несколько лет в УдГУ, в том числе деканом ЮФ, уже после распада Советского Союза был приглашен на работу в Институт государства и права Академии наук РФ, где успешно защитил докторскую диссертацию и стал первым заместителем директора этого института. В последующие годы преподавательский состав юридических кафедр ЭПФ тоже в основном пополнялся выпускниками специальности «Правоведение» (Ажимов В. П., Ившин В. Г., Игнатов С. Д., Катаргина Н. Н., Лыкова Н. В. (Кузнецова), Майзус И. Г., Мокшина М. А., Яковлев А. И. и др.). Из названных 8-ми ассистентов в последующем 4 защитили кандидатские диссертации, получили ученые звания доцентов и внесли большой вклад в развитие юридического образования в Удмуртии. В. Г. Ившин, пришедший на ЭПФ благодаря настойчивости заведующего кафедрой государственного и международного права, доцента В. Я. Юдина, много сделавшего для формирования хозяйственно-правовой специализации, 20 лет успешно руководит ИПСУБ; М. А. Мокшина более 30-ти лет заведует кафедрой теории и истории государства и права; Н. В. Кузнецова многие годы была заместителем заведующего кафедрой гражданского права, а последние годы её возглавляет; С. Д. Игнатов создал и почти 30 лет руководил юридической клиникой ЮФ и ИПСУБ. В целом период подготовки юристов на ЭПФ УдГУ можно условно назвать «ассистентским»,

поскольку большую часть штатных преподавателей юридических кафедр, как было показано выше, составляли молодые ассистенты, пришедшие в УдГУ прямо со студенческой скамьи.

В 1982 году в развитии юридического образования в УдГУ начался новый этап: ЭПФ был реорганизован в 2 самостоятельных факультета – экономический и юридический. ЮФ возглавил к.ю.н., доцент П. А. Семченко, до этого уже поработавший заместителем декана и деканом ЭПФ. После создания ЮФ тенденция пополнения преподавательского состава преимущественно своими выпускниками сохранилась. В то же время стала усиливаться и тенденция приглашения на юридические кафедры преподавателей из других вузов. Но она претерпела существенное изменение. Если первоначально на названные кафедры приглашали обычных кандидатов наук и выпускников ЮФ без ученых степеней, званий и педагогического опыта, то теперь преподавательский состав стремились пополнить преимущественно опытными педагогами, имеющими ученые степени и ученые звания, способными стать в УдГУ настоящими лидерами по соответствующим образовательным и научным направлениям.

На мой взгляд, придерживаясь хронологии, к таким лидерам следует отнести к. ю. н., доцента В. С. Колеватову, д. ю. н., доцента З. З. Зинатуллину (позднее получившего звание профессора в УдГУ), д. ю. н., проф. М. К. Каминского, д. ю. н., проф. В. Н. Яковлева.

Каждый из них сумел создать по своему направлению работоспособные творческие коллективы преподавателей и сотрудников, подготовить из числа выпускников ЮФ и ИПСУБ кандидатов и докторов юридических наук, которые сейчас составляют основу профессорско-преподавательского состава института (Л. Г. Татьяна, Е. А. Белокрылова, В. Е. Зварыгин, Ф. А. Абашева, Н. И. Вытовтова, Г. М. Камашев, С. А. Соболев, В. А. Чернышев, Е. А. Ходырева, П. М. Ходырев и др.).

Испытанием на жизнеспособность юридического факультета стало начало 90-х годов прошлого века. Нищенский уровень заработной платы преподавателей, её задержки привели к массовому их

уходу в сферу практической деятельности. Особенно это коснулось кафедры хозяйственного права, т. к. выпускники хозяйственно-правовой специализации в условиях начавшегося формирования рыночной экономики были наиболее востребованы. Выручило создание на факультете юридической консультации по инициативе старшего преподавателя Ю. Н. Ерофеева и основательной её поддержке проф. З. З. Зинатуллин. Многие преподаватели получили статус адвоката и стали практиковать, осуществляя защиту и по гражданским, и по уголовным делам. Это сыграло положительную роль и в повышении уровня преподавания, в соединении теории и практики. С появлением юридической консультации отток преподавателей с ЮФ прекратился.

Факультетский период в истории юридического образования в УдГУ условно можно назвать «доцентским», поскольку он характерен тем, что решающую роль в подготовке юристов стали играть кандидаты юридических наук, доценты, причем преимущественно собственные выпускники.

Весьма интересным периодом в истории юридического образования в УдГУ являются 1995–1997 гг. Принятый 10.07.1992 Закон РФ "Об образовании" [3] предоставил государственным образовательным учреждениям среднего и высшего профессионального образования право осуществлять подготовку и переподготовку специалистов по договорам с физическими и (или) юридическими лицами с оплатой ими стоимости обучения. Этим же Законом структурным подразделениям образовательного учреждения по его доверенности было разрешено осуществлять полностью или частично правомочия юридического лица, в том числе иметь самостоятельный баланс и собственные счета в банковских и других кредитных организациях. Ректор УдГУ В. А. Журавлев согласился предоставить такие правомочия нескольким структурным подразделениям университета, в том числе и Ю Ф. Но право распоряжения бюджетными средствами, выделяемыми на подготовку студентов из бюджета РФ и бюджета УР, а также средствами, полученными университетом за подготовку студентов в нормативные сроки по договорам с физиче-

скими и (или) юридическими лицами, ЮФ предоставлено не было. Эти средства должны были поступать на централизованный счет УдГУ. Для того, чтобы обеспечить частичное осуществление ЮФ правомочий юридического лица в 1995 г. было принято решение о создании на его базе Национального центра юридического образования – юридического факультета (НЦЮО) с наделением его указанными правомочиями. НЦЮО был зарегистрирован в налоговых органах, открыл свой банковский счет, сформировал свое штатное расписание и стал активно и достаточно успешно заниматься оказанием платных образовательных услуг. Из числа лиц, имеющих высшее не юридическое образование и желающих получить в сокращенные сроки второе высшее юридическое образование, ежегодно зачислялось более 100 человек для обучения в головном вузе, а в последующие годы также по 20–25 и более человек для обучения в городах: Воткинск, Глазов, Кудымкар, Можга, Нижняя Тура, Сарапул, Чайковский и др. В том же году НЦЮО создал Средний гуманитарно-юридический колледж (СГЮК), который возглавила А. С. Кокорина, и стал готовить за счет средств физических и юридических лиц специалистов со средним юридическим образованием. Благодаря активной деятельности проф. В. Ю. Войтовича отделения СГЮК были открыты во всех названных выше городах, а также в городах: Кирово-Чепецк, Куеда, Нефтекамск, Чернушка, Янаул; ряде районных центров (Дебесы, Игра, Киясово, Селты, Ува, Старый Уренгой, Тарко-Сале и др.). В этот период в НЦЮО по инициативе проф. М. К. Каминского были открыты новые специальности, базировавшиеся на значительном числе правовых дисциплин: «Документоведение и документационное обеспечение управления», «Безопасность жизнедеятельности», «Организация и технология защиты информации».

В связи с этим в 1997 году НЦЮО был преобразован в ИПСУБ, а автор настоящей статьи был избран его первым директором. Это преобразование послужило мощным стимулом дальнейшего развития в УдГУ юридического образования и юридической науки. Очень скоро институт стал одним из наиболее авторитетных

подразделений УдГУ. В нем были созданы 4 новые кафедры, 3 лаборатории; были открыты новые научные специальности в аспирантуре, докторантура, диссертационный совет; оборудованы компьютерные классы; для всех желающих преподавателей и сотрудников института были организованы бесплатные курсы по изучению компьютерной техники. По инициативе доктора медицинских наук В. Ю. Толстолуцкого было создано свое издательство «Детектив-информ».

К концу 4-го этапа истории юридического образования число докторов наук в ИПСУБ увеличилось с 2-х до 13-ти, а кандидатов наук – с 16-ти до 52-х. Большинство выпускников СГЮК поступали в УдГУ и получали, как правило, за счет средств физических и юридических лиц в ИПСУБ в сокращенные сроки высшее юридическое образование. Этими средствами ИПСУБ имел право распоряжаться самостоятельно. Численность студентов института по всем уровням и формам обучения превысила 6 тыс. чел. Институт стал основным «донором» УдГУ. Его доля в бюджете университета составляла 12 % [4].

В 2000 г. в связи с требованиями федеральных органов исполнительной власти ректорат УдГУ лишил свои структурные подразделения в г. Ижевске статуса обособленных подразделений. ИПСУБ вынужден был закрыть свой банковский счет и утратил возможность самостоятельного решения многих вопросов, прежде всего, финансовых и кадровых. Он стал таким же структурным подразделением, как и другие учебные подразделения УдГУ, не наделенные частичными правами юридического лица. К этому периоду формирование кафедр, лабораторий и других наиболее значимых подразделений ИПСУБ в основном было завершено. Он характерен относительной стабильностью кадрового состава всех кафедр, преимущественно состоявшего из кандидатов и докторов юридических наук, доцентов и профессоров. После 2000 года новых кафедр уже не создавалось, а в последние годы их число стало сокращаться за счет объединения.

В целом 2000–2022 гг. являются для ИПСУБ годами стабильности и постепенного развития. Сформированная в предшествую-

щий период организационная структура института уже почти не менялась. Кадровый состав тоже особо не претерпел изменений. Но качественно он улучшался за счет защит диссертаций, в том числе докторских (Посконин В. В., Посконина О. В., Татьяна Л. Г., Евсеенко Т. П., Каминский А. М., Антонов О. Ю., Камалова Г. Г., Ходырева Е. А.), получения ученых званий, повышения квалификации и т. п., а также приглашения докторов наук других факультетов и институтов УдГУ (Шумилов Е. Ф., Голев Р. В., Чиркин В. А.) и ИжГТУ (Климов И. З.).

Назвать всех преподавателей и сотрудников, внесших существенный вклад в процессы рождения, становления и развития юридического образования в университете, а уж тем более охарактеризовать этот вклад в рамках настоящей статьи невозможно. Но многое в дополнение к сказанному можно найти на сайте ИПСУБ, в том числе на страницах его кафедр, лабораторий и других подразделений, а также в ряде публикаций об УдГУ [5] и профессорах ИПСУБ [6].

### **Список литературы**

1. Проблемы правового регулирования в современных условиях: материалы науч.-практ. конф. Ч. 1 / ред. комиссия: З. З. Зинатуллин (отв. ред.), С. Д. Бунтов, Л. П. Лапшина [и др.]; Удмурт. гос. ун-т. Ижевск: Детектив-информ, 1997. 80 с.

2. 30 лет высшему юридическому образованию Удмуртии: ист.-биогр. очерк / редкол.: В. Н. Яковлев (отв. ред.), С. Д. Бунтов, В. Г. Ившин [и др.]; УдГУ, ИПСУБ. Ижевск: Детектив-Информ, 2002 г. 87 с.

3. Об образовании: Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 20.07.2000, с изм. от 24.10.2000) // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996. № 3. Ст. 150.

4. Пузанов В. В., Верижникова И. В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки, 1931–2001 гг. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. С. 127–128.

5. Там же. С. 91–93.; Шумилов Е. Ф. Большая наука. УДГУ: коллективный автопортрет / Е. Ф. Шумилов; [послесл. В. А. Журавлева]; Удмурт. гос. ун-т. Ижевск: РХД: Ин-т компьютер. исслед., 2006. С. 182–190; Голдина Р. Д. Университет – его судьба. – 2-е изд., стер. Ижевск: ИЦ Удмуртский университет, 2021. С. 56–60.

6. С. Д. Бунтов. К 75-летию со дня рождения Зинатуллина Зинура Зинатулловича, доктора юридических наук, профессора Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, Учителя // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д.ю.н., проф. З. З. Зинатуллина. Ижевск, 2013. 557 с.; Его же. К юбилею М. К. Каминского // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. Т. 29. № 5 (2019). С. 701–703.

***Н. В. Кузнецова,***

*к. ю. н., доцент, зав. кафедрой гражданского права ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ПРЕКРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Принцип свободы договора охватывает не только отношения, связанные с заключением гражданско-правовых договоров, но и распространяется на всю динамику договорного правоотношения, включая прекращение договора.

Расширение границ договорной свободы повлекло за собой появление в гражданском законодательстве права сторон договорного правоотношения на односторонний отказ от договора в качестве общего правила, распространяющегося на все гражданско-правовые договоры (ст. 450.1).

Заметим, что до внесения изменений в ГК РФ в 2015 году прекращение договора осуществлялось в основном в форме его расторжения. Вместе с тем для отдельных видов договорных отношений законодатель предусматривал и предусматривает в настоящее время право одной из сторон отказаться от договора в одностороннем порядке (например, ст. 523 ГК – односторонний отказ от договора поставки; ст. 717 ГК – отказ заказчика от договора подряда; ст. 1004 ГК – отказ комиссионера от договора комиссии и др.). Возможность отказа от договора в указанных и подобных других случаях рассматривалась как частный случай его расторжения, причем в упрощенном порядке.

Появление в Гражданском кодексе общего правила об одностороннем отказе от договора позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время существуют две самостоятельные правовые формы прекращения договора в гражданском праве: 1) расторжение договора и 2) односторонний отказ от договора. При этом указанные

правовые формы прекращения договора имеют существенные различия.

Для расторжения договора по требованию одной стороны всегда необходимы определенные основания. Гражданское законодательство предусматривает как общие основания расторжения договора по требованию одной из сторон договора (ст. 450, 451 ГК), так и устанавливает специальные основания расторжения договора по требованию одной стороны в рамках нормативного регулирования отдельных видов договорных отношений.

Односторонний отказ от договора допускается как при наличии определенных оснований, так и безосновательно. При этом необходимо учитывать правила ст. 310 ГК, согласно которым для обязательств с участием граждан и некоммерческих организаций как участников гражданского оборота основания для одностороннего отказа от договора могут быть предусмотрены законом или иными правовыми актами, а для субъектов предпринимательской деятельности – не только правовыми нормами, но и соглашением сторон.

Для расторжения договора по требованию одной из сторон требуется соблюдение процедуры, предусмотренной правилами ст. 452 ГК: сторона, желающая расторгнуть договор по определенному основанию, обязана уведомить об этом контрагента, выждать тридцать дней для ответа (иной срок может быть указан в уведомлении), а затем обратиться в суд с иском о расторжении договора. Для одностороннего отказа от договора достаточно уведомить об этом контрагента. При расторжении договор прекращает свое действие с момента вступления судебного решения в законную силу. В случае одностороннего отказа от договора – считается прекращенным с момента получения уведомления контрагента об отказе. Таким образом, необходимо четко разграничить такие правовые понятия, как

«расторжение договора» и «отказ от договора». Необходимость такого разграничения уже отмечалась в юридической литературе<sup>1</sup>.

Понимание различий между расторжением и отказом от договора может определенным образом служить основанием для совершенствования гражданского законодательства, регулирующего данные отношения. Так, например, обращает на себя внимание тот факт, что п. 1 ст. 450.1 говорит о том, что с момента получения уведомления об отказе от договора, договор *прекращается*, а п. 2 этой же статьи содержит положение о том, что в случае одностороннего отказа от договора, договор считается *расторгнутым*. Представляется необходимым унифицировать терминологию, используемую в ст. 450.1 и использовать термин «прекращение договора» в случае одностороннего отказа от его исполнения.

Обращает на себя внимание и различие в правовом регулировании отношений, связанных с неисполнением одной из сторон договора своего основного обязательства по этому договору в зависимости от определенного вида соглашения. Так, например, в рамках договора купли-продажи установлено следующее правило: если продавец не исполняет свое основное обязательство по договору – обязанность передать товар покупателю, п. 1 ст. 463 ГК предусматривает право покупателя *отказаться* от договора в одностороннем порядке. Однако в рамках института аренды законодатель предусматривает при схожих обстоятельствах иные правовые последствия. Согласно п. 3 ст. 611 ГК, если арендодатель не предоставил арендатору сданное внаем имущество, арендатор среди прочих вариантов поведения имеет право потребовать *расторжения* договора аренды. Заметим, что процедура расторжения договора требует определенных затрат времени и денежных средств, тогда как отказ от договора существенно упрощает процедуру его прекращения. Представляется, что во всех случаях, когда одна из сторон договорного правоотношения не исполняет своего основного обязательства

---

<sup>1</sup>Демкина А. В. Порядок и пределы реализации права на односторонний отказ от договора или от осуществления прав по договору: новые правила ГК РФ // Гражданское право. № 11 (170) 2015. С. 57.

по договору, контрагенту было бы целесообразно предоставить право на односторонний отказ от его исполнения в качестве правовой формы прекращения данного договора.

Еще один вопрос в рамках необходимости разграничения правовых форм прекращения договора в гражданском праве касается прекращения договора по обстоятельствам, независящим от сторон. Современный подход к регулированию указанных отношений заключается в установлении права заинтересованной в прекращении договора стороны предъявить требование о расторжении договора. Например, норма ст. 620 ГК предусматривает право арендатора на расторжение договора аренды в случае, если имущество в силу обстоятельств, за которые ни одна из сторон не отвечает, окажется в непригодном для использования состоянии. Аналогичное правило содержится в п. 3 ст. 687 ГК, предусматривающей право нанимателя жилого помещения требовать расторжения договора найма, если жилое помещение перестает быть пригодным для постоянного проживания, а также в случае его аварийного состояния. На наш взгляд, в указанных случаях также было бы правильно изъять заинтересованную в расторжении договора сторону от процедуры расторжения договора и предусмотреть ее право на односторонний отказ от договора.

Особого внимания в рамках рассматриваемых отношений заслуживает правило п. 3 ст. 310 ГК, предусматривающее право сторон в предпринимательском договоре предусмотреть обязанность отказывающейся стороны выплатить контрагенту определенную денежную сумму. При этом возникает вопрос о значении данного обязательства для прекращения договора. Возможно ли выплату денежной суммы считать условием такого отказа как односторонней сделки? Какие последствия влечет за собой отказ от договора в случае, если сторона, уведомившая контрагента об отказе, не выплатила такую денежную сумму? Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснения по данным вопросам, полагая, что в случае уведомления об отказе от договора, договор прекращается, и у отказавшейся стороны возникает новое обязательство – обязательство

по выплате определенной денежной суммы<sup>2</sup>. Следует заметить, что до появления в ГК РФ ст. 450.1 в рамках правового регулирования договора постоянной ренты, законодатель предусмотрел похожую конструкцию отказа от договора ренты плательщиком ренты путем ее выкупа. При этом п. 2 ст. 592 ГК предусматривает, что такой отказ действителен при условии, что он заявлен не позднее, чем за три месяца до прекращения договора, и договор ренты не прекращается до получения получателем ренты всей выкупной суммы. Таким образом, для прекращения рассматриваемого договора необходимы два обстоятельства: уведомление об отказе и выплата всей причитающейся суммы, иначе договор ренты продолжает действовать.

Представляется, что такой подход должен быть соблюден и при применении ст. 450.1 ГК. Для прекращения предпринимательского договора, содержащего условие о выплате определенной денежной суммы при отказе одной из сторон от этого договора, необходимы два обстоятельства: уведомление контрагента и выплата указанной в договоре денежной суммы. При отсутствии хотя бы одного из этих обстоятельств, договор не подлежит прекращению, а контрагент отказывающийся от договора стороны не имеет право требовать выплаты этой денежной суммы.

---

<sup>2</sup>О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского Кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016. № 54. П. 16.

### **3. З. Зинатуллин,**

*д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **«СОВЕТЫ ЛЕКТОРАМ» АНАТОЛИЯ ФЁДОРОВИЧА КОНИ – БЕСЦЕННЫЙ КЛАДЕЗЬ ПЕДАГОГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА**

95 лет прошло с тех пор, как в мир иной ушёл Анатолий Фёдорович Кони, справедливо и объективно оцененный, в частности, нашей современницей, профессором Смольковой Ираидой Вячеславовной в её опубликованной в 2012 году хрестоматии «Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве», как «выдающийся русский юрист, судебный и общественный деятель, судебный оратор, талантливый публицист, сенатор, член Государственного Совета, почётный академик Санкт-Петербургской академии наук, профессор Петроградского университета» (стр. 641). После окончания в 1865 году юридического факультета Московского университета всю свою дальнейшую жизнь А. Ф. Кони целиком и полностью посвятил служению единственной даме – Фемиде – богине правосудия, и чтобы ничего не мешало этому, он даже не женился.

Даже после великих революционных преобразований 1917 года А. Ф. Кони не только не покинул Россию, но и до 1922 года оставался профессором Петербургского университета, не отказываясь от встреч с матросами, проводя непосредственно на кораблях с ними, скажу так, лекции-беседы.

Будучи великим мастером слова, он своими знаниями всегда делился со слушателями, учил их тому, что называется «судоговорение». И этому способствовали его «Советы лекторам», которые и стали кладями ораторского искусства, своего рода бесценными установками – советами педагогической деятельности.

«Советы лекторам» А. Ф. Кони, возможно, всем хорошо известны; наши первокурсники познают их по учебному курсу – «Профессиональная этика юриста». Они во многом интуитивно определяют смысл и содержание преподавательской деятельности, жизнь педагога. И таких, четко сформулированных, вполне понятных для понимания и использования советов – рекомендаций не много (21); сгруппировать их можно в два раздела. Первый из таких разделов связан с процессом подготовки лектора к общению со слушателями (в нашем случае – со студентами); второй же включает в себя весь процесс передачи содержания соответствующей информации, доведения её до сознания слушателя.

Анатолий Фёдорович прежде всего указывал на то, что к любой лекции необходимо готовиться. Раз и навсегда написанных текстов лекций просто нет, особенно в сегодняшнее, скажу так, весьма «подвижное время», с его компьютеризацией, интернетом, с постоянно изменяющимися социально-экономическими условиями в жизни социума, того что неизбежно влияет на наши мысли, корректирует законодательные основы жизни. Со «старым багажом» выходить к студентам становится просто опасно, неприлично. Молодые люди сегодня не расстаются с «мобильниками»; создаётся впечатление, что и спят они в обнимку с гаджетами, интернетом, являющимся своего рода «клондайком» информации практически во всём мироздании. «Слепая» вера ко всему, что содержится в интернете, негативно отражается на мыслительной деятельности человека, отучивает его от того, что называется «аналитическим мышлением». Зачем думать, напрягать свои мозги, память, когда ответы на все вопросы содержатся в интернете. Но это далеко не соответствует действительности. Идёт XXI век того, что называется «новой эрой». А каков был период того, что именовался «до новой эры», нам мало что известно, о мироздании мы обладали лишь толикой знаний, объёмом того, что позволяло жить на «белом свете», не больше. Последуют новые открытия; содержащиеся в сегодняшнем интернете знания поблекнут волной современных, неизвестных нам сегодня знаний, освоение, познание которых без аналитического мышления, ос-

новного составляющего в числе предоставленных человеку чувственно-предметных рецепторов, просто невозможно. Природа наделила только и только человека таким бесценным даром, как наш мозг, который без специального, разрушительного на него воздействия сам по себе «не плавится». Любые ссылки на его «раскалённость» есть лишь форма проявления лени, того, что именуется как лентяйство. Как утверждал я ранее, так и утверждаю сегодня, то, что человек создан для познания; вне познания человека просто нет, не существует.

Но не отошёл ли я далеко от «Советов» А. Ф. Кони? Возможно и так, но возможно и нет.

Анатолий Фёдорович рекомендовал предстоящую речь написать полностью, «тщательно отделив её в стилистическом отношении». На мой взгляд, это субъективное дело каждого лектора. Возможно, для начинающего свою педагогическую деятельность преподавателя так и нужно поступать. Но заранее подготовленный текст речи может, скажу так, «расхолодить лектора» в том плане, что всё уже изложено, зачем ещё напрягаться. За 60 лет своей педагогической работы полных текстов своих выступлений я никогда не писал – ни во время работы в школе милиции, где начальство иногда требовало представление текстов лекций на «контрольный просмотр», ни в Казанском госуниверситете, ни здесь в Удмуртском университете. Составлял лишь план изложения материала, причём так, чтобы его в зависимости от обстоятельств, включая и характер состава аудитории, можно было корректировать. Тот, что для первокурсников, тем более тех, кто не обучался в юридических колледжах, это одно; для тех, кто получает второе высшее образование – план может быть и иным; ну а с магистрами – план может носить характер плана-беседы, плана-дискуссии.

Значительное внимание А. Ф. Кони уделил тому, как должен выглядеть сам лектор, чтобы в костюме которого ничего не было «вычурного и кричащего» (резкий цвет, необыкновенный фасон); грязный, неряшливый костюм производит неприятное впечатление. Такого лектора чаще всего просто и перестают слушать. Помнится,

как студентов 3 курса юридического факультета Казанского университета мы всегда по теме «Судебное разбирательство уголовных дел» водили в большой зал Верховного суда Татарстана. Дело по обвинению подсудимого в изнасиловании слушалось в понедельник, обвинение поддерживал небритый, не в прокурорской форме, а в какой-то помятой одежде – заместитель прокурора республики, татарин по национальности, слабо владеющий русским языком. В ходе разбора процесса на занятиях я поддержал «горячую критику» студентов относительно неряшливости прокурора и его речи. Вскоре от зав. кафедры профессора Ф. Н. Фаткуллина услышал рекомендацию – быть осторожным в подобного рода критике.

Значительное место в своих «Советах» Анатолий Фёдорович Кони уделил, скажу так, технологии чтения лекции, включающую в себя как изложение её содержания, так и тактику доведения информации до слушателя. Он, в частности, указывал: «Говорить следует громко, ясно, отчётливо (дикция), не монотонно, по возможности выразительно и просто». Тон речи должен меняться в зависимости от того, о чём идет речь. Анатолий Фёдорович почему-то умалчал о темпе речи. Темп речи должен согласовываться с возможностями человека слышать всё то, о чём идёт речь. Быстрая речь по принципу «прострочил из пулемёта» не воспринимается нашим слуховым аппаратом; при медленной речи психология слушателя становится ориентированной не на содержание речи, а на то, когда же лектор произнесёт, «родит» очередное слово и тем более фразу.

До эпохи компьютеризации содержание речей излагалось, как правило, на стандартных листах бумаги, на печатных машинках типа «Прогресс» через два интервала между строками, число которых составляло 31–32 строки с количеством 60–62 буквы в строке. И если содержание такого текста произносилось лектором в течение 2 минут 15 секунд – 2 минуты 30 секунд, то это как раз тот темп, который способствовал слушателю хорошо услышать и усвоить содержание речи.

Опираясь на такие ориентиры, я предлагал своим дипломникам готовить тексты своих выступлений перед ГАК не более чем

на 2,5 таких листах, что позволяло изложить содержание работы в пределах 10–12 минут, ибо дальше комиссия, как правило, «не выдерживала» и прерывала выступающего, в силу чего студент просто теряется, забывает всё то, что он знал.

Анатолий Фёдорович не рекомендовал лектору «расхаживать по сцене, делать однообразные движения», считал, что лектор должен быть в достаточной мере освещён, «лицо говорит вместе с языком». Кони, безусловно, прав в том, что лектору «полезно всматриваться в отдельные группы слушателей», тем самым привлекать к себе внимание; глубоко прав Анатолий Фёдорович и в том, что «у лектора не должно быть одной какой-то точки, на которую приковывался бы всё время речи его взор».

Начав свою преподавательскую деятельность в январе 1961 года, я естественно стремился читать лекции «не хуже старших», мне посоветовали посетить лекцию начальника кафедры гуманитарных наук Ц. Лектор содержание лекции, как мне представилось, знал глубоко, никаких заранее изготовленных листов-подсказок у него не было. Он ходил спокойно между двумя рядами курсантов (на потоке их насчитывалось до 175 человек) и говорил по темпу, позволяющему записывать всё то, о чём он говорил. Но мне бросилось в глаза, что практически никто из курсантов не записывает, лектора просто не слушают. Причина всего этого в том, что лектор в ходе своего движения между рядами курсантов, закинув голову, смотрит только в потолок; своих слушателей-курсантов он просто не видит. Так читать лекции, конечно, нельзя, надо всегда смотреть в глаза слушателей, в глазах можно «прочитать» всё: понимает ли тебя студент или не понимает. Во втором случае надо как-то перестроиться, прибегнуть к более понятным словам, выражениям, возможно, разъяснить смысл использованных иностранных слов, логических выражений.

Вообще-то надо как можно меньше прибегать к иностранным словам; впрочем, как и к современному молодежному сленгу.

Читая и перечитывая «Советы лекторам» А. Ф. Кони, можно, а скорее нужно почерпнуть из них много полезного, нужного для педагога. Позволю ограничиться сказанным, но в заключении счи-

таю действительно необходимым нашему руководству принять меры к тому, чтобы возродить курсы по совершенствованию преподавательского мастерства. Такие курсы у нас были, работали неплохо, что и позволило преподавательскому составу окрепнуть. Школа эта как-то тихо сошла на нет. Причина, возможно, и в остепенённости преподавателей, но и остепенённым никогда не мешает работа по улучшению качества преподавания; тем более что молодежь сегодня «шустрая», оснащенная практически всем тем, что и нужно новому поколению. Рекомендовал бы я и то, чтобы кафедры организовали так называемые открытые лекции с последующим дружеским разбором проведённых занятий. Почему бы не предусмотреть специального раздела в части образовательного процесса и в нашем «Вестнике Удмуртского университета»?

Настоятельно рекомендую ещё раз (лучше неоднократно) вникнуть в содержание «Советов лекторам» академика Анатолия Фёдоровича Кони.

Пользуясь случаем, хотел бы остановиться на следующем. Дело в том, что на каждой кафедре института работают помощники заведующего и педагога в лице методистов, имеющих высшее юридическое образование и прекрасно освоивших всё необходимое для печатания, в том числе и научных статей. Очень хотелось бы, чтобы печатная продукция соответствовала предъявляемым требованиям, и её содержание было изложено грамотно, относительно последнего у нас далеко всё не так хорошо. Допускаю, что в любом напечатанном тексте могут иметь место грамматические ошибки, хотелось бы, чтобы они были, действительно, ошибками грамматическими, а не, скажу так, «зловредными». Проверяю текст статьи «Насущные, узловые проблемы постсоветской уголовно-процессуальной науки» и узнаю, что в 1956 году я стал студентом Казанского орденов Ленина и Трудового красного КРЕСТА университета; что с января 1961 года работал я в какой-то «студенческой» школе милиции. В аннотации к названной статье указывается, что я анализирую процесс «отставания» постсоветской уголовно-процессуальной науки, а не её становление и развитие. 38 лет я работаю в Удмуртском го-

сударственном университете, всю свою жизнь посвящая тому, чтобы в университете правовая наука вообще и уголовно-процессуальная наука в частности прочно становилась и развивалась; мечтал, чтобы нас в России не просто знали, но признали наличие сформировавшейся у нас научной школы уголовного процесса. Своеобразным подарком к моему 85-летию и стал журнал «Судебная власть и уголовный процесс» № 1, 2022, полностью посвящённый научной школе уголовного процесса Удмуртского государственного университета. Нас признали одной из ведущих научных школ уголовного процесса. Не оправдывать этого мы сегодня просто не можем, да и наш энергичный заведующий в лице профессора Татьяниной Ларисы Геннадьевны не позволит нам расхолаживаться.

Благодарю читателей и слушателей за проявленное ко мне и к содержанию данной статьи внимание!

**Г. Г. Камалова,**

*д. ю. н., доцент, зав. кафедрой информационной*

*безопасности в управлении ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сегодня уже стало привычным утверждение о цифровизации всех сфер жизни, что в полной мере соответствует современным тенденциям развития общества и государства. Революционная динамика цифровых инноваций и внедрения цифровых технологических решений, вызывая значительную трансформацию отношений в обществе, не могла не найти отражение в праве как универсальном регуляторе социальной действительности, а также юридической деятельности как его практическом проявлении.

Вместе с тем исследование показывает, что влияние информационно-коммуникационных технологий на современное право неоднородно. Не останавливаясь на отдельных аспектах и обобщая, в целом можно выделить три основные направления цифровизации права, отличающиеся сущностью происходящих процессов:

- внедрение цифровых технологий в профессиональную юридическую деятельность как результат развития правовой информатики;
- трансформация собственно права в процессе включения в сферу права новых объектов и общественных отношений;
- формирование машиночитаемого права как нового способа представления правовых норм и их реализации.

Нельзя не отметить, что в свое время в рамках развития правовой информатики в Удмуртском государственном университете под руководством В. В. Овсиенко была создана соответствующая лаборатория, которая и сегодня продолжает оставаться на передовых рубежах цифровизации права в нашей республике.

Развитие правовой информатики в настоящее время привело к существенным изменениям в профессиональной деятельности юриста. Без них не может обойтись работа любого юриста. Характеризуя цифровые технологии, применяемые в сфере юридической деятельности, используют довольно широкий спектр терминов и понятий: PerTech, ЮpTech, LegalTech, RegTech и иных. Сегодня широкое применение информационных справочных правовых систем, электронного документооборота и электронной подписи, конструкторов правовых и организационно-распорядительных документов, цифровых платформ и многого другого стало обычным для юридической деятельности. Привычными для права стали термины «электронное судопроизводство» и «электронный нотариат». Решение задач информационного обеспечения юридической деятельности подготовило фундамент для современного этапа использования многоуровневых и многообразных правовых ресурсов и их интеграции. Кроме того, существенное значение для дальнейшей автоматизации информационных процессов в юридической деятельности имеют технологии искусственного интеллекта, больших данных, виртуальной и дополненной реальности, облачные технологии и технологии распределенного реестра. Указанные процессы свидетельствуют о расширении цифрового инструментария юриста и ставят вопросы повышения эффективности защиты правовой информации.

Наибольшим вызовом современности, полагаем, следует считать правовые аспекты внедрения технологии искусственного интеллекта. Однако современный уровень развития данной технологии вряд ли позволяет говорить о возможности замены человека в роли судьи или в иной высокопрофессиональной ипостаси юриста. Пока искусственные интеллектуальные системы могут выступать лишь в качестве «интеллектуального помощника» и информационно-аналитического обеспечения деятельности юриста.

Второе направление – цифровая трансформация права выражается в том, что под воздействием научно-технических и технологических достижений общество меняется, позволяя исследователям

констатировать изменение «регуляторного ландшафта» [1], что детерминирует происходящие изменения в системе правового регулирования и соответственно правовой науке [2]. В праве все чаще используются новые термины и понятия, разнообразные классификации, процедуры и правила, взаимосвязанные с цифровыми технологиями, формируются институты права и отрасли, развивая систему права. В этом же векторе современной эволюции права лежит процесс становления информационного права. Существенное значение правового обеспечения процессов цифровизации имеют интернет-право, институт идентификации в цифровом пространстве и иные институты современного права. Получили дальнейшее развитие и традиционные институты информационного права, включая институт информации ограниченного доступа [3]. В настоящее время продолжается расширение системы институтов информационного права. Ведутся дискуссии о цифровом праве и праве искусственного интеллекта.

Цифровая трансформация системы общественных отношений детерминировала формирование «цифровых» прав, цифровых финансовых активов, экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и многих иных новел российского права и законодательства. Нельзя не отметить, что в современных условиях дальнейшего развития информационного общества, новых рисков и вызовов, становления многополярного мира происходит пересмотр доктринальных взглядов на права человека и переоценка ценностей. Использование научно-технических достижений в сфере клонирования, искусственного интеллекта и робототехники; расширение областей применения технологий больших данных, распределенного реестра, квантовых решений и других инноваций, с одной стороны, создают комфортную среду и позволяют решать множество актуальных практических задач, а с другой – меняют представление о необходимом и достаточном для жизни человека и соответственно его правах. Указанное также нашло отражение в «смысловой модернизации» существующих конституционных положений [4, с. 20], придав защите цифровых данных уровень вопроса федерального

значения. Процессы цифровой трансформации сегодня модернизируют правовое регулирование значительной части сфер общественной жизни, включая финансово-кредитную, трудовую, медицинскую, образовательную сферы, связь и коммуникации. Это нашло отражение, помимо прочего, в разработанной и предлагаемой с 2022 года Удмуртским государственным университетом программе подготовки магистров – «Правовое обеспечение цифровой трансформации».

Рассмотренное позволяет сделать вывод, что цифровые технологии в настоящее время не только меняют общественные отношения, регулируемые правом, но и само право и правовую практику, превращаясь в инструмент трансформации государства и права. При этом феномен права становится не только средством, но и объектом современной цифровизации. В этих условиях встает вопрос о том, каким должно быть право цифровых технологий? Существуют три подхода к его решению: приспособление существующих правовых норм к отношениям в информационной сфере; доработка норм в соответствии с текущей ситуацией и существующими тенденциями; формирование принципиально новых институтов и отраслей права. Однако представляется, что истина, как всегда, посередине, и решение проблем цифровизации потребует использования всего арсенала юридической науки и практики.

Третьим направлением цифровизации права является машиночитаемое право, которое способно изменить саму сущность права посредством трансформации глубинных механизмов правового регулирования в контексте способа представления и реализации норм права. Исследование потенциала перевода права в машиночитаемый вид и автоматизации исполнения правовых норм является важным в рамках совершенствования регуляторных механизмов. Поэтому сегодня как никогда актуальна разработка специального искусственного языка формализованного изложения норм права. В рамках развития данного направления в сентябре 2021 г. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ве-

дения предпринимательской деятельности была утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права [5]. В указанном документе развитие машиночитаемого права связывается с систематизацией знаний о направлениях и способах развития машиночитаемого права для последующего применения и возможности обеспечить «встраивание» норм права посредством кодирования их содержания в информационные системы и автоматизацию различных сервисов, включая автоматический обмен цифровыми данными. При этом под машиночитаемым правом в Концепции понимается основанное на онтологии права изложение определенного набора норм права на формальном языке, а также совокупность инструментов применения норм в таком виде в информационных системах и программном обеспечении.

Машиночитаемое право в настоящее время представляется наиболее продвинутой информационно-технологической концепцией в аспекте трансформации механизма правового регулирования в цифровую эпоху. Однако развитие механизации правовых норм в аспекте кодирования их содержания предполагает решение целого ряда вопросов, включая формирование моделей рассуждений и принятия решений, анализа и обобщения правовых текстов. На данном пути, однако, возникнут значительные сложности, связанные с естественным языком современного представления правовых конструкций, значительным объемом правовых документов, необходимостью выявления смысла правовых норм, отсутствием единого и непротиворечивого перечня действующих в России нормативных правовых актов различных уровней [6], сложноорганизованным характером системы права, возможностью толкования норм права, многообразием и оценочностью многих понятий и концептов права. Процесс применения принципов права носит творческий характер, а именно его лишены автоматизированные системы, включая искусственный интеллект. Кроме того, правоприменение предполагает наличие определенной эмпатии, чем пока не обладают системы на базе технологии искусственного интеллекта, если это вообще возможно. Исследователи отмечают, что нередко существуют

глубоко спрятанные логические противоречия в праве, выявляемые лишь в процессе многократного применения нормы [7].

Таким образом, исследование показывает, что с одной стороны, цифровизация права является многоаспектным динамически развивающимся процессом, а с другой стороны, сегодня как никогда актуальны вопросы сохранения права как социального института. Концепция машиночитаемого права, представляющая научный интерес в отношении автоматизации норм определенных областей применения права, вместе с тем вызывает определенное беспокойство профессионального сообщества в части размывания ценности права. Происходящие в современном обществе изменения сопровождаются некоторым пересмотром традиционных ценностных ориентиров, и это не может не беспокоить.

Идея, что человек и его права являются высшей ценностью в системе правового регулирования и правоприменения в ракурсе рассмотренных аспектов цифровизации права, сегодня приобретает новое звучание и становится особо значимой ввиду отмечаемого исследователями усиления доверия со стороны человека и общества в целом к цифровым технологиям, изменения социума под влиянием цифровых и иных инновационных технологий, возникновения эмоциональной зависимости от них.

### **Список литературы**

1. Полякова Т. А., Чеботарева А. А. О новом «регуляторном ландшафте» в условиях цифровой трансформации системы права и экономики // Информационное право. 2020. № 2. С. 4–8.

2. Камалова Г. Г. Роль цифровых технологий в трансформации права в условиях развития информационного общества // Современные проблемы частноправового регулирования: сб. ст. / отв. ред.: Н. В. Кузнецова, Е. А. Ходырева. Ижевск, 2019. С. 78–85.

3. Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 52 с.

4. Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 19–22.

5. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // Документ опубликован не был [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

6. Троян Н. А. Информационно-правовое обеспечение развития национальной системы правовой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 28 с.

7. Иванов А. А. О глубине машинизации права // Закон. 2018. № 5. С. 35–41.

*Л. Г. Татьяна,*

*д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой*

*уголовного процесса и правоохранительной деятельности*

*ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО СЛОЖНОСОСТАВНЫМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СОВЕРШЕННЫМ С УЧАСТИЕМ ОБВИНЯЕМЫХ, ИМЕЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА**

Производство по уголовным делам с участием обвиняемых, имеющих психические расстройства, представляет определенную трудность, связанную со сложностью выявления у лица психического расстройства, его диагностики, а также определение состояния вменяемости и дееспособности. Наличие у человека психического расстройства, даже группы инвалидности по психическому заболеванию не говорит о том, что данное лицо является невменяемым или недееспособным. Учитывая, что в уголовном процессе действует презумпция психического здоровья участника процесса, то любое лицо, вовлеченное в уголовное судопроизводство, считается психически здоровым. В зависимости от обстоятельств совершенного преступления и поведения подозреваемого/обвиняемого возникает вопрос о необходимости установления его психического состояния.

При производстве по простым односоставным уголовным делам, по которым привлекается к уголовной ответственности одно лицо за совершение одного преступления, вопрос об установлении психического состояния лица имеет значение в основном для принятия решения о его вменяемости/невменяемости, и с учетом решения указанного вопроса – о необходимости применения принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ).

Следует отметить, что вменяемым/невменяемым подозреваемого/обвиняемого признает суд, но при производстве предварительного расследования решение указанного вопроса отдается на усмотрение следователя, поскольку установление юридического

критерия вменяемости находится полностью в его ведении. Следователь не обладает знаниями в области медицины и психиатрии, поэтому, решая вопрос о предполагаемой вменяемости/невменяемости лица, он полностью полагается на медицинский критерий, который устанавливается врачами-психиатрами и находит свое отражение в заключении судебно-психиатрической экспертизы (далее – СПЭ), где указывается не только психиатрический диагноз испытуемого, но и необходимость применения к нему принудительных мер медицинского характера соответствующего типа. Получив заключение СПЭ, следователь на основе анализа положений гл. 51 УПК РФ делает простой вывод, если в заключении указано, что испытуемый нуждается в применении ПММХ в стационарных условиях, то следователь принимает решение о направлении уголовного дела в суд с постановлением о применении ПММХ, исходя из невменяемости подозреваемого / обвиняемого либо возникшей после совершения преступления недееспособности. При заключении СПЭ о том, что испытуемый нуждается в применении лечения в амбулаторных условиях и наблюдении врача-психиатра, следователь по окончании предварительного расследования направляет уголовное дело в суд с обвинительным заключением.

По простым односоставным уголовным делам, когда привлекается только один подозреваемый/обвиняемый, поскольку он является центральным участником уголовного дела, поскольку в отношении него осуществляется деятельность, связанная с установлением его виновности/причастности к совершению преступления, процесс доказывания, хотя и подлежит корректировке после установления психического состояния конкретного лица, но он не нарушает полностью установленную картину произошедшего события, поскольку вся система доказательств связана с проверкой и установлением причастности конкретного лица к произошедшему событию, независимо от его позиции. Исследуемый факт устанавливается посредством исследования иных собранных по уголовному делу доказательств.

Наиболее сложная ситуация возникает при производстве по сложносоставным уголовным делам, под которыми понимается производство, в рамках которого официально, юридически ведется преследование одного лица по совокупности преступлений либо группы лиц в совершении одного или нескольких преступлений<sup>3</sup>, в случае когда одним из подозреваемых/обвиняемых выступает лицо, имеющее психические расстройства.

С одной стороны, в группе лиц может оказаться лицо, которое имеет выраженное психическое расстройство, сопряженное с отставанием в психическом развитии. Соучастники могут использовать указанное лицо, при этом вопрос о его невменяемости или недееспособности у них не возникает. С другой стороны, в группе может оказаться подозреваемый/обвиняемый, который имеет психическое расстройство, не предполагающее отставание в интеллектуальном развитии, но имеющее глубокое поражение психического состояния, его соучастники даже не могут предполагать о наличии психического расстройства у такого лица, тем более о возможной его недееспособности, либо возникновении невменяемости в момент совершения преступления. Наличие в группе лица с психическим расстройством может создать значительные проблемы в процессе доказывания при производстве предварительного расследования и последующего рассмотрения уголовного дела в суде.

Изначально презюмируется дееспособность и вменяемость всех подозреваемых/обвиняемых по уголовному делу, в связи с чем проводятся следственные действия со всеми подозреваемыми/обвиняемыми, при этом не ставится под сомнение их способность правильно воспринимать происходящее и давать показания в отношении произошедшего события, также не возникает сомнений, что они были правильно восприняты и осознаны.

При установлении у лица наличия психического расстройства либо отдельных поведенческих отклонений, либо перенесения различных заболеваний, травм головного мозга и т. п. решается вопрос о назначении СПЭ. При проведении СПЭ ставятся вопросы о нали-

---

<sup>3</sup>См.: Бондаренко А. А. Производство по сложносоставному уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 8–9.

чии у лица психического расстройства и уровня его поражения на момент совершения преступления и после его совершения, а также о необходимости применения к лицу ПММХ и их вида. После получения заключения СПЭ, в котором указано, что лицо нуждается в применении ПММХ, следователь оказывается в сложной ситуации, у него возникает проблема с дальнейшим производством по уголовному делу. В случае признания обвиняемого/подозреваемого нуждающимся в амбулаторном лечении с наблюдением врачом-психиатром вопрос о его недееспособности или невменяемости не ставится. Хотя показания такого подозреваемого/обвиняемого будут оцениваться очень тщательно, перепроверяться, но они не могут быть отвергнуты в связи с тем, что лицо не осознавало характер своих действий, поскольку статическая информация, получаемая от такого лица, не ставится под сомнение в принципе, при этом она закрепляется посредством имеющейся в деле совокупности доказательств.

Намного сложнее, когда лицо признается нуждающимся в применении ПММХ в стационарных условиях, что говорит о невменяемости лица на момент совершения преступления либо развитии психического расстройства обвиняемого/подозреваемого после совершения преступления, когда оно приобретает психотический уровень, исключающий способность осознавать характер своих действий и/или руководить ими. Если по сложносоставному уголовному делу проходит только один обвиняемый, то решается вопрос о его психическом состоянии применительно к каждому эпизоду преступной деятельности, после чего принимается решение о направлении уголовного дела в суд для принятия решения о применении ПММХ до выздоровления лица либо улучшения его состояния здоровья. В случае, если лицо признается невменяемым по всем эпизодам, то следует прекратить уголовное преследование, если по отдельным – следует решить вопрос о приостановлении производства по уголовному делу, которое необходимо будет возобновить после излечения обвиняемого/подозреваемого.

При установлении психического расстройства у одного из обвиняемых по уголовным делам, совершенным группой лиц, ситуация складывается более сложная. На лицо, чьи показания оцениваются как неосознанные и не могут быть положены в основу приня-

тия решения, очень легко перенести всю вину в совершении наиболее опасных действий и принятие наиболее жестких решений, при этом никто из соучастников не будет ставить под сомнение психическое состояние лица с психическими отклонениями на момент совершения преступления, что позволит говорить об определенном страхе перед ним и вынужденном совершении преступных действий. Показания лица, нуждающегося в применении ПММХ, в указанных случаях во внимание не принимаются. Если факт психического расстройства установлен не на первоначальном этапе расследования, то все доказательства, полученные с участием указанного лица, ставятся под сомнение и признаются недопустимыми. Ситуация подходит к критической линии, вновь провести большинство следственных действий невозможно, а проведенные ранее – недопустимые.

В целях исключения возникновения указанных ситуаций полагаю, что на первоначальном этапе расследования по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях необходимо назначать судебно-психиатрические экспертизы всем подозреваемым/обвиняемым. При получении заключения в отношении лица о том, что оно нуждается в применении ПММХ в стационарных условиях, следует решать вопрос о выделении в отношении него уголовного дела в отдельное производство, исключив указание диагноза, который будет положен в основу принятия указанного решения. Лицо должно быть помещено на лечение в соответствии со ст. 28 Закона № 3185-1 от 2 июля 1992 года<sup>4</sup>, производство по уголовному делу следует приостановить. Вопрос о направлении уголовного дела в суд для принятия решения о применении ПММХ должен решаться только после рассмотрения основного уголовного дела. Данный порядок позволит обеспечить рассмотрение уголовного дела по существу в отношении остальных участников преступной группы при соблюдении защиты прав лица, имеющего психическое расстройство и не способного обеспечить свою защиту.

---

<sup>4</sup>О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ № 3185-1 от 2 июля 1992 года // СПС «Консультант Плюс».

***К. И. Коробко,***

*к. ю. н., зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин  
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет  
им. Питирима Сорокина»,  
г. Сыктывкар*

## **НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ В СИСТЕМЕ РЕГУЛЯТОРОВ ОТНОШЕНИЙ ПО ОКАЗАНИЮ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ**

Нормативные правовые акты занимают центральное место в системе регуляторов отношений по оказанию платных медицинских услуг, что обуславливает необходимость их изучения. В статье проведен анализ места и роли нормативных правовых актов в системе регуляторов отношений по оказанию платных медицинских услуг. Установлено, что система нормативных правовых актов, посредством которых регулируются отношения по оказанию платных медицинских услуг, имеет сложную структуру, состоящую из следующих уровней: конституционный; международно-правовой; федеральный; субъектов Российской Федерации; муниципальный; локальный.

В истории предпринимательской деятельности в сфере оказания платных медицинских услуг были разные этапы, на каждом из которых имелись правовые регуляторы, отвечающие уровню развития общественных отношений. М. Ю. Челышевым было предложено следующее раскрытие содержания категории «регулятор в праве (правовой регулятор)»: различной юридической силы и различных уровней юридические инструменты, явления правовой действительности, содержащие различного рода обязательные предписания для соответствующих субъектов [1]. В качестве правовых регуляторов в гражданско-правовой сфере М. Ю. Челышев выделил следующие: 1) нормативные правовые акты, включая и гражданское законодательство; 2) правовые позиции высших судебных инстанций и судебная практика по конкретным делам; 3) обычаи; 4) реше-

ния собраний; 5) гражданско-правовые договоры [1, с. 191]. Помимо указанных правовых регуляторов А. В. Михайловым было предложено отнести к их числу также ненормативные акты органов государственной власти, корпоративные (локальные) акты и акты саморегулируемых организаций, волевое решение управомоченного субъекта гражданских прав по поводу их осуществления, квазирегуляторы [2]. Предлагаем в рамках настоящей статьи рассмотреть такой правовой регулятор, как нормативные правовые акты, посредством которых регулируются отношения по оказанию платных медицинских услуг.

Приступая к рассмотрению данного вопроса, считаем необходимым отметить, что исследование правовых норм, посредством которых регулируются отношения по оказанию платных медицинских услуг, носит межотраслевой характер. М. Ю. Челышев определял межотраслевые связи в праве как отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая и их отдельные части [3]. В связи с вышеизложенным, рассматривая нормативные правовые акты Российской Федерации, посредством которых осуществляется правовое регулирование отношений по оказанию платных медицинских услуг, можно отметить, что имеет место сочетание правовых актов разной отраслевой принадлежности. С одной стороны, это нормативные правовые акты, определяющие общие условия осуществления предпринимательской деятельности. С другой стороны, оказание платных медицинских услуг относится к медицинской деятельности, которая является специфичной сферой, имеющей особое, специальное законодательное регулирование, что, в свою очередь, непосредственно влияет на осуществление предпринимательской деятельности.

Представляется, что исследование нормативных правовых актов, посредством которых осуществляется правовое регулирование отношений по оказанию платных медицинских услуг, должно носить системный характер. В связи с вышеизложенным представляется необходимым структурировать по уровням нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере.

Высшим уровнем нормативных правовых актов, действие которых распространяется на отношения по оказанию платных медицинских услуг, является *конституционный уровень*. Конституция РФ, являясь основным законом нашего государства, регламентирует основы конституционного строя, определяет основные направления развития всей системы законодательства нашего государства. Вместе с тем в Конституции РФ есть и прямые нормы, обеспечивающие конституционные основы правового регулирования предпринимательской деятельности. Совокупность этих норм принято называть экономической конституцией. Они формируют конституционные предпосылки для предпринимательства, гарантируют право на занятие предпринимательской деятельностью, обеспечивают защиту частной собственности, устанавливают ограничения в экономической сфере [4]. Также в ст. 2, ст. 7, ст. 41 Конституции РФ содержатся нормы, регламентирующие вопросы здравоохранения в Российской Федерации.

Следующим уровнем нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере является *международно-правовой*. Международно-правовые договоры, заключенные и ратифицированные Российской Федерацией, по своей юридической силе занимают в системе источников российского права место между Конституцией Российской Федерации и Федеральными конституционными законами [5]. Весьма важная роль в регулировании рассматриваемых отношений отводится общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации.

К рассматриваемым источникам права применительно к предпринимательской деятельности, в том числе в сфере охраны здоровья граждан, можно отнести Конвенцию о защите прав человека и основных свобод [6], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [7], Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» [8], а также ряд других. В качестве основных общепризнанных принципов и норм

международного права и международных договоров Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан можно указать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод [9].

Следующим уровнем нормативных правовых актов, посредством которых регулируется оказание платных медицинских услуг, является *федеральный уровень*. На данном уровне высшей юридической силой обладают федеральные конституционные законы. В соответствии с п. 1 ст. 108 Конституции РФ федеральные конституционные законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации. Среди федеральных конституционных законов важнейшими для предпринимательской деятельности являются Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [10], Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [11] и др.

Дискуссионным является вопрос отнесения федеральных конституционных законов к числу нормативных правовых актов, посредством которых регулируются вопросы охраны здоровья граждан. В ст. 3 Федерального закона «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» федеральные конституционные законы не включаются в состав законодательства в сфере охраны здоровья. Вместе с тем ряд ученых придерживается мнения, что федеральные конституционные законы наряду с Конституцией РФ являются правовой основой законодательства об охране здоровья граждан, т. к. содержат ряд важных норм, влияющих на организацию и порядок оказания медицинской помощи населению (отдельным категориям граждан) [12].

Далее, считаем необходимым на федеральном уровне рассмотреть федеральные законы. Проведем анализ федеральных законов с точки зрения деления их на кодифицированные и некодифицированные.

Основным кодифицированным федеральным законом, играющим наиболее существенную роль в регулировании пласта рассматриваемых правоотношений, является Гражданский кодекс

РФ. Также к наиболее важным в рассматриваемой сфере кодифицированным федеральным законам можно отнести Трудовой кодекс РФ [13], Семейный кодекс РФ [14], которые содержат нормы, регламентирующие отдельные аспекты предпринимательской деятельности в сфере охраны здоровья граждан.

Некодифицированные федеральные законы, регламентирующие отдельные виды предпринимательской деятельности, можно разделить на законы, содержащие общие нормы в сфере предпринимательства и специальные законы об отдельных видах предпринимательской деятельности [15].

Применительно к предпринимательству в сфере охраны здоровья граждан некодифицированными федеральными законами, содержащими общие нормы, регламентирующие осуществление предпринимательской деятельности, будут Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [16], Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [17] и др.

Некодифицированные федеральные законы, регулирующие вопросы охраны здоровья граждан, можно подразделить на федеральные законы общего характера, регулирующие вопросы охраны здоровья граждан применительно ко всей медицинской деятельности, а также федеральные законы, регулирующие выполнение отдельных видов работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность.

Среди некодифицированных федеральных законов общего характера в сфере охраны здоровья граждан важнейшую роль играет Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В ст. 3 данного нормативного правового акта закреплено, что другие федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации принимаются в соответствии с ним и не должны ему противоречить. Таким образом, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

можно отнести к системообразующим применительно к сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации.

Также к группе нормативных правовых актов общего характера в сфере охраны здоровья граждан, помимо указанного ранее Федерального закона «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации», можно отнести Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [18], Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [19] и ряд других, как регулирующих вопросы осуществления медицинской деятельности подавляющего большинства субъектов рассматриваемой сферы предпринимательской деятельности.

К группе федеральных законов, регулирующих выполнение отдельных видов работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, можно отнести следующие: Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» [20], Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» [21], Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» [22] и др.

Проводя анализ федеральных законов, регулирующих вопросы выполнения отдельных видов работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, можно сделать вывод, что в настоящее время федеральное законодательство в данной сфере представляет собой значительный пласт самостоятельных, обособленных нормативных правовых актов. В связи с прогрессированием у населения отдельных заболеваний, появлением новых заболеваний (к примеру, онкологических заболеваний, заболеваний щитовидной железы, ожирения и иных) возникает вопрос о необходимости надлежащего правового регулирования их лечения. Однако в указанной связи согласимся с мнением М. Н. Малединой, отмечающей, что вряд ли целесообразно дальнейшее принятие федеральных законов, посвященных отдельным болезням. По мнению автора, отдельные нормы, затраги-

вающие специфические отношения по поводу таких заболеваний, могли бы получить отражение либо в общем законе, посвященном специфике регулирования отдельных заболеваний, либо в региональных нормативных правовых актах [23].

Следующим уровнем нормативных правовых актов является *уровень субъектов Российской Федерации*. В силу п. «ж» ст. 72 Конституции РФ координация вопросов здравоохранения находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В связи с вышеизложенным важную роль в решении вопросов охраны здоровья граждан играют законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Рассматривая вопрос содержания правовых актов субъектов Российской Федерации, необходимо отметить, что они, безусловно, не должны противоречить федеральному законодательству. Вместе с тем в законодательстве субъектов Российской Федерации отражаются специфические особенности каждого конкретного субъекта Российской Федерации, позволяющие реализовать те или иные возможности в отдельных сферах правоотношений в пределах его границ.

Ряд субъектов Российской Федерации принял нормативные правовые акты по вопросам охраны здоровья граждан. В качестве примеров нормотворчества субъектов Российской Федерации можно привести Закон Республики Коми от 21.12.2007 № 124-РЗ «О некоторых вопросах в сфере охраны здоровья граждан в Республике Коми» [24].

Следующим уровнем нормативных правовых актов является *уровень местного самоуправления*. В соответствии с ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» органы местного самоуправления в пределах своей компетенции имеют право издавать муниципальные правовые акты, содержащие нормы об охране здоровья, в соответствии с данным федеральным законом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми ак-

тами субъектов Российской Федерации. В ст. 17 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» закреплены полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья граждан. Согласимся с мнением, что активная деятельность органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья граждан возможна и в каких-то аспектах обязательна уже сегодня [25].

В качестве еще одного уровня правовых норм, посредством которых регулируются вопросы осуществления предпринимательской деятельности, выделяется локально-корпоративный уровень [26]. Однако с учетом специфики отношений по оказанию платных медицинских услуг представляется, что правильнее будет говорить о локальном уровне. Рассмотрим локальное правовое регулирование на примере оказания платных медицинских услуг в сфере народной медицины, которые, как нами было обосновано, относятся к медицинским услугам [27].

Правовое регулирование на локальном уровне различается в зависимости от субъекта Российской Федерации, на территории которого осуществляется деятельность. Так, к примеру, в соответствии с п. 26 Порядка занятия народной медициной на территории Оренбургской области гражданин, занимающийся народной медициной, обязан вести журнал учета обращений пациентов и предоставленных им услуг с обязательным внесением в него информации о пациенте (фамилия, имя, отчество (в случае если имеется), возраст, адрес места регистрации или места пребывания, дата первичного обращения и последующих посещений), жалобах, применяемых методах, проведенных сеансах, назначенных процедурах, текущих изменениях в самочувствии пациента и объективных изменениях в состоянии его здоровья по результатам лечения с применением соответствующих методов народной медицины [28]. Представляется, что формы указанных выше документов и порядок их ведения должны утверждаться локальными актами субъекта, оказывающего платные медицинские услуги в сфере народной медицины.

Подводя итог проведенного исследования, можно отметить, что нами был рассмотрен такой правовой регулятор отношений по оказанию платных медицинских услуг, как нормативные правовые акты. Было выявлено, что система нормативных правовых актов, посредством которых регулируются отношения по оказанию платных медицинских услуг, имеет сложную структуру, которую можно представить в виде следующих уровней: конституционный; международно-правовой; федеральный; субъектов Российской Федерации; муниципальный; локальный. Нормативные правовые акты являются ведущим правовым регулятором отношений по оказанию платных медицинских услуг.

### **Список литературы**

1. Чельшев М. Ю. Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. № 4. С. 190–191.

2. Михайлов А. В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 6. С. 134–138.

3. Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф... дис. докт. юрид. наук. Казань, 2009. С. 8.

4. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.]; отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. –3-е изд., перераб. И доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 992 с. [Электронный ресурс]: СПС «Консультант-Плюс».

5. Балданов Б. Б. Система источников современного российского права: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 7.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI)

на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291.

8. О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: Соглашение стран СНГ от 20.03.1992 // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4.

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

10. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Российская газета. № 138–139, 23.07.1994.

11. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Российская газета. № 3, 06.01.1997.

12. Мохов А. А. Федеральные конституционные законы как источники медицинского права // Медицинское право. 2015. № 3. С. 3–5 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256, 31.12.2001.

14. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

15. Вайпан В. А. Источники предпринимательского права: теория и практика // Право и экономика. 2015. № 10. С. 4–17 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

16. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Российская газета. № 97, 06.05.2011.

17. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

18. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.04.1999. № 14. Ст. 1650.

19. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 12.01.1998. № 2. Ст. 219.

20. О донорстве крови и ее компонентов: Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 23.07.2012. № 30. Ст. 4176.

21. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.06.2001. № 26. Ст. 2581.

22. О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции): Федеральный закон от 30.03.1995 №38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.04.1995. № 14. Ст. 1212.

23. Малеина М. Н. Обоснование здравоохранительного права как комплексной отрасли законодательства и некоторые направления его совершенствования // Медицинское право. 2013. № 3. С. 7–14 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

24. О некоторых вопросах в сфере охраны здоровья граждан в Республике Коми: Закон Республики Коми от 21.12.2007 № 124-РЗ // Республика. 2007. № 239.

25. Ларичев А. А. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья граждан: проблемы правового регулирования и пути их решения // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2017. № 2. С. 14–19.

26. Михайлов А. В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 6. С. 136.

27. Коробко К. И. Содержание категории «медицинская деятельность»: правовой аспект // Современный юрист. 2020. № 4. С. 83–93.

28. Об утверждении порядка занятия народной медициной на территории Оренбургской области: Постановление Правительства Оренбургской области от 08.08.2014 № 560-п (вместе с «Порядком занятия народной медициной на территории Оренбургской области») // Оренбуржье. № 131, 14.08.2014.

**М. А. Мокшина,**

*к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой теории*

*и истории государства и права ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Одним из приоритетных направлений деятельности российского государства является защита прав ребенка. Законодательно определены цели государственной политики в интересах детей, в частности, осуществление прав детей, восстановление их прав в случаях нарушений, формирование правовых основ гарантий прав ребенка и др. [1].

Защита прав ребенка предусматривается как на международном, так и на государственном уровне. Российской Федерацией ратифицирован целый ряд международно-правовых документов, касающихся прав детей, их гарантий, защиты.

Первым международным документом, уделившим особое внимание правам и свободам детей, их защите, была Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года) [2]. Декларация провозгласила: «...ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения» [3]. На основе Декларации была разработана Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [4]. Подчеркнем, что Конвенция определяет весь набор прав человека и является одним из важных документов, на основе которого должно развиваться законодательство РФ, гарантироваться права ребенка.

В России на федеральном и региональном уровнях принят обширный перечень нормативно-правовых актов, направленных на защиту прав ребенка. В 2020 г. в Конституцию РФ внесена поправка, провозгласившая: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» [5].

Различные органы государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации решают вопросы защиты прав ребенка, восстановления нарушенных прав. Но как показала практика, для обеспечения защиты детей необходимо учредить специальный орган, который является важнейшим связующим звеном между государством и гражданским обществом, между несовершеннолетними гражданами страны, их семьями и государственными структурами. И это – Уполномоченный по правам ребенка в Российской Федерации.

Проблема учреждения института Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации стала решаться в 1998 г. в связи с началом реализации пилотного проекта по введению должности Уполномоченного по правам ребенка в регионах России [6]. По состоянию на 1 февраля 2003 г. уже было учреждено 12 постов Уполномоченных в субъектах РФ [7].

Новый институт Уполномоченного по правам ребенка был учрежден 1 сентября 2009 г. Указом Президента РФ № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» в целях обеспечения эффективной защиты прав и интересов детей [8].

Данным Указом Президента РФ было рекомендовано органам государственной власти субъектов РФ учредить должность уполномоченного по правам ребенка. Следует сказать, что к моменту подписания Указа Президента РФ в 18 субъектах РФ уже функционировали уполномоченные по правам ребенка, а в начале 2015 г. во всех 85 субъектах РФ действовали уполномоченные по правам ребенка.

Но порядок формирования и правовой статус уполномоченных по правам в регионах был различен. Институт детского омбудсмена регулировался либо законами, либо подзаконными актами. Например, должность уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской Республике была учреждена Указом Президента УР от 14.04.2010 № 60 [9]. По Положению «Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской республике» 2011 года Уполномоченный входил в состав Комитета по делам семьи и демографической политике при Правительстве УР и непосредственно подчинялся Председателю Комитета [10].

В 2015 году произошли изменения в статусе Уполномоченного в Удмуртской Республике. Уполномоченный при Главе УР по правам ребенка уже действовал в соответствии с Положением «Об Уполномоченном при Главе Удмуртской Республики по правам ребенка», утвержденным Указом Главы УР 02 февраля 2015 г. № 4. Уполномоченный входил в состав Администрации Главы и Правительства УР и непосредственно подчинялся Главе УР. Оперативное руководство Уполномоченным осуществлял Руководитель Администрации Главы и Правительства УР [11].

Но как отмечалось в научных исследованиях того периода, для развития института Уполномоченного по правам ребенка должен быть принят федеральный закон, учитывающий опыт, отраженный в законах субъектов РФ о детских омбудсменах [12].

27 декабря 2018 г. Президент РФ подписал Федеральный закон № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации», который определил особенности правового положения, основные задачи и полномочия Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, а также основы правового положения уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ. Законом был конкретизирован объем полномочий и прав региональных уполномоченных. Появилось право обращаться в суды с административными исковыми заявлениями о признании незаконными действий чиновников в отношении детей [13].

Таким образом, Федеральный закон значительно повысил статус уполномоченных по правам ребенка, позволил более эффектив-

но реализовывать их полномочия, усилить взаимодействие Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка с уполномоченными по правам ребенка в субъектах РФ.

Институт защиты прав ребенка носит комплексный, межотраслевой характер. Помимо указанного Федерального закона имеется значительное количество нормативно-правовых актов на федеральном уровне, касающихся института прав ребенка [14].

Федеральное законодательство, устанавливающее права детей, их защиту, постоянно обновляется. На основе федерального законодательства в субъектах РФ получает развитие правовая база о правах ребенка и их защите [15]. В соответствии с Федеральным законом «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» в Удмуртской Республике был принят Закон УР от 15.10.2019 № 53-РЗ (ред. 27.05.2021) «Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике» [16]. В Законе были обозначены основные задачи Уполномоченного (ст. 5).

Одним из элементов правового статуса уполномоченного является определение порядка формирования Уполномоченного по правам ребенка. Федеральный закон № 501-ФЗ от 27 декабря 2018 г. определил, что должность Уполномоченного по правам ребенка является государственной должностью субъекта РФ. Анализ законов субъектов РФ об уполномоченных по правам ребенка показывает, что вопрос о назначении Уполномоченного по правам ребенка по-разному решается органами государственной власти субъектов РФ. Уполномоченный включен в систему исполнительной власти и назначается высшим должностным лицом субъекта РФ, либо Уполномоченный назначается законодательным органом субъекта РФ. Например, в Удмуртской Республике Уполномоченный назначается на должность Главой УР по согласованию с Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка сроком на пять лет и считается вступившим в должность со дня назначения на должность Главой УР (п. 1 ст. 4). Следует отметить, что Федеральным законом установлено обязательное согласование с федеральным омбудсменом кандидатуры на должность регионального омбудсмена.

По нашему мнению, в целях качественной реализации полномочий Уполномоченного по правам ребенка необходимо в Федеральном законе № 501-ФЗ закрепить парламентский способ формирования Уполномоченного, т. е. назначение Уполномоченного законодательным органом субъекта РФ. Парламентская модель функционирования данного института позволит обеспечить рациональное разграничение полномочий между органами государственной власти субъектов РФ и Уполномоченными по правам ребенка в субъектах РФ, создать большую независимость от исполнительной власти.

Законодательство субъектов РФ не содержало единого перечня требований к кандидату на должность Уполномоченного по правам ребенка. В основном указывались требования, касающиеся возраста, уровня образования, наличия гражданства, постоянного проживания на территории соответствующего субъекта РФ и опыта работы в области защиты прав и законных интересов детей. В 2021 г. Федеральный закон установил единые требования к кандидатурам на должности региональных омбудсменов, ввел запрет на пребывание в этой должности более двух сроков подряд.

Данные требования нашли отражение и в ст. 5 Закона Удмуртской Республики № 53-РЗ. На наш взгляд, эти требования необходимо дополнить указанием в Федеральном законе на наличие высшего юридического образования и стажа работы по юридической специальности не менее 5 лет, поскольку при реализации полномочий Уполномоченный взаимодействует с органами государственной власти, в том числе с правоохранительными органами. А для этого необходимо обладать специальными познаниями в области права для оказания квалифицированной юридической помощи.

Особое значение в региональном законодательстве уделяется компетенции Уполномоченного по правам ребенка. Законы субъектов РФ скорректировали полномочия Уполномоченного в соответствии с Федеральным законом «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации». В частности, Уполномоченный получил право обращаться в суд с административными исками в защиту прав

ребенка, участвовать в обсуждении концепций и разработке проектов законов и иных нормативных правовых актов, связанных с обеспечением и защитой прав детей [17].

По инициативе Уполномоченного при Главе УР по правам ребенка принимаются законы, вносятся в них изменения, связанные с защитой прав ребенка. Так,

1) 12 декабря 2019 г. был принят Закон УР № 69-РЗ «Об ограничении розничной продажи безалкогольных тонизирующих напитков на территории Удмуртской Республики» и о внесении изменений в Закон УР «Об установлении административной ответственности за отдельные виды правонарушений».

Закон устанавливает ограничение продажи безалкогольных тонизирующих напитков, в том числе безалкогольных энергетических напитков в целях защиты прав человека и гражданина в сфере охраны здоровья, а также предупреждения причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на территории УР.

2) В Закон УР от 18 октября 2011 г. № 59-РЗ (ред. 27.12.2019-РЗ) «О мерах по защите здоровья и развития детей в Удмуртской Республике» были внесены поправки, установившие запрет для несовершеннолетних посещать места, в которых не допускается нахождение детей (кальянные). Законопроект был разработан на основе анализа обращений учителей, родителей и детей, которые поступили к Уполномоченному при Главе УР по правам ребенка.

3) О внесении изменений в Закон УР от 14 марта 2013 г. № 8-РЗ (ред. от 05.08.2022 № 47-РЗ) «Об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Установленный в Законе порядок предоставления государством жилья сиротам должен способствовать решению проблемы сохранения жилья за сиротами.

Практика деятельности региональных уполномоченных по правам ребенка показывает, что не всегда органы государственной власти качественно реализуют государственную политику в области защиты прав детей. А отсутствие совместных усилий уполномочен-

ных и органов государственной власти не позволяет оперативно решать вопросы по защите прав и интересов ребенка.

На наш взгляд, для исключения несогласованности в подходах различных ведомств в сфере защиты прав ребенка следует согласиться с предложением Л. В. Павловой о создании единого координирующего органа исполнительной власти РФ, формирующего политику в сфере защиты детства и семьи (например, Министерство семейной, молодежной и демографической политики) [18].

Важным полномочием Уполномоченного по правам ребенка является рассмотрение поступивших к нему обращений. Например, в 2020 году в адрес Уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской Республике поступило 1071 обращение. «Число положительных решений при рассмотрении обращений граждан в интересах детей составило 40 % от общего числа. В результате помощь получили многодетные семьи, семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, несовершеннолетние, приёмные родители, выпускники детских домов» [19]. Но во многих региональных законах не урегулирован порядок рассмотрения Уполномоченным обращений граждан (например: Удмуртская Республика, Республика Башкортостан и др.). Для эффективной реализации указанного полномочия необходимо дополнить законы субъектов РФ положениями о порядке рассмотрения Уполномоченным обращений граждан (например, ст. 14 Закона Республики Татарстан «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Татарстан») [20].

Анализ полномочий регионального Уполномоченного позволяет сделать вывод о необходимости их дальнейшего совершенствования. В частности, наделить Уполномоченного правом на участие по собственной инициативе в судебном разбирательстве по гражданским делам.

Таким образом, исследование законодательства о правах детей, их гарантиях, защите показывает, что и на федеральном, и на региональном уровне идет постоянный процесс его обновления. Вместе с тем требуется еще много усилий со стороны органов государственной власти, чтобы их организация и деятельность в данной сфере была более эффективной.

## Список литературы

1. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе российского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

6. См.: Минтруд России совместно с рядом регионов и при поддержке ЮНИСЕФ содействовал учреждению на первом этапе пяти постов Уполномоченных (Волгоградская, Калужская, Новгородская области, города Санкт-Петербург и Екатеринбург).

7. См.: В 5 регионах России пост Уполномоченного был введен на основании закона субъекта Российской Федерации (Краснодарский и Красноярский края, Кемеровская и Самарская области, г. Москва). В двух регионах и на уровне одного муниципального образования Уполномоченные осуществляли свою деятельность на общественных началах (Ивановская и Новгородская области, г. Волжский Волгоградской области).  
URL: <http://deti.gov.ru/documents>

8. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: Указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 (ред. от 15.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике: Указ Президента Удмуртской Республики от 14.04.2010 г. № 60 (Утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской республике: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 6 июня 2011 г. № 191, утв. Положение (Утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Об Уполномоченном при Главе Удмуртской Республики по правам ребенка: Указ Главы Удмуртской Республики 02 февраля 2015 г. № 4, утв. Положение (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

12. См.: например, Гуль Н. В. Конституционное право на защиту семьи, материнства и детства // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 130–140; Ходусов А. А. О механизме защиты прав детей // Современное право. 2018. № 3.

13. См.: URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_314643](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314643)

14. К ним относятся: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. 14.07.2022 № 262-ФЗ) «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации»; Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. 14.07.2022 № 294-ФЗ) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. 21.11.2022 № 449-ФЗ, № 465-ФЗ) «Об образовании в Российской Федерации»; Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 04.08.2022 № 361-ФЗ) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»; Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. 01.07.2021 № 264-ФЗ) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. 21.11.2022 № 465-ФЗ); Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р (ред. от 25.05.2022) «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года»; Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» и другие.

15. В качестве примера можно привести нормативно-правовые акты УР, связанные с защитой прав детей: Закон УР от 15.10.2019 № 53-РЗ (ред. 27.05.2021) «Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике»; Закон УР от 06.03.2007 № 2-РЗ (ред. 21.09.2021 № 102-РЗ) «О мерах по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; Закон УР от 17.03.2008 № 6-РЗ (ред. 21.12.2015 № 101-РЗ) «О наделении органов местного самоуправления в Удмуртской Республике отдельными государственными полномочиями по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних»; Закон УР от 14.03.2013 № 8-РЗ (ред. 05.08.2022 № 47-РЗ) «Об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; Постановление Правительства УР от 18 февраля 2008 г. № 31 (ред. 22.03.2022 № 123) «О размере денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой (попечительством) или в приемной семье»; Постановление Правительства от 27 июня 2011 года № 220 (ред. 22.03.2022 № 123) «О выплатах, причитающихся приемным родителям» и т. д.

16. Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике: Закон Удмуртской Республики от 15.10.2019 № 53-РЗ (ред. от 27.05.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

17. См.: Павлова Л. В. О совершенствовании координации и взаимодействия субъектов в сфере защиты прав ребенка // Административное право и процесс. 2022. № 7.

19. См.: Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской Республике за 2020 год.  
URL: <http://deti.gov.ru/region/udmur/docs>

20. См.: Статья 14 Закона Республики Татарстан от 1 августа 2011 г. № 59-ЗРТ (ред. от 27.06.2022 № 38-РТ) «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Татарстан» // СПС «КонсультантПлюс».

**А. Г. Малинова,**

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры гражданского права  
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический  
университет им. О. Е. Кутафина»,  
г. Москва*

## **ИНТЕРЕСЫ КАК ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРАВА**

Что такое интерес? Ответ на этот вопрос отечественные правоведы ищут с середины прошлого века. Понятие «интерес» является общенаучной категорией и используется многими науками: философией, социологией, психологией, экономической теорией. Особенно широко это понятие, а также такие его разновидности, как: «законные интересы», «публичные интересы», «государственные интересы», «общественные интересы», «национальные интересы», «имущественные интересы» и т. п. используются в юриспруденции и в современном отечественном законодательстве [более подробно см., например: 16, с. 29-42; 17, с. 62-65]. В последнее время юридическая наука уделяет значительное внимание выяснению сущности не только интереса, но исследованию различных аспектов баланса, как правило, противоположных интересов [краткий обзор см.: 15, с. 21-44].

Если основные права и свободы человека неотчуждаемы с момента рождения, то интересы не просто неотчуждаемы, но и неотъемлемы от человека. Если основные права и свободы считаются *прирожденными*, то интересы, руководствуясь этой же логикой, следует отнести к чему-то не меньшему, вероятно, их возможно считать *врожденными*. И юридическая теория, и законодательство некоторых стран не могли не обратить внимания на это обстоятельство. Интересный пример имеется в семейном праве Нидерландов, когда «еще не родившийся ребенок считается появившимся на свет, если эта презумпция соответствует его интересам» [19, с. 138]. Подчеркнем, что речь идет о соответствии именно

интересам, которые уже существуют у еще не родившегося ребенка, а не основным правам, которые появятся только с момента его рождения. И это далеко не единичный пример. В ст. 28 Кодекса международного частного права (Кодекс Бустаманте) содержится практически аналогичная формулировка: «Личный закон применяется для решения вопросов, создает ли факт рождения личность и следует ли рассматривать зачатого ребенка как родившегося для всего, что соответствует его интересам» [12].

Рассматривая в гражданско-правовом аспекте субъективные права и интересы как принадлежности личности среди других ее принадлежностей, нельзя не обратить внимания на то, что одни ее принадлежности отчуждаемы, а другие обладают свойствами неотчуждаемости. С точки зрения русского правоведа и философа Н. Н. Алексеева (1879–1964), «...“принадлежности” в смысле собственности принципиально могут отчуждаться, и возможность их отчуждения может быть ограничена, но не отрицаема принципиально» [1, с. 355].

По мнению другого выдающегося русского философа и правоведа И. А. Ильина (1883–1954), «тело человека есть вещь, находящаяся среди других вещей и нуждающаяся в них...» [8, с. 267].

В современных условиях с развитием методов трансплантации некоторые из прежде считавшихся неотчуждаемыми «принадлежностей» тела человека стали пусть ограниченными в обороте, но объектами прав, например, парные органы, части органов или тканей, изъятие которых не влечет за собой необратимого расстройства здоровья живого донора. В ст. 2 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (с изм. от 8 декабря 2020) установлено, что объектами трансплантации могут быть сердце, легкое, почка, печень, костный мозг и другие органы и (или) ткани, перечень которых определяется соответствующим органом исполнительной власти совместно с Российской академией наук.

Развитие методов репродуктивной технологии создает, например, возможность рождения ребенка от уже умерших родителей.

В судебной практике уже возникли споры, которые десятилетием ранее были просто немыслимы, например, суды решают вопрос, является ли сперма умершего мужчины частью его тела (хотя бы и отдельной), когда она сдана на хранение в банк-хранилище, или же ее следует считать особой вещью, которая переходит вместе с другим имуществом умершего его наследникам, и эти последние вправе распоряжаться ею по своему усмотрению» [13, с. 251]. В этой связи заслуживает внимания предложение М. В. Радченко о распространении норм Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» на репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички и эмбрионы) [см.: 20, с. 25]. Неотчуждаемыми «принадлежностями» человека считаются те, «...лишение которых, если и не ведет к превращению, то, во всяком случае, лишает основных жизненных благ, даже прекращает жизнь. Таков человек без ног, без глаз, без головы» [1, с. 355]. Неотчуждаемо и то, «...что принадлежит к телесно-душевной сфере человека» [1, с. 355].

Интересы человека так же как, например, его характер, нельзя изъять. Интересы невозможно каким-либо образом отчуждать. Их нельзя ни продать, ни передать, ни завещать. Хотя по поводу «передачи» интереса есть любопытная история из времен Петра I. Русский посол в Вене А. А. Матвеев пишет канцлеру Г. И. Головкину: «Очень нужно, чтоб ваше превосходительство изволил ей, государыне принцессе, *вручить интерес* его царского величества и меня, дабы ее высочество изволила к императрице о том особое партикулярное письмо написать и чрез вас на меня прислать, что может принести много пользы интересам царского величества... » [18, с. 217]. Казалось бы, невозможная задача – вручить интерес. Но, как оказалось, впоследствии «дипломатическая выдумка Матвеева достигла цели. ...Интерес царского величества был “вручен” по принадлежности» [18, с. 217]. Отметим, что выражение «вручить интерес» показалось настолько необычным одному из самых плодовитых русских беллетристов второй половины XIX века

Д. Л. Мордовцеву (1830–1905), что он поставил слово «*вручен*» в кавычки.

Интересы в отличие от прав нельзя наследовать. Правда, зарубежные исследователи обнаружили, что «профессиональные интересы наследуются на уровне около 0,36» [11, с. 45]. Понятно, что речь здесь идет не о юридическом, а генетическом наследовании интересов как неких социально-психологических представлений.

Но на интересы можно влиять, на них можно воздействовать и от них можно отказываться. Заметим, что отказ от каких-либо интересов может иметь и правовое значение. Например, в международном праве существует «вопрос о возможности акта отказа от совокупности интересов в той или иной области со стороны соответствующего государства. Допустимость подобного акта определяется тем, насколько эти интересы юридически обеспечиваются» [11, с. 129]. По мнению швейцарского ученого Ф. Пфлюгера, интересы неюридического характера (политические, стратегические, экономические) не могут быть объектами отказа, но «любой юридически обеспечиваемый и охраняемый нормой права интерес может стать объектом отказа» [цит. по: 11, с. 129].

Таким образом, с гражданско-правовой позиции «принадлежности» человека могут быть: 1) неотчуждаемыми: а) неотъемлемыми врожденными (воля, интерес, характер и др.); б) приобретаемыми при рождении — прирожденными (основные права и свободы); 2) отчуждаемыми: приобретаемые (или отчуждаемые) своей волей и в своем интересе (субъективные права и обязанности).

Известный врач и психолог А. Адлер (1870–1937) считал, что практически все проблемы жизни могут быть адекватно решены только благодаря наличию в достаточной степени развитого социального интереса [см.: 14, с. 251]. «Казалось бы, “социальный интерес” должен выступать антитезой бессознательных стремлений человека, так как он связан с разумной общественной деятельностью людей. Однако это не так, — возражает В. М. Лейбин, — ибо адлеровское понимание “социального интереса” недалеко отстоит от тех психоаналитических трактовок, согласно которым все внутренние

движущие силы человека представляют собой нечто врожденное и изначально заданное. Именно в этом русле идут рассуждения Адлера о человеческом существе с присущим ему “социальным интересом”, который, как оказывается, “коренится в зародышевой клетке”» [14, с. 251].

В области прав человека термин «дискриминация» используется для обозначения тех различий, которые наносят ущерб лицам, принадлежащим к определенной группе. «Запрещение дискриминации ограничено сферой права. Дискриминация может иметь место только в отношении прав, гарантированных законом. *Вряд ли допустимо говорить о запрете дискриминации в отношении интересов, не защищенных правом, которые относятся в большей мере к частной сфере.* Частная жизнь принадлежит к области невмешательства права, следовательно, запрет дискриминации здесь неприменим и человек вправе делать различия и предпочтения согласно своим взглядам, интересам, вкусам» [2, с. 121].

«...Интерес – это явление социально-психологического свойства, процесс осознания потребности и выбора средств ее достижения» [21, с. 19]. Примерно таково наиболее популярное в современном правоведении определение интереса. С незначительными вариациями это мнение повторяется в сотнях юридических работ.

Жизнь людей наполнена столкновениями различных интересов. Интересом И. А. Ильин называл «отношение живущего и желающего человека ко всему тому, что ему *необходимо* или *важно*» [5, с. 62]. Столкновение интересов неизбежно возникает тогда, когда два или несколько человек стремятся к тому, что им важно, а добиться нужного может только один. Победа одного означает поражение другого или всех остальных. Конкуренции не бывает там, где все могут беспрепятственно пользоваться нужным: воздуха на просторе, воды в реках и в море, света в поле – хватит на всех. Но все, что *обеспечивает* или *облегчает* жизнь человека и чего в данный момент *на всех не хватает* – все это вызывает конкуренцию и обостряет борьбу за существование до такой степени, что люди могут стать врагами.

«Психологически все люди различны: *«интерес»* как *личное переживание* остается множественным и различным; но интерес как *желаемый предмет* – *един* у всех и для всех; и удовлетворить его можно только посредством *совместной организованной деятельности*. *Общность цели* ведет к *общности средств и путей*: и вот основа политической деятельности и политики создана» [9, с. 237].

«Разные решения, предложенные для объяснения происхождения интересов, – говорит известный австрийский социолог Альфред Шюц (1899–1959), – можно разделить на два типа: согласно первому, так называемые интересы конституируются мотивами, ...согласно второму – ...все наши восприятия определяются нашей деятельностью» [22, с. 147]. Поскольку то, что обычно называют интересом, является одним из основных элементов человеческой природы, этот термин неизбежно будет означать для разных людей разные вещи в зависимости от их понимания человеческого существования [см.: 22, с. 147].

Субъективные права, будучи объектом гражданских прав – отчуждаемы. Например, их можно юридически наследовать, чего нельзя сказать об интересах как неотъемлемых «принадлежностях» человека, не наследуемых юридически. Еще более ста лет назад немецкий антрополог Л. Вольтман (1871–1907) усмотрел исторический параллелизм между физиологическим и правовым наследованием. Отметив, что «формы наследственного права находят свое основание в законах физиологического унаследования телесных, инстинктивных и духовных способностей» [3, с. 276], он тем не менее пришел к совершенно определенному выводу, что «...нельзя построить действительного закона, который мог бы согласовать физиологическое и юридическое унаследование» [3, с. 283].

Пожалуй, именно разницей в происхождении и определяется основное различие между субъективными правами и интересами.

## Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.) / авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб.: Ганза, 1993. 512 с.
2. Вашанова О. В. О содержании и правовой природе принципа недискриминации личности в международном праве // Российский юридический журнал. 2003. № 4.
3. Вольтман Л. Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов / пер. с нем. 2-е изд. М.: Белые альвы, 2000. 448 с.
4. Глэд Д. Будущая эволюция человека. Евгеника двадцать первого века. М.: Захаров, 2005. 176 с.
5. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. 624 с.
6. Ильин И. А. О национальном призвании России // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. 608 с.
7. Ильин И. А. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. 624 с.
8. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. 400 с.
9. Ильин И. А. Путь духовного обновления / сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
10. Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. 608 с.
11. Каламкарян Р. А. Эстоппель в международном публичном праве. М.: Наука, 2001. 236 с.

12. Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте) // Семейное законодательство. Вып. 1: Информационно-справочная система [CD-ROM]. М.: изд-во ООО «Медиа-Сервис 2000».

13. Кулагин М. И. Предпринимательство и право: Опыт Запада // Избранные труды. М.: Статут, 1997 330 с.

14. Лейбин В. М. Психоаналитическая антропология // Буржуазная философская антропология XX века. М.: Наука, 1986. 296 с.

15. Малинова А. Г. Баланс интересов и его «ипостаси» в правоведении // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 21–44.

16. Малинова А. Г. «Интерес» как понятие правоведения: проблемы доктринального определения // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 29–42.

17. Малинова А. Г. Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 62–65.

18. Мордовцев Д. Л. Русские женщины. Биографические очерки из русской истории. М.: Российская книжная палата. Издательский центр, 1993. 423 с.

19. Правовая система Нидерландов / отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М.: Зерцало, 1998. 432 с.

20. Радченко М. В. Ненадлежащее врачевание в репродуктивной сфере: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 26 с.

21. Чеговадзе Л. А. Система и состояние гражданского правоотношения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 46 с.

22. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

**Т. Ю. Маркова,**

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права  
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический  
университет имени О. Е. Кутафина»,  
г. Москва*

## **КРИТЕРИИ «ПОЛИЦЕЙСКОЙ ПРОВОКАЦИИ» ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Статья 5 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ об ОРД) запрещает органам и должностным лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (ОРД), подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, т. е. запрещает то, что носит название полицейской провокации.

Несмотря на то, что термин провокация был введен в российское законодательство еще в 2007 г., до настоящего времени ни один нормативно-правовой акт не дает его четкого определения. Лишь в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ от 27.06.2012 г. (п. 7.2.), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ, содержится разъяснение о том, что под провокацией сбыта следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ)). Аналогичную позицию ВС РФ изложил в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих

и ядовитых веществ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 года.

В уголовно-правовом аспекте провокация является разновидностью подстрекательства, т. е. уголовно наказуемым деянием, заключающимся в склонении одним лицом (подстрекателем) другого лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ). При этом подстрекатель осознает, что склоняет лицо к совершению преступления и желает его склонить. Косвенно о недопустимости провокационных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов при осуществлении ОРМ упоминается в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», и п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Определенные стандарты доказывания и правила судебной проверки жалоб на «полицейскую провокацию» сформулированы в ряде решений Верховного Суда РФ (ВС РФ). Прежде всего ВС РФ отмечает, что существенное значение при осуществлении ОРД имеет обоснованность проведения ОРМ (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 05.03.2013 г. по делу № 50-Д13-17). Для признания результатов проверочной закупки допустимым доказательством требуется, чтобы правоохранительные органы располагали соответствующей информацией о преступной деятельности лица еще до принятия решения о проведении такого ОРМ. При этом одних показаний сотрудников правоохранительных органов не достаточно. А если основанием для проведения ОРМ является оперативная информация, то суды обязаны выяснять, как была получена указанная информация сотрудниками полиции, и проверять ее достоверность (Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 25 мая 2009 г. № 9-Д09-12).

В случае проведения проверочной закупки без достаточных к тому оснований судебные постановления подлежат отмене, а уголовное дело – прекращению в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления, потому что юридически отсутствуют какие-либо доказательства того, что умысел на сбыт наркотических средств сформировался ранее и независимо от деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Кроме того, ВС РФ обращает внимание на требования справедливого судебного разбирательства, закрепленные в ст. 6 ЕКПЧ, из которых вытекает, что общественные интересы в борьбе против наркоторговли не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации сотрудников полиции. Поэтому результаты проверочной закупки, в ходе которой осуществлялись провокационные действия со стороны сотрудников правоохранительных органов, должны быть признаны недопустимым доказательством в порядке, предусмотренном ст. 75 УПК РФ.

Проведение повторного ОРМ, очередной проверочной закупки у одного и того же лица, должно быть обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями, и с обязательным вынесением нового мотивированного постановления, утверждённого руководителем органа, осуществляющего ОРД. Целями повторного ОРМ могут являться пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности и установление всех её соучастников, выявление преступных связей участников незаконного оборота наркотических средств, установление каналов поступления наркотиков, выявление производства при наличии оперативно-значимой информации по данным фактам. Кроме того, это могут быть случаи, когда в результате проведённого ОРМ не были достигнуты цели мероприятия (например, сбытчик наркотического средства догадался о проводимом мероприятии) (п. 7.1 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих

и ядовитых веществ от 27.06.2012 г., утвержденного Президиумом ВС РФ).

Поэтому после проведения проверочной закупки, в ходе которой выявлен факт сбыта, аналогичные ОРМ в отношении того же лица не отвечают задачам ОРД, если сотрудники правоохранительных органов не пресекли противоправные действия и продолжили однотипные мероприятия в отношении него без указания новых обстоятельств, выявление которых должно повлечь данное мероприятие, без получения новых результатов или обнаружения других участников сбыта. Аналогична позиция ВС РФ и в тех ситуациях, когда в постановлениях о проведении повторных проверочных закупок различные цели проведения этих ОРМ («проверка оперативной информации и документирование преступной деятельности», «установление полных данных личности фигуранта и документирование его преступной деятельности», «установление лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков и документирование преступной деятельности», «установление канала поступления наркотических средств к фигуранту и документирование преступной деятельности») указываются лишь формально, однако фактически каких-либо новых задач перед ними не ставится (Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 20 ноября 2013 г. № 75-Д13-20).

При этом ВС РФ отмечает, что факты сбыта (покушения на сбыт) наркотических средств, выявленные в ходе проверочной закупки, проведенной вопреки задачам и целям ОРД, подлежат исключению из обвинения (осуждения) лица, а уголовное дело в соответствующей части – прекращению за отсутствием состава преступления (Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 18 декабря 2013 г. по делу № 50-Д13-88, кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 20 февраля 2015 г. по делу № 18-УДП-14-56 и от 12 марта 2015 г. по делу № 18-УД14-65). Данная позиция ВС РФ поддерживается и Конституционным Судом РФ (например, в определении от 29.05.2018 г. № 1398-О "Об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы гражданина Лапина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 2, 5, 6, 8 и 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», главы 16 и статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»).

При поступлении жалобы на провокацию при проведении ОРМ суды в ходе ее рассмотрения должны проверять, были ли у сотрудников правоохранительных органов сведения о предрасположенности подсудимого к совершению определенного типа преступлений перед началом ОРМ (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 22.10.2007 г. № 83-Д07-18; Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13.02.2008 г. № 83-Д08-2). Также проверка доводов о провокации должна включать в себя оценку судом такого обстоятельства, как наличие наркотических средств в непосредственном распоряжении подсудимого перед началом проведения мероприятий или его обращение за их приобретением к третьим лицам. Риск провокации со стороны полиции резко повышается во втором случае, так как подсудимый своими действиями демонстрирует отсутствие у него самостоятельных возможностей (и, возможно, намерений) совершить преступление (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 07.10.2008 г. № 26-Д08-5).

При этом показания оперативного сотрудника о предрасположенности подсудимого к совершению определенного типа преступлений не могут приниматься во внимание судом при оценке законности ОРМ в том случае, когда такие показания не могут быть проверены (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13.12.2011 г. № 9-Д11-14). А предыдущая судимость подсудимого за совершение преступления того же вида (при условии ее погашения или снятия) не может рассматриваться как обстоятельство, свидетельствующее в пользу предрасположенности подсудимого

к совершению определенного типа преступлений (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 07.12.2010 г. № 50-Д10-22).

Встречаются случаи применения ВС РФ таких элементов стандарта доказывания, как настойчивость и неоднократность просьб полицейского агента совершить преступление (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 07.12.2010 г. № 50-Д10-22). Однако в одном из своих решений ВС РФ признал законным отказ суда первой инстанции в истребовании материалов четырех уголовных дел о преступлениях, которые были раскрыты в результате действий одного и того же полицейского агента, поскольку «предметы судебного разбирательства по указанным стороной защиты уголовным делам не имели отношения к предмету доказывания по предъявленному подсудимым обвинению» (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 31.01.2013 г. № 32-О13-2). В этом же решении ВС РФ констатировал, что участие полицейского агента в качестве взяточдателя по другим уголовным делам, по которым виновные были осуждены и приговоры вступили в законную силу, свидетельствует об отсутствии фактов провокаций с его стороны и в данном деле.

Проведенный анализ решений ВС РФ свидетельствует о том, что высший судебный орган Российской Федерации устанавливает минимальные стандарты доказывания и правила проверки жалоб на провокационные действия сотрудников правоохранительных органов при осуществлении ОРД. Однако эти стандарты подлежат неукоснительному соблюдению при осуществлении ОРМ, поскольку их нарушение влечет за собой признание полученных результатов недопустимыми доказательствами и, как следствие, невозможность привлечения лица к уголовной ответственности.

**Ж. Б. Иванова,**

*к. ю. н., доцент кафедры правовых дисциплин*

*ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной  
службы и управления»*

*г. Сыктывкар*

## **ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

На современном этапе в нашей стране разработаны и реализуются различные меры, направленные на сохранение, использование, охрану и популяризацию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

Культурное наследие народов России представляет собой объединение лучших достижений их самобытных национальных культур. Поэтому сохранение культурного наследия способствует сплочению нации и народов России, является средством объединения в периоды кризисов [1].

Осознавая значимость и уникальность памятников истории и культуры, органы прокуратуры активно участвуют в обеспечении законности в области охраны объектов культурного наследия.

Прокурорские работники регулярно проводят проверки, выявляют нарушения законодательства, активно принимают меры к устранению нарушений и причин их совершения. Обращаясь в суд, прокуроры действуют в интересах неопределенного круга лиц. Так, прокурор обратился в суд с иском к Обществу, в котором просил обязать ответчика выполнить ремонтные работы фасада «Усадьбы Шапулиных-Сорокиных, флигель восточный, первая четверть XIX века». Здание усадьбы отнесено к выявленным объектам культурного наследия и подлежит охране в таком качестве согласно положениям Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В результате рассмотрения спора суд возложил на ответ-

чика, как на собственника данного объекта, обязанность по проведению в отношении него ремонтных работ [2].

Прокурорский надзор акцентирует внимание на соблюдении конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также исполнять действующие на территории России законы в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия органами исполнительной власти. С этой целью, например, в июне 2020 года прокурор Волосовского района Ленинградской области, действуя в защиту неопределенного круга лиц, обратился в суд с административным иском к администрации МО Бегуницкое сельское поселение о признании незаконным бездействия по непринятию мер по постановке на учет в качестве бесхозного имущества объекта культурного наследия «Усадьба Врангеля "Терпилицы" (Раскулицы) 1867 года». В результате суд обязал администрацию принять меры по постановке на учет в качестве бесхозного имущества данный объект культурного наследия в течение двух месяцев с момента вступления решения в законную силу [3].

Аналогичная ситуации имела место в г. Воркуте Республики Коми. Там Прокуратура г. Воркуты провела проверку администрации города на предмет исполнения ею законодательства об охране культурного наследия. В ходе проверки прокуратура установила, что администрацией Воркуты не оформлено право собственности на десять объектов культурного наследия и на земельные участки, на которых они располагаются. Кроме того, администрацией также не приняты меры по оформлению правоустанавливающих документов на них и их регистрации. Таким образом, было установлено, что все имеющиеся объекты культурного наследия, расположенные в г. Воркуте, являлись бесхозными. Это в свою очередь делает несвоевременным и некачественным решение вопросов по их сбережению, охране, использованию и популяризации. По результатам проверочных мероприятий прокуратура г. Воркуты направила в администрацию г. Воркуты представление. Оно было рассмотрено

и удовлетворено, организовано проведение работ по устранению выявленных прокуратурой нарушений [4].

Следует отметить, что проводимые прокурорами субъектов РФ проверки показывают, что, несмотря на принимаемые меры, состояние законности в сфере охраны объектов культурного наследия нельзя назвать удовлетворительным.

Анализируя практику прокурорского надзора, мы видим распространённые ситуации нарушений в сфере охраны объектов культурного наследия, которые допускают исполнительные органы государственной власти и местного самоуправления.

В качестве примера приведем еще такой случай: в апреле 2020 года некоторые СМИ и социальные сети разместили информацию о нанесении свастики вандалами на памятник 1956 года г. Инты – объект культурного наследия регионального значения «Дзимте-ней...» («Родине...»), посвященный памяти репрессированных латышей на территории Коми – жертвам ГУЛАГа. Прокуратура г. Инты провела проверку и выявила факт бездействия должностных лиц местного муниципалитета. Им был известен факт вандализма, однако не приняты своевременные меры по удалению свастики. Кроме того, прокурорская проверка установила нарушение норм законодательства об объектах культурного наследия народов России уполномоченными должностными лицами городской администрации, выразившееся в отсутствии принятия мер к изготовлению и установке информационной надписи (обозначения) на упомянутом памятнике регионального значения, которую следовало установить еще в 2019 году.

Прокурором г. Инты в адрес руководителя интинской администрации было внесено представление об устранении нарушений законодательства. В результате его рассмотрения за длительное бездействие виновные должностные лица были привлечены к дисциплинарной ответственности. Помимо этого, в августе 2020 года на указанном памятнике истории была установлена необходимая информационная надпись [5].

На наш взгляд, такие ситуации требуют особого внимания со стороны органов прокуратуры, поскольку культурное наследие

сегодня – это духовный, экономический и социальный капитал несоизмеримой ценности. Его утрата всегда невозполнима и необратима. В этой связи именно государственная охрана объектов культурного наследия составляет одну из приоритетных задач в деятельности федеральных и региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Прокурорские проверки выявляют значительное количество объектов культурного наследия, которые эксплуатируются с нарушением требований о надлежащем техническом состоянии, без разработанной проектной документации по противоаварийным и консервационным мероприятиям. В таких случаях создаются чрезвычайные ситуации, которые могут угрожать жизни и здоровью неопределенного круга лиц, а также привести к утрате объектов культурного наследия. Один из них был установлен в ходе проведенной прокуратурой г. Самары проверки по факту разрушения объекта культурного наследия регионального значения «Жилой дом. Арх. Вернер. Амбир». С 1966 года он подлежал государственной охране, предметом которой являлся первоначальный архитектурный облик здания, а также композиционное построение и декор фасадов. Однако собственник здания не поддерживал его в надлежащем техническом состоянии, вследствие чего произошло обрушение крыши и угла здания на втором и третьем этажах и обрушение перекрытий третьего этажа, и другие многочисленные повреждения фасада. Решением суда на ответчиков возложена обязанность проведения противоаварийных и консервационных мероприятий в течение шести месяцев со дня вступления решения в законную силу [6].

Тревожная ситуация складывается и в сфере реставрации объектов культурного наследия. В большинстве случаев она либо не проводится, или ведется с нарушениями технологических норм, в отсутствие лицензий и согласованной в установленном законом порядке проектной документации, без осуществления должного авторского и технического надзора. Все это, несомненно, приводит к утрате исторической и культурной ценности памятников [7].

Данное подтверждает проведенная прокуратурой проверка, которая установила, что в отношении объекта культурного наследия

регионального значения – памятника «Представительство компании "Зингер"» собственниками здания ремонтно-реставрационные работы не выполняются, как и не осуществляются расходы на его содержание для поддержания его в надлежащем состоянии. Несоблюдение обязанностей проведения работ по сохранению объекта культурного наследия, по осуществлению расходов на его содержание и поддержание его в надлежащем техническом, санитарном и противопожарном состоянии привело к ухудшению состояния здания и повлекло угрозу физической сохранности и сохранения историко-культурной ценности объекта культурного наследия [8].

Многочисленные нарушения прокурорами выявляются в размещении в пределах охранных зон объектов культурного наследия иных сооружений. В частности, проведенная прокуратурой г. Красноярска проверка выявила размещение временных построек в границах охранной зоны объекта культурного наследия здания «Речной вокзал». Своими действиями законные владельцы объекта нарушили нормы законодательства в области охраны объектов культурного наследия, а также права неопределенного круга лиц на обеспечение визуального восприятия объекта культурного наследия в его историко-градостроительной и природной среде. По итогам судебного разбирательства было вынесено решение о пресечении действий, нарушающих права неопределенного круга лиц. На ответчиков была возложена обязанность по демонтажу незаконно возводимых временных сооружений [9].

Проверки органов прокуратуры обнаруживают и нарушения требований законодательства о пожарной безопасности, и об антитеррористической защищенности, которые препятствуют обеспечению на объекте условий безопасного пребывания граждан. Так, Прокуратура Василеостровского района Санкт-Петербурга провела проверку соблюдения требований законодательства об антитеррористической защищенности и обеспечении пожарной безопасности в деятельности ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». Следует отметить, что здание вуза включено в единый государственный реестр объек-

тов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в составе объекта культурного наследия федерального значения «Российская Академия». Выявленные прокуратурой нарушения требований законодательства не обеспечивали на данном объекте условия безопасного пребывания граждан, в том числе несовершеннолетних:

- отсутствовала система контроля и управления доступом в здание;

- физическая охрана данных объектов осуществлялась сотрудниками университета – вахтерами;

- не обеспечивала непрерывное видеонаблюдение потенциально опасных участков и критических элементов объектов установленная система видеонаблюдения.

По факту выявленных нарушений в адрес ректора университета прокуратурой района вносилось представление, однако исчерпывающие меры предприняты не были, что послужило поводом для обращения в суд [10].

Подводя итог, отметим, что исследуемая нами практика прокурорского надзора показала, что прокуроры наиболее часто обращаются в суды с требованиями об определении собственников бесхозных памятников, выдаче на них охранных обязательств, организации надлежащего проведения мероприятий по сохранению объектов культурного наследия, установлению информационных обозначений, разработке проектов зон охраны, сносе самовольно возведенных в охранной зоне объекта культурного наследия строения, приведении земельных участков в первоначальное состояние и с многими другими требованиями.

Такая важная и крайне необходимая деятельность органов российской прокуратуры, безусловно, способствует сбережению отечественных объектов культурного наследия.

Прокурорское реагирование ведется как посредством выявления и пресечения противоправных посягательств, так и путем осуществления надлежащего надзора за исполнением органами государственного контроля предоставленных полномочий. Помимо этого, органы прокуратуры проводят активную правовую работу

среди населения, которая имеет цель повышения чувства ответственности граждан нашей страны за сохранение национального культурного наследия.

#### **Список литературы:**

1. Джамбатов А. А. Гражданско-правовой режим объектов культурного наследия: автореф. дисс ... канд. юрид. наук / А. А. Джамбатов. Краснодар, 2005.

2. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2021 по делу № 88-27734/2021(не опублик.).

3. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2021 № 88а-18613/2021 (не опублик.).

4. В Воркуте прокуратура выявила нарушения законодательства об охране культурного наследия. URL: <https://komiinform.ru/news/186350> (дата обращения: 13.07.2022).

5. Прокуратурой г. Инты приняты меры реагирования по факту бездействия городских чиновников и музейных работников. URL: [https://epp.genproc.gov.ru/web/proc\\_11/massmedia/news?item=52551762](https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/massmedia/news?item=52551762) (дата обращения: 13.07.2022).

6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2021 № 88-19433/2021(не опублик.).

7. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране объектов культурного наследия / В. Г. Бессарабов, Т. В. Ашиткова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 23.

8. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2021 № 88-17537/2021 (не опублик.).

9. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2021 № 88-14468/2021 (не опублик.).

10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 04.06.2020 № 33-6610/2020 по делу №2-2189/2019 (не опублик.).

**Н. Е. Савенко,**

*к. ю. н., доцент кафедры гражданского права  
и гражданского судопроизводства Юридического института  
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»  
г. Челябинск*

## **ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЧАСТНОПРАВОВОГО СТАТУСА САМОЗАНЯТОГО ЛИЦА**

Гражданское законодательство устанавливает правовое положение участников гражданского оборота. С 2017 г. в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] относительно физических лиц определено, что они вправе осуществлять отдельные виды предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. Позднее, в 2018 г., был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» (далее – Закон об НПД) [2], отчасти регламентирующий их деятельность. Таких граждан принято называть самозанятыми лицами. Как отмечают Л. А. Макарова и Е. Л. Невзгодина, «происходит оформление самозанятых в особую категорию участников гражданского оборота с особым режимом налогообложения, а значит, впереди наделение их особыми правами и обязанностями» [3, с. 41].

Представляется, что частнопроводимый статус самозанятых лиц не сформирован в законодательстве на должном уровне и имеет особенности и противоречия. В первую очередь это касается сферы договорных обязательств. Как показывает практика, самозанятые лица вступают в договорные отношения с различными субъектами права: с юридическими лицами (в том числе с юридическими лицами, действующими от имени публично-правовых образований) и индивидуальными предпринимателями, с физическими лицами. В каждой группе названных отношений имеются проблемы.

В договорных обязательствах между самозанятыми лицами и субъектами предпринимательской деятельности очевидно их неравное положение. Исходя из анализа норм ст. 2, 23 ГК РФ, можно заключить, что законодатель искусственно отнес самозанятых лиц к предпринимателям. Общеизвестно, что в силу п. 3 ст. 401 ГК РФ лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, несут ответственность за нарушение договорных обязательств без учета вины. По мнению А. В. Габова, применение данной нормы к самозанятым вызывает сомнения [4]. Действительно, самозанятые лица – это обычные граждане, их деятельность отличается от деятельности индивидуальных предпринимателей тем, что самозанятые лица обладают ограниченными финансовыми и трудовыми ресурсами. Это в свою очередь отражается на реальных возможностях самозанятого лица нести «предпринимательскую ответственность». Поэтому применение к самозанятым лицам нормы о «безвиновной» ответственности предпринимателей противоречит принципу справедливости.

Однако законодатель не разделяет данных субъектов. Как отмечает М. Д. Шапсугова, «привести четкую грань между самозанятостью и индивидуальным предпринимательством на основании действующего законодательства затруднительно» [5, с. 74], с чем мы полностью согласны.

Что касается договорных обязательств между самозанятыми лицами и гражданами-потребителями, то важно отметить, что в данных отношениях статус самозанятого лица не определен. По Закону Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП) [6] самозанятые граждане (не индивидуальные предприниматели) не включены в субъектный состав продавцов, производителей, изготовителей. Поэтому к ним не применимы меры повышенной ответственности перед потребителями в виде уплаты неустойки за каждый день неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательств в размере 1 % в отношении некачественных товаров (ст. 23 Закона о ЗПП) и 3 % в отношении некачественных работ и услуг (ст. 28 Закона о ЗПП). Данный факт следует расценивать как пробел в гражданском законодательстве, который демонстрирует незащищенность граждан в потребитель-

ской сфере. Представляется, что в целях устранения указанного пробела, следует включить самозанятых лиц в состав участников правоотношений, регулируемых Законом о ЗПП. Также установить для них справедливую и соразмерную ответственность за нарушение прав потребителей, например, законную неустойку в размере от 0,1 % до 0,5 % от стоимости заключенного договора.

Кроме того, в потребительской сфере не отрегулирован вопрос обеспечения качества и безопасности товаров, работ и услуг, реализуемых самозанятыми лицами. В различных технических регламентах (например, Технический регламент Таможенного союза «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» ТР ТС 009/2011 (утверждён Решением Комиссии Таможенного союза от 23.09.2011 № 799) [7], Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции» (утвержден Решением Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880) [8]) изготовителями отдельных видов значимых товаров названы организации независимо от организационно-правовой формы и индивидуальные предприниматели. Самозанятые лица в их числе отсутствуют. Этот публичный компонент в правовом статусе самозанятых лиц влияет и на частные интересы потребителей.

С недавнего времени самозанятым лицам предоставлена возможность участвовать в публичных и корпоративных закупках. Порядок проведения таких закупок регламентирован двумя законами – это Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [9] и Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ) [10]. Основным принципом таких закупок является принцип эффективности их проведения и рационального использования бюджетных средств. Наряду с названными публично-правовыми аспектами в данных правоотношениях имеются и частноправовые, связанные с вопросами справедливости и комфортности условий деятельности самозанятых лиц в закупках.

По Закону № 223-ФЗ самозанятые лица приравнены к субъектам малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) и могут участвовать в таких закупках на условиях для субъектов МСП и пользоваться мерами государственной поддержки (низкий размер обеспечения заявки на участие в закупке – 2 % от начальной максимальной цены договора; авансирование договора в размере 30 % суммы договора и др.). При этом самозанятые лица не соответствуют ни одному критерию, установленному для субъектов МСП (по объему доходов, численности наемных работников у субъекта МСП и др.).

Закон № 44-ФЗ не отождествляет самозанятых лиц с субъектами МСП и не устанавливает для самозанятых лиц отдельных преференций. Самозанятые лица участвуют в таких закупках на общих основаниях.

При этом следует учитывать, что по Закону об НПД (ст. 2) самозанятые лица не вправе нанимать иных лиц по трудовым договорам в целях исполнения своих обязательств (выполнения работ, оказания услуг). Однако данный запрет обходится путем заключения самозанятыми лицами гражданско-правовых договоров с третьими лицами для исполнения государственных и муниципальных контрактов. Представляется, что самозанятый вправе привлечь иных лиц в целях экономии на налогах без официального оформления правоотношений. Как видится, государство создает комфортные условия для участия самозанятых лиц в закупках с возможностью привлекать наемную силу и платить налог в размере 6 % с полученных доходов. При этом в бюджет не поступают соответствующие налоги в полном объеме. В данном случае возникает вполне закономерный и справедливый вопрос о том, почему законодатель установил запрет только на привлечение самозанятыми иных лиц по трудовым договорам?

Также общей проблемой в договорных обязательствах с участием самозанятых граждан по двум указанным законам является то, что государственные и муниципальные заказчики (в лице органов и учреждений) подвергаются рискам неисполнения самоза-

нятыми лицами договорных обязательств в силу их ограниченных материальных, трудовых и иных ресурсов (по Закону об НПД максимальный годовой доход самозанятого лица не должен превышать 2,4 миллиона рублей). При таком положении дел негативные последствия для заказчиков – это затраты и издержки бюджетных средств на исправление некачественных работ, услуг, товаров.

Таким образом, относительно особенностей и противоречий частноправового статуса самозанятого лица представляется возможным сделать следующие выводы:

1) в договорных обязательствах между самозанятыми лицами и субъектами предпринимательской деятельности применять к самозанятым лицам нормы о «безвиновной» ответственности предпринимателей (п. 3 ст. 401 ГК РФ) несправедливо ввиду разных возможностей (материальных, производственных, трудовых) у названных субъектов;

2) в договорных обязательствах между самозанятыми лицами и гражданами-потребителями статус самозанятого не определен, так как на них не распространяется Закон о ЗПП. Это влечет проблему определения мер ответственности самозанятого лица за нарушение прав потребителей и обеспечение качества и безопасности товаров, работ и услуг;

3) в договорных обязательствах в сфере публичных и корпоративных закупок по Законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ с участием самозанятого лица усматривается общая проблема личного исполнения договора (контракта) самозанятыми лицами. Запрет на привлечение самозанятыми лицами иных лиц по трудовым договорам обходится путем привлечения соисполнителей, субподрядчиков по гражданско-правовым договорам. Это влечет сокращение налоговых поступлений в бюджет, возникновение рисков в результате неисполнения (ненадлежащего исполнения) договорных обязательств самозанятыми лицами.

В целом следует констатировать, что частноправовой статус самозанятого лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя и осуществляющего свою деятельность

в рамках специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», характеризуется неоднозначностью и не определен должным образом в законодательстве. Такое положение дел не способствует стабилизации гражданского оборота.

### **Список литературы**

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

3. Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Правовой статус самозанятых лиц // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18. № 4. С. 39–49.

4. Габов А. В. Непреодолимая сила, коронавирус и решения органов власти, направленные на предотвращение его распространения // Закон. 2020. № 5. С. 166.; с. 152–171 // СПС «Консультант-Плюс».

5. Шапсугова М. Д. О закреплении статуса предпринимателя за самозанятыми гражданами по законодательству о закупках // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 73–77.

6. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

7. О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» (вместе с «ТР ТС 009/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности парфюмерно-косметической продукции»): Решение Комиссии Таможенного союза от 23.09.2011 № 799 // СПС «КонсультантПлюс».

8. О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с «ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности пище-

вой продукции»): Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880 // СПС «КонсультантПлюс».

9. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (с изм. и доп., вступ.в силу с 01.05.2022) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

10. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 457.

**Н. И. Орлова,**  
*эксперт договорного отдела  
Юридического департамента БКПВ,  
г. Москва*

## **ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕСТА ОТКРЫТИЯ НАСЛЕДСТВА В ОТНОШЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ**

В современном мире, несмотря на изменение подходов к книгоизданию, которое все больше ориентируется на электронные публикации, по-прежнему достаточно широко распространена практика издания книг в традиционном «бумажном» формате. Впрочем, суть создаваемого произведения не зависит от формы его реализации. Главным сущностным моментом всегда является имущественный аспект в использовании произведения науки, литературы и искусства. Соответственно, у юристов по-прежнему остается широкий фронт работ в части помощи авторам и издателям. Юридические аспекты реализации исключительного права становятся все более разнообразными. Это создает объективную необходимость исследования проблемных ситуаций в этой сфере. Мы предлагаем рассмотреть некоторые проблемы, с которыми приходится сталкиваться наследникам, издательствам, соавторам при наследовании исключительного права на литературное произведение.

Круг этих проблем достаточно широк. Одна из них состоит в отсутствии возможности распоряжаться исключительным правом до получения свидетельства о праве на наследство. Длительный период оформления наследства сам по себе создает правовую неопределенность. Это еще больше усложняется необходимостью установления факта места открытия наследства применительно к объекту интеллектуальных прав. Особенно с учетом того, что правоприменители порою уклоняются от использования имеющихся правовых норм при оформлении наследства на эти специфические объекты.

Рассмотрим заявленные проблемы подробнее.

Отсутствие для наследников в течение длительного времени (т. е. до оформления свидетельства о праве на наследство) возможности распоряжаться исключительным правом – проблема объективная. Система нотариальных действий, связанных с принятием наследства, жестко привязана к минимальным срокам, которые законодательством установлены для определения круга наследников. В этот период все юридически значимые действия с объектами, входящими в наследственную массу, четко привязаны к фигуре нотариуса, который имеет полномочия по охране наследственной массы для реализации процедуры правопреемства. При этом роль нотариуса, по существу, сводится к реагированию на попытки скрыть имущество и защите его состава от противоправных действий. Согласно Закону нотариус является субъектом, пресекающим такие посяательства. Но при этом сам нотариус не вправе принять меры к использованию востребованного объекта, даже в интересах приращения наследственной массы и повышения ее ликвидности.

К примеру, нотариус не вправе решать вопрос о заключении лицензионных договоров с издательствами для реализации объективных коммерческих перспектив объекта интеллектуальных прав. Таким образом, возможности использования того же литературного произведения остаются, образно выражаясь, в «подвешенном» состоянии до определения круга наследников, которые смогут заключить соответствующие договоры, и вступления этих наследников в свои права.

Длительный срок самой нотариальной наследственной процедуры усугубляется порою необходимостью в установлении факта места открытия наследства. Эти две проблемы взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку первая из описанных проблем (невозможность заключения лицензионных договоров с издательствами) становится следствием второй, а и без того длительный срок самой нотариальной наследственной процедуры увеличивается при обращении в суд.

Сначала обратимся к сроку для принятия наследства. Он составляет шесть месяцев со дня открытия наследства в соответствии со ст. 1154 ГК РФ<sup>5</sup>. Из этой нормы следует, что при обращении к нотариусу наследники должны будут ждать истечения этого срока для того, чтобы получить постановление нотариуса об отказе в совершении нотариального действия, и только после этого уже обращаться в суд с заявлением об установлении места открытия наследства. В противном случае заявление наследников будет оставлено без движения, а затем и без рассмотрения, поскольку заявителям необходимо доказать суду, что все имеющиеся возможности для защиты их прав иными способами исчерпаны и не принесли необходимого результата.

В настоящее время в законодательстве сформулированы условия, необходимые для установления места открытия наследства:

- последнее место жительства наследодателя ко дню открытия наследства (пункт 1 статьи 20, часть первая статьи 1115 ГК РФ);
- место нахождения недвижимого имущества (в соответствии с правилами части второй статьи 1115 ГК РФ);
- место нахождения движимого имущества (в соответствии с правилами части второй статьи 1115 ГК РФ).

Отметим, что такая определенность имела место не всегда. В известном учебнике Г. Ф. Шершеневича буквально указывается на ее отсутствие еще в начале XX века. Дореволюционный автор пишет по этому поводу: «Наше законодательство (имеет в виду дореволюционное гражданское законодательство – прим. Автора) не содержит никаких прямых указаний по рассматриваемому вопросу и даже не дает материала для толкования»<sup>6</sup>. Со временем представления по данной теме менялись, что нашло отражение в работах

---

<sup>5</sup>Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Рос. газ. 28.11.2001. № 233 (первонач. текст).

<sup>6</sup>Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2, § 67. Открытие наследства и меры охранения его / цит. по: электронной версии книги. URL: [https://library.brstu.ru/static/bd/klasika\\_ros\\_civilizac/Elib?1609/html](https://library.brstu.ru/static/bd/klasika_ros_civilizac/Elib?1609/html)

разных авторов. В частности, свои суждения по этому вопросу имели В. И. Серебровский, О. С. Иоффе, С. С. Алексеев и др. В рамках настоящей статьи остановимся лишь на конкретных положениях ранее указанного учебника<sup>7</sup>.

В юридической литературе уже обращалось внимание на то, что при наследовании может возникнуть спор между наследниками, если один получает только права на материальный носитель, а другому достается только исключительное право на произведение. К примеру, об этом пишет Е. А. Ходырева в статье «Система интеллектуальных прав и понятие наследования». Автор отмечает: «Нельзя признать эту ситуацию правильной. Рано или поздно между этими наследниками возникнут споры, так как в ряде случаев осуществлять исключительные и некоторые иные интеллектуальные права невозможно без обладания материальным носителем, в котором выражен соответствующий результат (например, реализовать правомочие на воспроизведение произведения, его публичный показ и т. д.)»<sup>8</sup>. Представляется, что такая точка зрения вполне обоснована, ведь обладание одним лишь правом не дает возможность осуществления экономической деятельности, которая составляет суть отношений сторон.

На обязанность представлять само произведение в случае распоряжения исключительным правом указывает и существующая издательская практика: при заключении лицензионного договора, связанного с публикацией книг и статей в периодических изданиях, правообладатель должен передать лицензиату не только право использования, но и сам результат интеллектуальной деятельности.

Исключительное право на произведение, согласно ст. 1227 ГК РФ, не связано с правом собственности на тот материальный носитель, в котором выражено произведение. Распоряжение книгой, как вещью, как материальный предмет (например, продажа тиража в разных городах), не влияет на местонахождение самого исключи-

---

<sup>7</sup>Шершеневич Г. Ф. Указ. соч.

<sup>8</sup>Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 2. С. 114.

тельного права. Вместе с тем в рассматриваемом случае с определением места открытия наследства именно место нахождения материального носителя будет иметь большое значение. По тому, в каком месте находится экземпляр книги, может быть определено место открытия наследства. Обязательный экземпляр книги на основании закона<sup>9</sup> передается в Российскую книжную палату, ее местонахождение – г. Москва. Именно это обстоятельство может иметь важное значение для определения места открытия наследства. Так, в конкретном наследственном деле нотариус г. Москвы отказал в выдаче свидетельства о праве на наследство, состоявшее из исключительных прав на литературные произведения, и наследникам пришлось обратиться в суд для установления факта места открытия наследства. На сегодняшний день этот судебный процесс еще не завершился судебным решением. Данная ситуация как раз иллюстрирует третью проблему из числа озвученных выше. Представляется, что если законодатель уже установил определенные правовые нормы, то их необходимо использовать для защиты прав граждан. Ведь именно в этом состоит цель деятельности непосредственных правоприменителей.

По общему правилу, место открытия наследства определяет уполномоченное лицо (прежде всего, нотариус). В ситуации, когда указанное лицо не может определить место открытия наследства, и когда наследственная ситуация представляется этому лицу сомнительной, оно устанавливается в судебном порядке<sup>10</sup>. Ниже перечисляются фактические обстоятельства, которые в рамках конкретного дела подлежат изучению судом. Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», в ред. 24.12.2020 (далее Постановление № 9 – прим. Автора), при выяснении правовой ситуации по определению места открытия наследства судам следует учитывать:

---

<sup>9</sup>Об обязательном экземпляре документов: Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 25.02.2022).

<sup>10</sup> П. 9 ч. 1 ст. 264 ГКП РФ.

- длительность проживания наследодателя в конкретном месте на момент открытия наследства;
- нахождение в этом месте наследственного имущества;
- другие обстоятельства, свидетельствующие о преимущественном проживании наследодателя в этом месте<sup>11</sup>.

Из приведенного перечня следует, что исследованию подлежат непосредственно вопросы о том, проживал ли наследодатель в конкретном жилье, и находятся ли там его вещи, в частности, материальные объекты, в которых выражается исходный объект интеллектуальных прав. Это могут быть рукописи, авторские экземпляры изданной книги и прочее.

Здесь необходимо отметить, что нотариус может, к примеру, самостоятельно устанавливать место нахождения обязательного экземпляра книги. Это позволило бы, в частном случае, при определении места открытия наследства заменить судебный механизм установления факта открытия наследства, имеющий своим ключевым недостатком длительность и громоздкость судебной процедуры, на упрощенный внесудебный (нотариальный). И это в свою очередь позволило бы решить другую проблему – ускорить возможность распоряжения исключительным правом. В целом, это пока на практике четко привязано к самому моменту оформления свидетельства о праве на наследство. Полагаем, что для решения третьей проблемы законодательство о наследовании имеет смысл дополнить прямой нормой, отсылающей к действующему законодательству об обязательном экземпляре.

Кроме того, такое изменение способствовало бы и перераспределению нагрузки на суды. Так, из открытых источников, а именно по материалам официального сайта Московского городского суда (МГС), можно обнаружить следующее. Количество дел по делам об установлении факта принятия наследства – 1493

---

<sup>11</sup>Российская газета. 06.06.2012. № 127.

дела<sup>12</sup> (с 2016 г.), количество дел об установлении иных фактов, имеющих значения для дела, – 10979 (с 2012 г.). Конкретные заявления об установлении места открытия наследства попали в каждую из этих статистических категорий, поскольку рассматривались разными судьями.

Согласно законодательству правообладатель может распорядиться принадлежащим ему исключительным правом, в том числе путем его отчуждения по договору другому лицу (договор об отчуждении исключительного права) или предоставления другому лицу права использования соответствующего охраняемого результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в установленных договором пределах (лицензионный договор). Вместе с тем распоряжение исключительным правом возможно, если Гражданским кодексом РФ не предусмотрено иное (абз. 1 ст. 1229 ГК РФ).

В юридической литературе ведется дискуссия о том, что представляет собой само исключительное право. Так, по мнению Е. А. Павловой, в состав исключительного права включаются «два субъективных права: право использования и право распоряжения»<sup>13</sup>. На эти же правомочия указывал и В. А. Дозорцев<sup>14</sup>. Ряд ученых, например, И. А. Зенин<sup>15</sup>, Н. М. Коршунов<sup>16</sup>, дополнительным элементом исключительного права видят запрет другим лицам на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. И если с запретом все достаточно про-

---

<sup>12</sup> Код 215, категория для установления факта принятия наследства – апелляция МГС.

<sup>13</sup>Постатейный комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации. Ч. IV / ред. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2003. С. 23.

<sup>14</sup>Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации / Исследовательский центр частного права. М.: Статут, 2003. С. 48, 121.

<sup>15</sup>Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности: учебник для магистров. – 8-е изд. М.: Юрайт, 2013. С. 26.

<sup>16</sup>Коршунов Н. М. Интеллектуальная собственность: права на результаты интеллектуальной деятельности в средства индивидуализации: учебное пособие. М.: Норма, 2008. С. 52.

сто, нотариус в рамках наследственного дела может осуществлять защиту исключительного права, то с другими элементами в описанной ситуации длительного оформления свидетельства о праве на наследство в законодательстве имеется пробел.

Представляется, что при таких обстоятельствах может быть установлено дополнительное правило о том, в каком порядке и как может использоваться произведение, а также как будет производиться распоряжение им лицами, которые еще хоть и не приобрели статус правообладателя, но сделали уже все зависящее от них действия, чтобы этот статус приобрести.

В целом, мы полагаем необходимым обсудить вопрос о создании правового механизма реализации исключительного права в период проведения нотариальной процедуры наследования. Естественно, все необходимые действия по заключению лицензионных договоров, к примеру, с издательствами, должны совершаться с участием нотариуса как лица ответственного за ведение наследственного дела. Вопрос в том, как совместить объективную необходимость реализации ситуационной востребованности произведения, особенно, если оно уже внесено в планы издательства, и неопределенность с кругом лиц, имеющих право реализовать правомочия исключительного права на произведение со стороны наследников.

**О. Д. Несмелова,**  
аспирант ИПСУБ ФГБОУ ВО  
«Удмуртский государственный университет»,  
помощник нотариуса г. Ижевска А. А. Курочкиной

## **ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕРКИ НОТАРИУСОМ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА ПРИ СОВЕРШЕНИИ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Российский нотариус призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариальных действий. При этом для совершения ряда нотариальных действий нотариус обязан проверить дееспособность обратившегося к нему заявителя.

Перечень нотариальных действий, совершаемых нотариусами, предусмотрен ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [1] (далее – Основы), среди которых – удостоверение сделок, выдача свидетельств о праве на наследство, свидетельствование в верности копий документов и выписок из них и т. д.

Одним из правил совершения нотариальных действий является проверка дееспособности гражданина, обратившегося к нотариусу. Однако не все нотариальные действия требуют соблюдения этого требования. Проверка дееспособности заявителей осуществляется нотариусом при удостоверении сделок, при этом речь идет не только о двухсторонних сделках, таких как договоры купли-продажи, договоры дарения, но и об односторонних сделках: завещания, различного рода согласия и пр.

Что же такое дееспособность? Это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса РФ) [2]. Напомним, что дееспособность состоит из сделкоспособности и деликтоспособности, соответственно, если гражданин обладает дееспособностью, то он может лично

совершать юридические действия: заключать договоры, составлять завещание и т. п., и отвечать за свои неправомерные действия.

В действующем законодательстве не содержится регламентированного порядка проверки нотариусом дееспособности. Выделим несколько способов осуществления нотариусом вышеуказанной обязанности. Проверка дееспособности осуществляется нотариусом на основании документов, удостоверяющих личность заявителя, личной беседы с заявителем, сведений из Единого государственного реестра недвижимости и (или) из Единой государственной информационной системы социального обеспечения.

### **Документы, удостоверяющие личность заявителя**

Документы, удостоверяющие личность заявителя, можно подразделить на несколько групп:

- подтверждающие возраст заявителя;
- подтверждающие полную гражданскую дееспособность не совершеннолетнего гражданина;
- подтверждающие полномочия законного представителя не совершеннолетнего или недееспособного лица;
- подтверждающие полномочия ограниченно дееспособного лица.

Полная дееспособность возникает у гражданина с исполнением ему восемнадцати лет (п. 1 ст. 21 ГК РФ). Нотариус при обращении к нему гражданина получает информацию о его личности путем истребования у него документа, удостоверяющего его личность, и на его основании устанавливает возраст заявителя. Перечень документов, которые может использовать нотариус, содержит п. 10 Регламента совершения нотариусами нотариальных действий [3] (далее – Регламент). К таковым относятся паспорт гражданина РФ, удостоверение личности или военный билет военнослужащего, заграничный паспорт гражданина РФ, паспорт иностранного гражданина и др.

Исключением из нормы п. 1 ст. 21 ГК РФ является вступление несовершеннолетнего, достигшего 16-ти лет, или до достижения 16-ти лет в порядке и на условиях, предусмотренных законами субъектов РФ (п. 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ [4]), в брак; дееспособность в таком случае возникает в полном объеме со времени вступ-

ления в брак, а также – эмансипация в отношении несовершеннолетнего, достигшего 16-ти лет. В этом случае несовершеннолетнему необходимо предъявить нотариусу документ, подтверждающий его полную гражданскую дееспособность, например, решение органа опеки и попечительства об объявлении несовершеннолетнего, достигшего 16-ти лет, полностью дееспособным, судебный акт об объявлении его полностью дееспособным и др. (п. 23 Регламента).

Не возникает вопросов с частичной дееспособностью малолетних в возрасте от 6 до 14-ти лет и несовершеннолетних в возрасте с 14 до 18-ти лет: в первом случае за них действуют и отвечают за их действия законные представители (родители, усыновители, опекуны); во втором – они действуют с согласия своих законных представителей (родителей, усыновителей, попечителей), а за причиненный ими вред отвечают самостоятельно.

Однако вышеуказанным лицам законом предоставлены некоторые права и обязанности, которые они вправе самостоятельно приобретать, осуществлять и исполнять соответственно (ст. 26, 28 ГК РФ).

Для совершения нотариального действия по свидетельствованию верности копии документа может обратиться несовершеннолетний, достигший возраста 14-ти лет, самостоятельно при предъявлении документа, удостоверяющего личность. В данном случае нотариус устанавливает личность гражданина по общим правилам совершения нотариальных действий [5].

Также проверка полномочий законного представителя осуществляется нотариусом при совершении нотариального действия от имени недееспособных граждан. Согласно п. 1 ст. 29 ГК РФ гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным. Над ним устанавливается опека, соответственно, законным представителем такого лица будет являться опекун. Нотариус осуществляет комплекс проверочных полномочий при совершении нотариального действия от имени недееспособного [6]. Во-первых, необходимо удостовериться, что гражданин действительно является недееспособным, для этого нотариус

истребует решение суда о признании гражданина недееспособным, поскольку признать гражданина недееспособным может только суд. Во-вторых, нотариус проверяет полномочия законного представителя недееспособного на основании документов, предусмотренных п. 11 Регламента.

Помимо перечисленных разновидностей дееспособности, существует также ограниченная дееспособность граждан. Закон допускает ограничение дееспособности гражданина, злоупотребляющего спиртными напитками или наркотическими средствами, а также азартными играми (ст. 30 ГК РФ). Условием для признания такого гражданина ограниченно дееспособным является то, что его поведение приводит к материальным трудностям семьи.

Ограничение дееспособности гражданина осуществляется только судом, и над таким гражданином устанавливается попечительство. Он вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки, другие же сделки он может совершать лишь с согласия попечителя, однако такой гражданин самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за совершенный им вред (п. 1 ст. 30 ГК РФ).

### **Личная беседа**

Способность понимать значение своих действий и руководить ими нотариус проверяет путем личной беседы с заявителем. В ходе беседы нотариус анализирует адекватность поведения и ответов на задаваемые вопросы и делает вывод о способности гражданина понимать сущность и значение совершаемых им действий, руководить ими и осознавать их правовые последствия.

К примеру [7], при удостоверении завещания нотариус удаляет из помещения лиц, сопровождающих завещателя. После чего нотариус удостоверяет личность заявителя и приступает к проверке дееспособности гражданина путем постановки перед заявителем вопросов и получения на них ответов. Нотариус проверяет гражданина на ориентацию во времени и месте, просит идентифицировать свою личность (назвать фамилию, имя, отчество, дату рождения), а также сформулировать цель обращения к нотариусу, выясняет волю заве-

щателя. Убедившись в дееспособности гражданина, нотариус совершает нотариальное действие по удостоверению завещания.

**Сведения из Единого государственного реестра недвижимости и (или) из Единой государственной информационной системы социального обеспечения**

При удостоверении договора нотариус посредством Единой информационной системы нотариата (далее – ЕИС) запрашивает из Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН) информацию о наличии (отсутствии) судебного акта о признании заявителя недееспособным или ограниченно дееспособным и (или) из Единой государственной информационной системы социального обеспечения (далее – ЕГИССО) сведения об ограничении дееспособности гражданина или о признании гражданина недееспособным, а также о восстановлении дееспособности, приобретении полной дееспособности (п. 32 Регламента).

Нередко к нотариусу обращаются опекуны от имени недееспособного для удостоверения договора. Нотариус при совершении проверочных действий путем обращения к сведениям ЕГРН в некоторых случаях получает отрицательную информацию о наличии сведений о признании такого гражданина недееспособным. Таким образом, сведения из ЕГРН отличаются недостоверностью. Наиболее актуальные сведения содержатся в ЕГИССО, обработка сведений в которой осуществляется на основании введения страхового номера индивидуального лицевого счета гражданина.

При наличии сомнений в способности гражданина понимать значение своих действий, руководить ими или осознавать их последствия нотариус вправе отложить совершение нотариального действия (ст. 41 Основ) для совершения дополнительных проверочных действий. В частности, нотариус может запросить сведения из Единого государственного реестра недвижимости и (или) Единой государственной информационной системы социального обеспечения о наличии (отсутствии) судебного акта о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным, а также в рамках ст. 15 Основ предложить представить документы, исключающие сомнения в его способности понимать значение своих действий и руководить

ими (например, заключение эксперта о сделкоспособности). Самостоятельно запросить необходимые сведения из медицинских учреждений нотариус не имеет права.

Если гражданин не может понимать значения своих действий или руководить ими (например, вследствие болезни, наркотического или алкогольного опьянения и т. п.), нотариус вправе отказать в совершении нотариального действия в соответствии со ст. 48 Основ, поскольку сделка не соответствует требованиям закона (ст. 177 ГК РФ).

Неспособность гражданина понимать значение своих действий, руководить ими и осознавать их последствия делает невозможным выполнение нотариусом возложенной на него законом обязанности проверить соответствие содержания сделки действительным намерениям участника сделки, а также разъяснить ему смысл и значение совершаемой сделки (ст. 54 Основ).

Новшеством в рамках проверки дееспособности гражданина при совершении нотариального действия является установление личности путем обращения к единой информационной системе персональных данных, если есть сомнения в предъявленном документе, либо документа нет вообще [8]. Указанное положение теоретически может открыть возможность обращения к нотариусу и в том случае, когда забыт дома паспорт. Но эти аспекты еще предстоит урегулировать отдельными нормативными актами.

Помимо указанного, также есть возможность использования биометрических данных, которая, однако, на сегодняшний день ограничена небольшим количеством зарегистрированных в системе граждан (менее 200 000).

Таким образом, отсутствие законодательного регулирования процедуры проверки нотариусом дееспособности гражданина ведет к возникновению проблем у нотариуса при совершении указанного проверочного полномочия. Целесообразным является закрепление способов и порядка установления дееспособности гражданина в законодательстве.

## Список литературы

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования: Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 24.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Методические рекомендации по свидетельствованию верности копий документов и выписок из них, утв. Решением Правления ФНП от 25.04.2016 (протокол № 04/16) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Настольная книга нотариуса: в 4 т. Т. 2: Правила совершения отдельных видов нотариальных действий / под ред. И. Г. Медведева; Центр нотар. исслед. при Фед. нотар. палате. – 3-е изд., перераб. И доп. М.: Статут, 2015. 302 с. С. 10.
7. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021 (протокол № 03/21) // СПС «КонсультантПлюс».
8. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

*Е. А. Ходырева,  
д. ю. н., доцент, профессор кафедры  
гражданского права ИПСУБ ФГБОУ ВО  
«Удмуртский государственный университет»*

## **НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Состояние современного наследственного права и уровень того, насколько оно соответствует сложившимся социально-экономическим условиям, во многом определяется динамикой возникающих спорных ситуаций, рассматриваемых судами. Как сказала профессор Н. Г. Доронина, «судебная практика является своеобразной оценкой состояния гражданского законодательства» [1]. В системе рассматриваемых судами общей юрисдикции дел споры о наследовании занимают шестое место (из одиннадцати) после жилищных споров, семейных споров, споров с участием потребителей, трудовых споров и споров по землепользованию (см. табл. 1). Всего в 2021 году было рассмотрено 108 723 дела, и эта цифра является максимальной за последние 6 лет (см. табл. 2). Определенный спад имел место в 2020 году из-за санитарно-эпидемиологической ситуации – 78139 дел [2]. Она же становится причиной повышенного числа исков уже в 2021 году.

Наиболее распространенными среди всех наследственных дел, исключая сборную группу иных наследственных споров, являются 2 категории: 1) иски о восстановлении срока принятия наследства, принятия наследства и о признании права на наследственное имущество, а также 2) иски об ответственности наследников по долгам наследодателя (см. табл. 3). В части восстановления срока хочется отметить, что пропуску срока принятия наследства сопутствует во многом безответственное отношение граждан к необходимости соблюдения установленного законом срока. Устранить эту причину можно только путем повышения правовой культуры населения, а предлагаемые в науке изменения в части увеличения установлен-

ного законом шестимесячного срока принципиально не изменят ситуации. Обращение же в суд с требованием о признании наследника принявшим наследство во многом обусловлено необходимостью установления судом факта принятия наследства при использовании фактического способа, и решение этого вопроса является не столь очевидным.

Казалось бы, установленная законом презумпция принятия позволяет защитить интересы тех лиц, которые, предпринимая определенные действия по отношению к наследственной массе, рассчитывали на признание их наследниками. Однако зачастую суды требуют от наследника представления доказательств не только факта совершения соответствующих действий, но и цели их совершения, т. е. желания стать преемником умершего гражданина, что несколько расходится со смыслом установленной презумпции и свидетельствует об утрате ее предназначения. Для примера приведем выдержку из судебного решения: «Принятие наследства – это осознанный акт поведения наследника, совершаемый намеренно в целях принятия наследства, в результате которого наследник замещает наследодателя во всей совокупности имущественных прав и обязанностей, иных имущественных состояний, участником которых при жизни был наследодатель. Это означает, что из характера совершенных наследником действий должно однозначно быть видно, что наследство принято» [3].

Но любая презумпция как предположение о каком-то факте не нуждается в доказывании исходя из своего вероятностного характера. Цель установления презумпции как раз и заключается в том, что совершенные действия расценивать как согласие принять наследство. Потому необходимо, конечно же, изменить практику применения п. 2 ст. 1153 ГК РФ.

Избежать большого числа судебных дел по требованиям о принятии наследства (признании наследника принявшим наследство) было бы возможно двумя способами:

– предоставить нотариусу, а не суду, право оценивать характер совершенных наследником действий при отсутствии спора между наследниками. Такое право уже было закреплено в п. 37 утра-

тивших силу Методических рекомендациях по оформлению наследственных прав [1], но с учетом бесспорного характера деятельности нотариата фактически не применялось, потому и не перешло во вновь принятые в 2019 году Методические рекомендации от 25.03.2019 [2]. Единственный случай применения этого права нотариусом в настоящее время – совместное проживание наследника с наследодателем, подтвержденное документально. Однако в условиях цифровизации при сокращении возможных случаев обращения к нотариусу, предоставление ему такого права виделось бы целесообразным.

– изменить установленную Гражданским Кодексом РФ систему принятия наследства на систему отречения от наследства. Последняя означает, что наследник считается принявшим наследство независимо от совершения каких-либо действий, если не заявит об отказе от наследства. Именно такое правило определено в ст. 1183 Модельного Гражданского кодекса [3], но не воспринято в РФ. Система отречения от наследства, кроме того, нивелирует состояние непринятия наследства и связанные с ним спорные моменты, а также в большей степени защищает интересы кредиторов наследодателя. Но именно последнее обстоятельство предопределяет возникновение риска того, что увеличится число исков о признании наследника отказавшимся от наследства.

В части 2 категории распространенных дел – требования кредиторов по долгам наследодателя. Вопрос достаточно актуальный, т. к. за последние 6 лет произошло существенное увеличение (в 26 раз) количества дел, рассмотренных судами по требованиям кредиторов. Так, если в 2016 году было рассмотрено судами всего 872 дела, то в 2017 году эта цифра уже составила 2955 дел, в 2018 году – 5213 дел, в 2019 году – 6135 дел, а в 2020 году – уже 9518 дел, в 2021 году – 22678. С учетом складывающейся ситуации эти цифры подтверждают лишь увеличение числа долговых обязательств российских граждан и не более того. Следует ли здесь что-то менять? В науке предлагают, ориентируясь на зарубежный правопорядок, ввести правила об инвентарной льготе и сепарации и по аналогии с § 2005 BGB[7] возложить на наследника обязан-

ность по представлению информации о наличии у наследодателя каких-либо имущественных обязательств, при неисполнении которой привлекать наследника к неограниченной ответственности. Однако определение добросовестности наследника представляется затруднительным по причине большой распространенности долговых обязательств и их разнообразия. Если наследник возможно был в курсе того, что завещанная ему квартира приобретена на заемные средства (и то не факт, что это его интересовало), то у него вряд ли могла быть информация о потребительском займе, микрозайме и т. д. Даже оформленная гражданином вполне обычная кредитная банковская карта уже свидетельствует о наличии таких обязательств. Потому возлагать ответственность за то, что достоверно установить наследник не может, нецелесообразно. К тому же у наследника нет правовых оснований при жизни наследодателя интересоваться перечнем его имущественных обязательств, что может быть расценено как вмешательство в частные дела (ст. 150 ГК РФ), а поиск этой информации после смерти наследодателя сопряжен уже с дополнительными сложностями – что, где и у кого искать. Что же касается сепарации и проведения инвентарной описи, то применение этих мер в российских условиях – достаточно затратная процедура и в большинстве случаев останется невостребованной. А с учетом того, что право предназначено для регулирования типичных жизненных ситуаций, т. е. ряда складывающихся типовых обстоятельств, то вряд ли есть смысл в заимствовании этих процедур.

В целом можно сказать, что на сегодняшний день с момента вступления в силу части 3 ГК РФ уже многое сделано для совершенствования наследственного законодательства, в частности: уточнены порядок определения времени открытия наследства и понятие «коммориентов»; введены новые правовые инструменты, позволяющие гражданину распорядиться имуществом на случай смерти (наследственный договор и совместное завещание); существенно доработаны нормы об охране наследства и управлении им; расширен перечень наследников выморочного имущества; предоставлена возможность для бизнеса учредить личные фонды, в т. ч. создавать наследственные фонды после смерти.

Однако есть вопросы, которые долгое время не находят своего разрешения. Так, например, до сих пор не разработан порядок перехода и учета выморочного имущества; неясен алгоритм действий наследников в случае смерти индивидуального предпринимателя, чей бизнес не может быть приостановлен; в уточнении нуждаются правила расчета обязательной доли. Помимо этого, сложившиеся реалии позволяют говорить уже о новых вызовах, требующих внимания и разрешения: наследование цифрового имущества; правовой режим органов и тканей человека; использование биоматериала после смерти; право наследования «постмортального» ребенка; определение характера общности наследников на получаемое имущество и др.

Так, например, вопрос о наследовании цифрового имущества является неясным, прежде всего, с точки зрения применения правовых норм. С одной стороны, формулировка ст. 1112 ГК РФ о составе наследства позволяет включить в число наследуемых объектов различное имущество, в том числе цифровое (профили в социальных сетях, мессенджерах, записи на форумах, блоги, онлайн-аккаунты для совершения действий в сети банка или в интернет-магазинах, почтовые ящики, облачные хранилища, мультимедиа ресурсы и др.). С другой стороны, возникают вопросы о том, как идентифицировать такое имущество, определить его принадлежность наследодателю, отразить в свидетельстве о праве на наследство и при необходимости передать в обладание наследникам.

Наследование цифровых объектов – одна из оживленных тем не только в России, но и в зарубежных странах, имеющая трансграничный характер и, пожалуй, вследствие специфики характера и территории распространения возможная лишь к частичному решению на внутригосударственном уровне.

Сфера цифрового наследования, как находящаяся на грани соприкосновения всех подотраслей гражданского права, вынуждает сделать выбор либо в пользу защиты личных прав гражданина и сведений о нем после смерти, либо в пользу защиты интересов наследника как преемника наследодателя в совокупности самых раз-

нообразных отношений. Как представляется, решающее значение при решении вопроса о передаче цифровых объектов по наследству должна иметь воля наследодателя. При отсутствии явно выраженного намерения о назначении наследника, получающего доступ к цифровым объектам, следует исходить из прекращения прав на них ввиду тесной связанности с личностью.

Много вопросов возникает на пересечении с биомедицинским правом и в большей части – это не только вопросы наследования, но и вопросы определения правового режима или правового статуса. Так, например, в отношении эмбриона не решен вопрос о том, является ли он субъектом или объектом права? Несмотря на разность взглядов следует сказать, что эмбрион не наделяется правосубъектностью ввиду того, что это неродившийся субъект. В этом плане ошибочны рассуждения о том, что насцитурус (зачатый, неродившийся наследник) якобы еще до рождения наделяется правом наследования. Это право, будучи субъективным, не может возникнуть при отсутствии субъекта. Признание эмбриона субъектом права, даже в условиях разработки новой теории-концепции неродившегося субъекта, сделает необходимым обосновывать, в частности, правомерность аборт, обязательств по использованию эмбрионов, их хранение. Невозможно признать эмбриона и объектом права, вещью, что сделает необходимым применение вещно-правовых норм (об основаниях приобретения, наследовании, разделе и некоторых других), но это исключено ввиду правовой природы рассматриваемого биоматериала. Только признание эмбриона объектом права особого рода позволит обосновать необходимость установления специального правового режима с определением возможности уничтожения по заявлению обладателя или после смерти одного из супругов, применения норм о хранении и др. Представляется необходимым установить презумпцию согласия на использование биоматериала (эмбриона) после смерти одного из супругов по желанию другого. Установленная презумпция позволит учесть интересы супругов и будет способствовать улучшению демографической ситуации.

К иным возможным направлениям совершенствования законодательства о наследовании можно отнести: уменьшение числа очередей при наследовании по закону; усиление свободы наследственных распоряжений и ограничение круга лиц, имеющих право на обязательную долю, изменение формы предоставления обязательной доли; внедрение договорных начал в наследственное право и предоставление большей свободы при отказе от наследства; предоставление праванаследникам по праву представления независимо от недостойности их предка и др. Важное значение при осуществлении наследниками своих прав будет иметь дальнейшая цифровизация нотариальной деятельности.

### **Список литературы**

1. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. Правлением ФНП от 28.02.2006 (утр. силу). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.10.2022).

2. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.10.2022).

3. Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Часть третья. (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. С. 3–84.

Таблица 1.

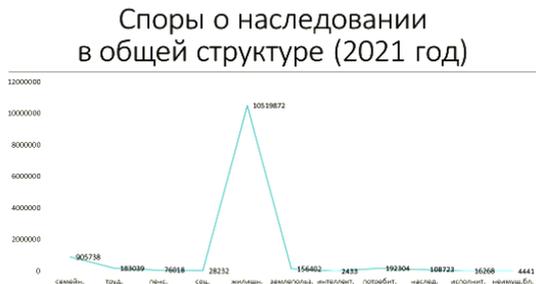
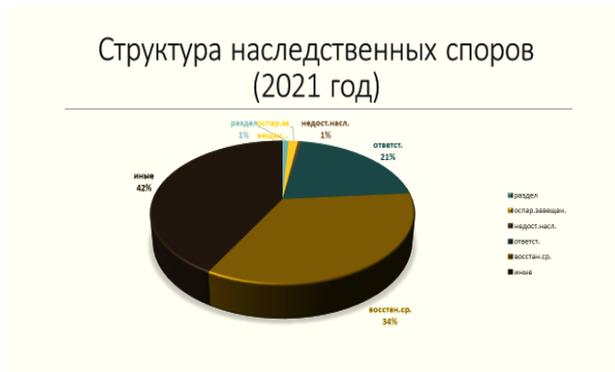


Таблица 2.



Таблица 3.



**С. Н. Бердышева,**  
*старший преподаватель*  
*кафедры экономики, управления и права филиала*  
*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*  
*г. Воткинск*

## **ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ВУЗОВ**

В соответствии с Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом об образовании в Российской Федерации вузы обладают специальной правоспособностью, которая определяется через главную их цель, а именно через осуществление образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования и научной деятельности. Специальная правоспособность вуза может быть ограничена или расширена.

Об ограничении или расширении гражданской правоспособности пишет Н. В. Козлова в статье «Проблема ограничения и расширения гражданской правоспособности юридического лица по законодательству Российской Федерации», указывая на то, что гражданскую правоспособность юридического лица можно толковать как абстрактную и конкретную. Конкретную правоспособность можно ограничить или расширить законом, учредительными документами, договором, судом [4]. Об ограничении правоспособности юридического лица пишут многие учёные. П. В. Крашенников считает, что гражданская правоспособность юридического лица неотчуждаема и не может быть ограничена ни законом, ни судом; но может быть ограничена в возможности иметь отдельные права. Н. В. Козлова соглашается с этим, трактуя гражданскую правоспособность как «абстрактную», которая предполагает возможность всех юридических лиц в равной мере быть носителем неизменных субъективных гражданских прав и обязанностей. Под «конкретной» гражданской правоспособностью Н. В. Козлова понимает способ-

ность юридического лица иметь конкретные (определенные) субъективные гражданские права и обязанности в соответствии с законом. Возникновение конкретных субъективных прав и обязанностей является следствием наступления указанных в законе юридических фактов. Поэтому Н. В. Козлова считает, что ограничить или расширить можно только «конкретную» правоспособность. Данный вывод Н. В. Козловой подтверждается разделением гражданской правоспособности на универсальную (иметь любые права – абстрактная правоспособность) и специальную (иметь определенные права – конкретная правоспособность) [4]. О. А. Серова рассматривает объем правоспособности юридического лица как один из основных критериев классификации юридических лиц на виды [5]. Вуз в этом случае является юридическим лицом, имеющим специальный объем правоспособности, который зависит от наличия разрешения на виды деятельности. Специальная правоспособность «может быть установлена только законом или иным правовым актом» [3]. Как считает Ю. В. Гросул, «это установление не зависит от желания учредителей организации и связано с четким закреплением в законе признаков отдельных видов и организационно-правовых форм юридического лица» [1].

Е. Б. Казакова и И. О. Уланова специальную правоспособность вуза называют частичной или целевой, которая уменьшает способности лица, связанные с участием в гражданских правоотношениях, исходя из его целей и задач, которые установлены в нормативно-правовых актах или в его учредительных документах. В последнем случае юридическое лицо не легитимирует свою правоспособность, а только приобретает частичную правоспособность в целях реализации лишь строго определенных действий, которые ограничены пределами соответствующего разрешения [2].

Отсутствие лицензии не дает вузу в полном объеме реализовывать все образовательные программы, а позволяет ему осуществлять образовательную деятельность лишь по программам, которые прошли лицензирование, то есть позволяет иметь определенные гражданские права и обязанности. При этом получение лицензии

на новые образовательные программы расширяет гражданскую правоспособность вуза осуществлять образовательную деятельность по большему количеству образовательных программ.

В соответствии со статьей 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ образовательная деятельность подлежит обязательному лицензированию. Это направлено на защиту интересов государства и общества, прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций, контрагентов юридического лица. С момента получения лицензии вуз как правоспособное юридическое лицо приобретает субъективное право осуществлять соответствующую деятельность. В соответствии с ч. 8 ст. 93 Федерального закона об образовании в целях наказания за грубое нарушение лицензионных требований, а также за побуждение лицензиата привести осуществляемую деятельность в соответствие с лицензионными требованиями, у вуза временно приостанавливается действие лицензии. Эта мера административного характера направлена на временное ограничение гражданской правосубъектности вуза, то есть вследствие этого вуз не может полноценно участвовать в гражданских правоотношениях, реализовывать образовательную деятельность, в т. ч. и осуществлять прием абитуриентов. Аннулирование лицензии (ч. 8 ст. 93 Федерального закона об образовании) запрещает вести образовательную деятельность, но не запрещает вести научную, просветительскую или другую деятельность, закрепленную в уставе организации. Данная мера административного характера также ограничивает гражданскую правоспособность вуза в осуществлении определенных гражданских прав – в реализации образовательной деятельности в целом. При этом осуществление другой деятельности не запрещено. Несоблюдение образовательным учреждением лицензионных требований, например, образовательного ценза педагогов, может повлечь лишение лицензии, если нарушение не устранено (Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 5 марта 2014 г. № А46-5911/2013). Нарушение лицензионных требований может повлечь нарушение

прав зачисленных студентов в связи с предоставлением некачественных услуг.

Изменения гражданской правоспособности вуза также зависят от прохождения государственной аккредитации. Вуз, не прошедший аккредитацию, ограничивается в гражданских правах. В этом случае Рособрнадзор РФ приостанавливает действие государственной аккредитации (ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании) или лишает вуз государственной аккредитации (ч. 24 ст. 92 Федерального закона об образовании) полностью или в отношении отдельных уровней образования, укрупненных групп профессий, специальностей и направлений подготовки. Данная временная мера административного характера позволяет вузу вести образовательную деятельность, но лишает права выдачи диплома государственного образца. Это приводит к оттоку студентов в другие вузы, имеющие расширенную гражданскую правоспособность.

Практика последнего десятилетия показала, что изменения специальной правоспособности вузов могут быть обусловлены и итогами мониторинга эффективности их деятельности. Между тем детальная регламентация этих изменений на уровне закона, в отличие от регламентации лицензирования и государственной аккредитации отсутствует. По результатам мониторинга эффективности деятельности вузов был осуществлен в отношении некоторых вузов запрет на прием в организацию (ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании). Запрет на прием в организацию не лишает возможности вести образовательную деятельность, но ограничивает участие вуза в гражданских правоотношениях и затрудняет реализацию правоспособности, например, в невозможности заключения договора об оказании образовательных услуг, вследствие этого не будет выражена и воля юридического лица на совершение сделки. Прием в образовательную организацию высшего образования запрещается и в случае неисполнения предписаний Рособрнадзора. Запрет приема – это запрет на совершение ряда юридических действий вузами, а значит и ограничение правоспособности, но в целях защиты прав третьих лиц (обучающихся).

Образовательная деятельность вуза может быть частично приостановлена путем приостановления действия лицензии или её аннулирования, приостановления государственной аккредитации или её лишения, запрета на приём обучающихся. Эти меры административного характера, влияющие на ограничение или расширение гражданской правоспособности вузов, предусмотрены в Федеральном законе об образовании, но не закреплены в КоАП РФ. Поэтому в целях устранения пробела законодательства предлагаем закрепить в ст. 3.2. КоАП РФ виды административного наказания: приостановление действия лицензии, аннулирование лицензии, приостановление государственной аккредитации, лишение государственной аккредитации, запрет на приём обучающихся. И соответственно регламентировать эти понятия в статьи 3.15–3.19 КоАП РФ.

Существуют также следующие ограничения гражданской правоспособности вузов:

1. В зависимости от организационно-правовой формы вуза его учредителями могут быть только определенные субъекты (например, муниципальные учреждения – могут создаваться только органами местного самоуправления).

2. Вузы не могут осуществлять образовательную деятельность по программам дошкольного образования.

3. Учредитель может наложить административный запрет на прием абитуриентов, в результате которого вуз не сможет реализовывать в полном объеме сделкоспособность, то есть заключать договор об оказании образовательных услуг.

4. Вузу запрещается вести предпринимательскую деятельность или деятельность, направленную на нарушение прав и интересов третьих лиц.

Таким образом, образовательная организация высшего образования в системе юридических лиц занимает особое правовое положение в связи со спецификой её деятельности. Вуз обладает специальной правоспособностью, которая может быть ограничена или расширена.

### **Список литературы**

1. Гросул Ю. В. О видах правоспособности юридических лиц // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 86.
2. Казакова Ю. Б., Уланова И. О. Специальная правоспособность образовательных организаций в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2018. Т.6. № 3 (23). URL: [https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/kazakova\\_eb\\_ulanova\\_oi\\_2018\\_3\\_11.pdf](https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/kazakova_eb_ulanova_oi_2018_3_11.pdf)
3. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерки истории и теории: учеб. пособие. М., 2003. С. 240.
4. Козлова Н. В. Проблема ограничения и расширения гражданской правоспособности юридического лица по законодательству Российской Федерации // Предпринимательское право. Право и бизнес. 2018. № 2. С. 17–27.
5. Серова О. А. Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права России. М., 2011. С. 217.

***Е. А. Белокрылова,***

*к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой экологического,  
природоресурсного и трудового права ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАНОТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ПРОДУКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В настоящее время одним из основных инновационных направлений в Российской Федерации призвано стать ускоренное развитие нанотехнологий и наноматериалов и применение их продуктов практически во всех областях общественной жизни. В основе названной деятельности лежит использование особенностей свойств веществ (материалов) при уменьшении их размеров до нанометрового масштаба. Действительно, многим наноматериалам присущи принципиально новые качества, существенно превосходящие свойства аналогичных материалов и веществ большего масштаба. Продукцией nanoиндустрии является интеллектуальная и промышленная конкурентоспособная продукция с ранее недостижимыми технико-экономическими показателями, создаваемая с широким применением наноматериалов, процессов нанотехнологий и методов нанодиагностики, ориентированная на решение задач обеспечения обороноспособности, безопасности и технологической независимости государства, реализацию социально и экономически значимых национальных проектов, повышение качества и разнообразия современных товаров и услуг.

Использование нанотехнологий и наноматериалов, бесспорно, выступает одним из самых перспективных направлений науки, технологий и промышленности в индустриально развитых странах, а также являются фундаментом научно-технической революции в XXI веке. Названные объекты характеризуются высокой степенью инновационной динамики, которая выражается соответствующими

прогрессивными темпами роста рынка нанопродуктов. По оценкам специалистов, к 2030 г. объем продаж российской продукции наноиндустрии составит 550–700 млрд руб., а объем платежей от экспорта продукции наноиндустрии приблизится к 170–200 млрд руб., что свидетельствует о высокой степени инвестиционной привлекательности указанного сектора экономики, а также на значительные объемы его бюджетного финансирования [1].

Тем не менее появление продуктов нанотехнологий стало представлять собой не только позитивный пример динамики развития научно-технического прогресса, но и потенциальную угрозу возможных рисков для окружающей среды и здоровья человека в случае ожидаемого в перспективе широкомасштабного использования нанопродуктов при практически полном отсутствии исследований их экологических свойств. Иными словами, активное использование инновационных технологий в сфере наноиндустрии стало ставить перед современной наукой решение комплексных задач правового обеспечения их безопасности для человека и окружающей среды. Следовательно, вопросы правового обеспечения безопасности деятельности, связанной с разработкой и применением нанотехнологий и их продуктов для окружающей среды, природных ресурсов и здоровья человека весьма актуальны и для Российской Федерации.

Несмотря на то, что в мировом масштабе наноматериалы используются уже более 20 лет, ни одной страной мира, ведущей подобные разработки, не были изучены в полном объеме степени определения потенциальных рисков. Фактически, во всем мире проводилось незначительное количество таких исследований, которые не позволяют точно оценить потенциальную безопасность использования наноматериалов. Более того, совершенно не изучены способы определения наноматериалов в объектах окружающей среды, пищевых продуктах и биосредах[2].

Вне всякого сомнения, экологические приоритеты при осуществлении инноваций, связанных с разработкой и внедрением нанотехнологий, призваны выступать в качестве основных, поскольку

в соответствии с действующим законодательством любая деятельность должна осуществляться с учетом обоснованных рисков для окружающей среды и здоровья человека, и быть направлена на достижение гармонизации экономических и экологических интересов личности, общества и государства.

Совокупность научных данных о наноматериалах указывает на то, что они относятся к новому классу продукции, и характеристика их потенциальной опасности для здоровья человека и состояния среды обитания во всех случаях является обязательной. В связи с этим изучение безопасности наноматериалов, создание методологии по оценке их биосовместимости, биodeградируемости, токсичности, разработка нормативных документов являются актуальными проблемами для мирового сообщества. В связи с этим странами мира (Европейским Союзом, Швейцарией, Великобританией, США и пр.) в течение последнего десятилетия был взят последовательный курс на формирование государственной политики в целях создания необходимого научно-технического, экономического и правового обеспечения отношений в сфере разработки и применения нанотехнологий [3].

Следует отметить, что отношения в сфере обеспечения безопасности нанопродуктов и наноматериалов весьма широко исследованы на международном доктринальном уровне. Так, концептуальным правовым основам нанобезопасности посвящены работы таких известных ученых как Jeffrey H. Matsuura, Sandra Grossalberg, Christopher J. Bosso, Stéphanie Lacour, Roger Brownsword, Matthew Hull и Diana Bowman, Ambert M. Surhone, Miriam T. Timpledon и Susan F. Marseken, Vladimir Murashov, John Howard, John C. Miller, Ruben Serrato, Jose-Miguel Represas-Cardenasand, Griffith Kundahl, Fisher Arnout, Lynn J. Frewer, David Bennettand Vic Morris, John Monica и т.д.

Названными авторами были заложены международные, европейские и национальные теоретические политико-правовые основы государственного управления в области разработки и применения нанотехнологий, контроля и надзора в указанной сфере деятельно-

сти, процессов подготовки, принятия и реализации решений, связанных с выпуском нанопродуктов в окружающую среду, наноменеджмента, нанотоксикологии, стандартизации, маркировки, экспертизы, а также иных способов и средств обеспечения нанобезопасности.

Сфера правового регулирования отношений, складывающихся в области обеспечения правовых требований при разработке и применении нанотехнологий и наноматериалов в Российской Федерации, является достаточно сложной и многообразной.

Первым этапом создания политико-правового механизма в области разработки и применения нанотехнологий в России стало появление большого количества вспомогательных документов. Основой данного процесса стали одобренные Президентом РФ Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу от 30 марта 2002 г., где закреплялось, что в соответствии с требованиями экологического законодательства РФ в области реализации любых видов промышленной деятельности экологические и природоохранные приоритеты при разработке и применении нанотехнологий должны выступать в качестве основных задач. Более того, Президентом РФ было провозглашено, что разработка правовых актов в сфере обеспечения безопасности нанотехнологий должна стать первоочередной задачей.

Затем была принята Программа координации работ в области нанотехнологий и наноматериалов в Российской Федерации, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 25 июля 2006 г. № 1188-р, одними из задач которой были названы повышение уровня экологической безопасности и улучшение среды обитания за счет применения наносистемной техники для мониторинга и защиты окружающей среды [4].

Впервые официально о стратегической важности регулирования отношений в сфере нанобезопасности было заявлено в ежегодном Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 26 апреля 2007 г., на основе которого было предложено

разработать комплекс необходимых нормативно-правовых актов. Заявлялось, что ускоренное выполнение работ в сфере развития наноиндустрии призвано стать одним из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Было бы вполне логичным предположить, что данная инициатива найдет свое объективное выражение в деятельности соответствующих органов, которые подготовят проект федерального закона о порядке деятельности в области нанотехнологий и заложат основу для подготовки и принятия подзаконных правовых актов, обеспечивающих его исполнение.

Тем не менее до сих пор в РФ не имеется самостоятельного федерального закона о порядке разработки и применения нанотехнологий и их продуктов, содержащего необходимую терминологическую базу, регламентирующего основные принципы и виды деятельности в области нанотехнологий, а также ответственность на нарушение требований в сфере обеспечения экологической безопасности, не приняты необходимые технические регламенты, в то время как практическая деятельность в данной области активно ведется. В теории права РФ указанная ситуация определяется как «правовой пробел», который невозможно заполнить посредством внесения соответствующих изменений и дополнений в уже принятые федеральные законы, поскольку в Российской Федерации не имеется соответствующих законов, имеющих смежный правовой характер и предмет правового регулирования.

Хочется подчеркнуть, что во многих областях промышленной деятельности в РФ отдельные законы имеются. Речь идет об уже упомянутых выше федеральных законах «Об использовании атомной энергии», «Об отходах», «О государственном регулировании генно-инженерной деятельности», «О радиоактивных отходах», «Об уничтожении химического оружия» и т.д., на основании которых приняты необходимые подзаконные акты, обеспечивающие механизм их реализации (указы, постановления, распоряжения и пр.).

Далее, среди основных вспомогательных актов в области нанорегулирования в РФ стоит выделить Программу развития наноин-

дустрии в РФ до 2015 г. от 17 января 2008 г. и Стратегию развития nanoиндустрии в Российской Федерации от 24 апреля 2007 г. Этими документами предусматривается деятельность по изучению потенциальных угроз, связанных с развитием и распространением нанотехнологий, а также по техническому и технологическому обеспечению nanoиндустрии. Одельным образом выделяется разработка правового регулирования по следующим направлениям:

- ✓ система технических регламентов;
- ✓ обеспечение безопасности нанотехнологий и их продуктов;
- ✓ страхование рисков в области нанотехнологий.

В настоящее время данная область отношений находится в стадии динамического развития.

Традиционно система правового регулирования отношений в области нанобезопасности в РФ классифицируется на две основные группы: 1) законодательную сферу; 2) подзаконную сферу.

### **I. Сфера законодательного регулирования отношений по обеспечению экологической безопасности нанотехнологий их продуктов в РФ.**

Несмотря на отсутствие отдельных самостоятельных федеральных законов, посвященных регулированию деятельности, связанной с разработкой и применением нанотехнологий, тем не менее ранее имелся федеральный закон, которым так или иначе регламентировалась названная область. Речь идет о Федеральном законе от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий» (Роснанотех) – единственном законе в указанной сфере. Установивалось, что Роснанотех является основным специально уполномоченным органом в установленной сфере деятельности и действует в целях содействия реализации государственной политики в сфере перспективных нанотехнологий и nanoиндустрии. Тем не менее в тексте закона отсутствовали какие-либо положения, касающиеся обеспечения нанобезопасности и упоминалось лишь об организационной и финансовой поддержке нанопроектов.

В настоящее время в РФ имеются законодательные акты, но имеющие лишь косвенное отношение к обеспечению нанобезо-

пасности. К их числу следует отнести Федеральный Закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральный Закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Федеральный Закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений», Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», Федеральный Закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также ряд иных законодательных актов.

Как видно из приведенного перечня, данные федеральные законы имеют лишь общее отношение к правовому обеспечению нанобезопасности в Российской Федерации. Следовательно, по нашему мнению, отношения в области обеспечения нанобезопасности не имеют самостоятельного законодательного правового регулирования.

## **II. Сфера подзаконного регулирования отношений по обеспечению экологической безопасности нанотехнологий их продуктов в РФ.**

Существующий правовой вакуум активно заполняется при помощи огромного количества подзаконных и ведомственных актов, издаваемых соответствующими министерствами. Так, в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 5 августа 2009 г. № 572 была создана рабочая группа по организации разработки первоочередных межведомственных и ведомственных нормативно-правовых и методических документов по вопросам безопасности наноматериалов и нанотехнологий и методике оценки риска производств, выпускающих наноматериалы. Были установлены четкие сроки, что будут подготовлены и приняты в установленном порядке три категории документов в области:

- ✓ медико-санитарного обеспечения безопасности в наноиндустрии;

✓ установления требований безопасности к продукции наноиндустрии, процессам ее разработки, производства, обращения на рынке и утилизации;

✓ приоритетов и выработки рекомендаций по обеспечению охраны окружающей среды и здоровья работающих на нанотехнологических производствах, а также населения в районах расположения предприятий наноиндустрии.

Предусматривалось, что именно рабочая группа при Министерстве здравоохранения и социального развития РФ должна подготовить предложения по разработке основного федерального закона и подзаконных актов в сфере нанобезопасности. К сожалению, в тексте Приказа отсутствуют конкретные сроки подготовки проектов документов и к настоящему времени подготовлены далеко не все обозначенные категории документов.

В настоящее время в РФ область правового регулирования отношений в сфере нанобезопасности практически полностью состоит из актов нормативно-технического регулирования, принятых в форме постановлений, методических указаний (МУ) и методических рекомендаций (МР), утвержденными Главным Санитарным врачом РФ.

Основным документом, регулирующим вопросы нанобезопасности в РФ, является Концепция токсикологических исследований, методологии оценки риска, методов идентификации и количественного определения наноматериалов от 31 октября 2007 г. № 79. Очень важно, что данный документ зарегистрирован в Министерстве Юстиции РФ, что свидетельствует о высокой значимости данного документа и подчеркивает, что он напрямую касается конституционных прав граждан в области обеспечения экологической безопасности.

Поскольку это один из наиболее важных документов в области обеспечения нанобезопасности, хотелось бы отдельно остановиться на его основных разделах:

– характеристика новых свойств и поведения наноматериалов в окружающей среде и биологических объектах;

– особенность оценки риска производства и использования наноматериалов. Подчеркивается, что существующая в настоящее время методология оценки риска, основанная на полной токсикологической оценке конкретного вещества или соединения, определении зависимости «доза-эффект», не может быть в полной мере применена к наноматериалам и нановеществам. В связи с этим необходимо, чтобы каждый индивидуальный наноматериал был в полной мере изучен в токсикологическом аспекте с определением допустимой суточной дозы или условно переносимого недельного (месячного) поступления. Необходимо также создать информационные ресурсы по биобезопасности наноматериалов. До настоящего времени в РФ таких ресурсов в полном объеме не имеется;

– анализ сведений о безопасности производства и использования наноматериалов;

– порядок организации надзора и проведения токсикологических исследований наноматериалов. Указывается, что создание и ведение регистра наночастиц и наноматериалов в рамках Федерального Регистра потенциально опасных химических и биологических веществ осуществляется Роспотребнадзором.

Следующим ключевым актом Роспотребнадзора в области обеспечения нанобезопасности является «Методические рекомендации об оценке безопасности наноматериалов», утвержденные Приказом Главного санитарного врача РФ от 12 октября 2007 г. № 280, которыми устанавливается алгоритм определения уровня потенциальной опасности наноматериалов для здоровья человека.

Так, согласно названному документу, выделяются три уровня потенциальной опасности наноматериалов:

1. Низкий уровень потенциальной опасности (низкий приоритет). Соответствующий наноматериал оценивается по имеющимся показателям для составляющих его компонентов в традиционной форме. При этом не требуется проведение дополнительных исследований по специфическому биологическому действию наноматериалов.

2. Средний уровень потенциальной опасности (средний приоритет). Осуществляется общетоксикологическая оценка наноматериалов и, при необходимости, проводятся некоторые виды дополнительных исследований.

3. Высокий уровень потенциальной опасности (высокий приоритет). Проводится полный комплекс исследований по проникновению наноматериалов через биологические мембраны и ткани организмов, общетоксикологическая оценка, а также комплекс дополнительных исследований, включающий тестирование генотоксичности.

Оценка безопасности наноматериалов содержит перечень методов изучения основных физических, химических и молекулярно-биологических свойств наноматериалов, а также примерные схемы проведения экспериментов по изучению общетоксического действия наноматериалов.

Для целей оценки безопасности наноматериалов также применяется Порядок медико-биологической оценки действия наноматериалов на лабораторных животных по морфологическим признакам и метаболическим параметрам от 17 октября 2011 г.

Кроме вышеперечисленных документов в настоящее время в РФ принято около 30 методических актов Роспотребнадзора в сфере обеспечения нанобезопасности, имеющих ведомственный и рекомендательный характер. Большинство данных актов принято в период 2010–2017 годы.

Таким образом, следует подчеркнуть, что регулирование нанобезопасности в РФ осуществляется практически полностью на «нижайшем» ведомственном уровне, что свидетельствует, что важнейшие положения в сфере нанорегулирования не имеют императивного законодательного закрепления. В настоящее время это является одной из самых важных проблем в РФ в сфере регулирования данных отношений. Ситуация может быть исправлена при только помощи отдельного федерального закона, во исполнение которого будут приняты соответствующие подзаконные акты. Тем самым скорейшая подготовка и принятие Российской Федерацией единой

законодательной целостной теоретико-правовой концепции правового обеспечения экологической безопасности деятельности в области разработки и применения нанотехнологий и созданных на их основе нанопродуктов и наноматериалов, а также разработка на её основе предложений по систематизации способов, средств и требований обеспечения безопасности и совершенствованию действующего законодательства в указанной сфере, станут выступать существенным гарантом одновременного развития научно-технического прогресса и защиты экологических прав, свобод и законных интересов граждан.

Таким образом, одна из самых динамично развивающихся областей инновационная деятельность – нанотехнологии – остается практически вне эколого-правового поля защиты, что, как уже отмечалось, может привести к повышению уровня экологических рисков при создании и применении нанопродуктов для окружающей среды и здоровья человека.

Руководствуясь вышесказанным, в четком ориентире на экономические приоритеты при регламентации порядка осуществления инновационной деятельности в сфере нанотехнологий законодателем зачастую игнорируются как рекомендации международных и европейских организаций в сфере создания основ нанобезопасности, так и экологические интересы личности, общества и государства, а имеющийся правовой вакуум в отношении обеспечения безопасности инновационных продуктов разработки и применения нанотехнологий будет способствовать нарушению основ экологического правопорядка.

Следовательно, исходя из международно-правовых рекомендаций и доктринальных основ действующего законодательства, устанавливающих базовые положения в области безопасности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, считаем, при отсутствии должного и достаточного законодательного регулирования, деятельность в области разработки и применения нанотехнологий стоит рассматривать в качестве потенциальных внутренних угроз экологической безопасности Российской Федерации,

а ввоз подобных объектов при отсутствии соответствующего экспортного контроля на территорию России – источниками внешних угроз как экологической, так и территориальной безопасности государства.

### **Список литературы**

1. Данные официального отчёта группы компаний Роснано. Полный текст документа: URL: [https://www.rusnano.com/upload/iblock/d9c/q78m1t97ibbuz2d3iqvx5slim23gxs5x/ROSNANO-AO\\_Annual\\_Report\\_2018\\_RUS\\_preview.pdf](https://www.rusnano.com/upload/iblock/d9c/q78m1t97ibbuz2d3iqvx5slim23gxs5x/ROSNANO-AO_Annual_Report_2018_RUS_preview.pdf) (дата обращения: 1 января 2023 г.).

2. Hull, Mattew, Bowman, Diana. Nanotechnology Environmental Health and Safety: Risks, Regulation and Management (Micro and Nano Technologies). Published by Elseiver. 2018. P. 14.

3. Kuraj, Nertila. REACH and the Environmental Regulation of Nanotechnology: Preventing and Reducing the Environmental Impacts of Nanomaterials (Routledge Studies in Environment and Health). Published by Routledge; 1st edition (7 Aug. 2019). P. 35.

4. Программа координации работ в области нанотехнологий и наноматериалов в Российской Федерации, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 25 июля 2006 г. № 1188-р. Полный текст документа: URL: <https://fcp.economy.gov.ru/npd/300302.htm> (дата обращения: 1 января 2023 г.).

5. Концепция токсикологических исследований, методологии оценки риска, методов идентификации и количественного определения наноматериалов от 31 октября 2007 г. № 79. Полный текст документа: СПС «КонсультантПлюс».

**Е. Ф. Тензина,**

*доцент, к. ю. н., доцент кафедры уголовного  
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации<sup>17</sup> и введения его в действие прошло всего двадцать лет, однако за это время он претерпел такое количество изменений, что, по сути, является теперь совершенно иным документом, нежели был изначально. Внесение этих изменений было вызвано и сохраняется до сих пор политическими и социально-экономическими явлениями в стране и мире. Законодатель совместно с правоприменителем находятся в постоянном поиске создания оптимального механизма разрешения уголовно-правового конфликта в котором должны быть учтены как публичные, так и частные интересы. Однако за период действия УПК РФ (с 01 июля 2002 года) можно сделать осторожные выводы о динамично меняющихся подходах государства, наполняющих содержание уголовно-процессуальной политики.

Профессор Стэнфордского университета в США. Г. Пакер еще в XX в. выделил две модели уголовно-процессуальной политики:

а) «надлежащей правовой процедуры», когда в основу всей политики кладется принцип приоритета индивидуальных прав и свобод, который подразумевает предоставление лицу максимального числа гарантий и инструментов для своей защиты;

б) «контроля над преступностью», когда приоритетным становится защита интересов общества и государства. В этой модели уго-

---

<sup>17</sup>Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 17.04.2017 № 73-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

ловно-процессуальной политики ее цели достигаются путем максимального ограничения индивидуальных прав и свобод личности.

При этом согласно концепции Г. Паркера, ни одна из моделей не может быть абсолютно доминирующей: государство постоянно корректирует свою политику, балансируя между двумя моделями в поисках идеального баланса.

Именно данные процессы можно увидеть на примере уголовно-процессуального законодательства нашей страны, так как в нем идет постоянное противоборство между защитой частных, личных интересов и интересов государства при уголовном преследовании.

Так, в первоначальной редакции уголовно-процессуальный закон, отображая либеральные идеи, содержал в основе построения уголовно-процессуальных отношений состязательность и равноправие сторон. В отличие от советского уголовного судопроизводства, построенного на господстве публично-правового начала, принципа объективности и всесторонности, в УПК РФ были введены новые формы проявления диспозитивности, которая устанавливала более широкие возможности для примирительного правосудия.

Например, главой 40 УПК РФ был регламентирован новый, ранее неизвестный российскому уголовному судопроизводству особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Безусловно, в основе данного института заложены диспозитивные начала, позволяющие обвиняемому распоряжаться своим материальными правами: признавать или не признавать выдвинутый государством уголовный иск (обвинение). Признание обвинения выступает условием для применения упрощенного производства и, как поощрение за экономию процессуальных средств, процессуальных сроков, подсудимому назначается наказание в соответствии с правилами ч.5 ст. 62 УК РФ (назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств). В научных кругах указанный институт вызывал серьезные дискуссии по ряду причин, в том числе по основаниям для его применения, допускающих возможность использования упрощенной процедуры по тяжким преступлениям. Суды к 2015 году почти 73 % всех уголовных дел

рассматривали с применением главы 40 УПК РФ. На современном этапе применение указанной формы сократилось в разы.

Опасная тенденция на упрощение и, соответственно, удешевление уголовного судопроизводства выразилась в появлении еще одной формы ускоренного производства «Дознание в сокращенной форме», введённой Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ гл. 32.1. В основе института законодателем также заложено превосходство диспозитивных начал, так как производство осуществляется по ходатайству подозреваемого (ч.2 ст.226.1 УПК РФ). Ускорение и удешевление производства по уголовному делу, к сожалению, обеспечивается усеченным доказыванием. Более того, при дальнейшем рассмотрении уголовного дела в суде ст. 226.9 УПК РФ вновь устанавливает упрощенное производство с применением положений гл. 40 УПК РФ. Подобная законодательная конструкция, на наш взгляд, не допустима. В целях соблюдения принципов уголовного процесса и обеспечения прав участников, упрощенное производство должно быть только на определенном этапе производства по уголовному делу. Поскольку расследование уголовного дела осуществлялось в форме сокращенного дознания, в последующем должна обязательно следовать компенсаторная стадия, позволяющая полноценно исследовать доказательства по уголовному делу и постановить законное, обоснованное и справедливое судебное решение.

3 июля 2016 г. Президентом РФ был подписан ФЗ № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»<sup>18</sup>, который ввел новое основание освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

---

<sup>18</sup> О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Внесение данных изменений было инициировано Верховным Судом РФ. И, как было указано в пояснительной записке к данному законопроекту, введение института судебного штрафа направлено на уменьшение количества осужденных за преступления небольшой и средней тяжести, а также на увеличение процессуальной экономии и повышение активности прекращения уголовных дел<sup>19</sup>.

Некоторые авторы видели в этом нововведении реализацию идеи гуманизации уголовного процесса, в рамках которой ожидалась совершенно новые для отечественного судопроизводства институты<sup>20</sup>.

Также изменения коснулись видов уголовного преследования. В 2016 г. в УК РФ и в УПК РФ были внесены поправки, которые декриминализировали ряд ранее преступных деяний, а некоторые составы преступлений претерпели существенные изменения объективной стороны. Эти же поправки изменили и отнесение данных составов к тому или иному виду уголовного преследования.

Хочется отметить также гл. 40.1 УПК РФ, введенную ФЗ от 29.06.2009 № 141-ФЗ<sup>21</sup> и предусматривающую особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также ст. 28.1 УПК РФ (введена ФЗ

---

<sup>19</sup> О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.07.2015 № 37 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>20</sup> См., напр.: Александров А., Головки Л., Есаков Г., Пашин С., Пастухов И., Бастратов А. Уголовный проступок: новые грани уголовного закона // Закон. 2016. № 9. С. 18–23; Никонов М. Поправки приняты – вопросы остались // ЭЖ-Юрист. 2016. № 34. С. 3.

<sup>21</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 03.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

от 29.12.2009 № 383-ФЗ)<sup>22</sup>, определившую возможность прекращения уголовного дела в отношении лица, возместившего причиненный бюджетной системе РФ вред от преступления экономической направленности. Оба положения уголовно-процессуального законодательства могут расцениваться как своего рода сделки с государством. Но если при принятии гл. 40.1 УПК РФ законодатель руководствовался стремлением наиболее эффективно бороться с организованной преступностью, то введение ст. 28.1 УПК РФ наталкивает на мысль о том, что государство стремится восполнить дефицит бюджета и снизить число осужденных предпринимателей, а значит, и снизить нагрузку на уголовно-исполнительную систему. Этим же объясняется появление новой меры пресечения в виде запрета определенных действий, введенной Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ.

Что касается процесса гуманизации, в котором многие видят существо современной уголовно-правовой политики (и уголовно-процессуальной, в частности), то она крайне неоднозначно проявляется в последних изменениях, вносимых в уголовно-процессуальное и уголовно-правовое законодательство, а также получают смысл в конкретных судебных решениях. Так, можно считать поворотным одно из последних решений Верховного Суда РФ<sup>23</sup>, который отменил решение суда первой инстанции, прекратившего производство по уголовному делу за примирением сторон по ст. 25 УПК РФ. Верховный Суд РФ указал, что одного факта примирения между потерпевшим и обвиняемым недостаточно, необходимо учитывать степень общественной опасности преступления и необходимость учитывать наличие публичных интересов, на которые осуществлено посягательство (речь идет о преступлениях, где жизнь и здоровье выступают дополнительными объектами, например, в ст. 143, 238, 264 УК РФ).

Указанное решение в контексте вносимых дополнений в уголовный закон России свидетельствует и о снижении частно-правовых начал в уголовном судопроизводстве, и о смещении акцентов на публичные интересы государства.

---

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> URL: <https://supcourt.ru/> по делу №51-УДП22-9-К8

**Э. Р. Гафурова,**

*к. ю. н., доцент кафедры теории*

*и истории государства и права ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕБОЛЬШОЙ ИЛИ СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ**

Преступность среди несовершеннолетних является серьезной и актуальной проблемой для современного российского государства. На основании статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2021 г. было выявлено 22 810 несовершеннолетних лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, что составляет 3,5 % от общего количества лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести в 2021 г. Исходя из вышеуказанных данных, можно сделать вывод, что в государстве достаточно высокий процент преступности несовершеннолетних, поэтому целесообразно разработать меры, направленные на снижение количества такой преступности [8].

В этих целях законодателями были приняты нормы, предусматривающие институт освобождения от уголовной ответственности (далее – УО).

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» под определением «освобождение от УО» понимается отказ государства в лице его органов от реализации УО в отношении лица, которое совершило преступление [3].

Общие условия освобождения от УО регламентированы в гл. 11 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба, назначение судебного штрафа, истечение сроков давности

привлечения к УО. Общим условием необходимо признать возможность применения к несовершеннолетнему лицу, совершившему преступление, акта об амнистии в соответствии со ст. 84 УК РФ. Положения гл. 11 УК РФ распространяются как на несовершеннолетних, так и на лиц, достигших 18-летнего возраста и совершивших преступление.

В отношении несовершеннолетних предусмотрены и специальные условия освобождения от УО (ст. 90 УК РФ). Так, лицо, не достигшее 18 лет, может быть освобождено от УО в случае признания того, что его исправления возможно достичь путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Указанное положение распространяет своё действие только на несовершеннолетних лиц, совершивших преступление небольшой либо средней тяжести.

Первоначально следует обратить внимание на освобождение от УО в связи с деятельным раскаянием несовершеннолетнего.

Во-первых, освобождению от УО подлежит только несовершеннолетний, который впервые совершил преступление небольшой или же средней тяжести.

Во-вторых, после совершения преступления, несовершеннолетний должен добровольно явиться в органы исполнительной власти с повинной, в дальнейшем способствовать раскрытию и расследованию совершенного им преступления, возместить ущерб или иным способом загладить причиненный преступлением вред [2, с. 75].

Освобождение от УО в связи с примирением с потерпевшим, возможно при соблюдении двух определенных законом условий:

- примирение несовершеннолетнего виновного с потерпевшим;
- заглаживание потерпевшему от преступления причиненного вреда, то есть возмещение ущерба, а также применение иных мер, которые непосредственно направлены на восстановление его нарушенных прав и законных интересов.

Например, постановлением Ярцевского городского суда Смоленской области прекращено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего К. А. К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 158 УК РФ, за примирением с потерпевшей и заглаживанием причиненного вреда, освободив К. А. К. от УО в соответствии со ст. 76 УК РФ. Поскольку подсудимый К. А. К. в полном объеме возместил причиненный преступлением имущественный ущерб, с потерпевшей помирился, что, по мнению суда, безусловно, свидетельствует о признании им своей вины и раскаянии в содеянном. Претензий потерпевшая к нему не имеет и не желает привлекать к уголовной ответственности [5].

Несовершеннолетний также освобождается судом от УО с назначением судебного штрафа в случае, если он:

- впервые совершил преступление небольшой или средней тяжести;
- возместил ущерб либо иным образом загладил причиненный преступлением вред.

К примеру, было прекращено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего С. В. В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ, на основании ст. 76.2 УК РФ, в связи с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 10 000 руб. [4].

Иным основанием выступает освобождение от УО виновного, не достигшего 18 лет, в случае, если со дня совершения им преступления истекли следующие сроки:

- 2 года – небольшой тяжести;
- 6 лет – средней тяжести.

Специальным основанием освобождения от УО выступает применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему лицу, совершившему преступление.

Так, Угличский районный суд Ярославской области постановил применить в отношении несовершеннолетнего С. А. С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161

УК РФ, принудительные меры воспитательного воздействия в порядке ст. 90 УК РФ [5].

Подводя итог, можно сделать обоснованный вывод о том, что российское уголовное законодательство отличается высоким уровнем гуманности по отношению к несовершеннолетним лицам, предусматривает альтернативу осуждению и дальнейшему отбыванию наказания. На наш взгляд, такие меры законодателей направлены на возможность осознания несовершеннолетними своих противоправных действий, дальнейшего раскаяния, исправления, а также ресоциализации в современном обществе.

В подтверждение нашего вывода необходимо обратить внимание на статистические показатели. Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. всего было рассмотрено 37 359 ходатайств об освобождении от УО, в том числе поступивших от несовершеннолетних – 35. Удовлетворено 30 ходатайств несовершеннолетних, включая 24 ходатайства, поданных в порядке ст. 90 УК РФ, то есть специального основания освобождения от УО несовершеннолетних [7].

В целях дальнейшего развития института освобождения от УО, применяемого в отношении несовершеннолетних, виновных в совершении преступных действий, рекомендуется предусмотреть специальную норму, регламентирующую проведение профилактических мероприятий с такими лицами, при освобождении их от УО, а также разработать комплекс мер, направленных на социально-общественную адаптацию. Основной задачей вышеуказанных мероприятий должно являться недопущение совершения ими в будущем новых преступлений.

### **Список литературы**

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. № 113.

2. Санташов А. Л., Соколов Н. А., Петрова И. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания: вопросы дифференциации // Журнал прикладных исследований. 2022. № 1-1. С. 73–78.

3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // Российская газета. 2013. № 145.

4. Апелляционное постановление Чусовского городского суда Пермского края № 10-8/2021 от 12 марта 2021 г. URL:<https://sudact.ru/>

5. Постановление Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-252/2021 от 29 ноября 2021 г. URL: <https://sudact.ru/>

6. Угличский районный суд Ярославской области № 1-216/2021 от 26 июня 2017 г. URL: <https://sudact.ru/>

7. Показатели преступности России, 2021 г. // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/>

8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/>

**В. Г. Рубцов,**

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры*

*криминалистикии судебных экспертиз ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ: УЧАСТИЕ ПЕРЕВОДЧИКА**

Введение в уголовный процесс новой процедуры производства отдельных следственных действий – с использованием систем видео-конференц-связи, на наш взгляд, является вполне обоснованным и соответствующим современным условиям развития общества. Данная форма производства следственных действий, безусловно, сократит временные, организационные и материальные издержки уголовного судопроизводства без существенного снижения качества получаемых доказательств. В настоящее время уголовно-процессуальный закон допускает проведение в указанной форме на досудебных стадиях лишь допроса, очной ставки и предъявления для опознания; в ходе судебного следствия предусматривает только допросы свидетелей. Как и некоторые другие исследователи [4], полагаем, что с развитием технических возможностей, разработок в сфере защиты информации, следственной и судебной тактики в области судебной видеозаписи будут созданы условия для производства и иных следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи.

Очевидно, что данная форма введена в уголовный процесс, в первую очередь, для обеспечения участия в нем лиц, чьи показания могут способствовать решению задач уголовного судопроизводства. При этом в ст. 189.1 УПК РФ, в отличие от норм, установленных ст. 278.1 УК РФ, не указано, какие именно участники уголовного процесса могут быть привлечены к производству допроса, очной ставки, предъявлению для опознания с использованием систем ви-

део-конференц-связи. На наш взгляд, исходя из содержания чч. 1, 3, 5 ст. 189.1 УПК РФ, положений ст. 164 УПК РФ, глав 6–8 УПК РФ, такая форма участия в указанных следственных действиях применима не только к субъектам, наделенным правом или обязанностью давать показания, но и к тем, участие которых при производстве следственных действий, согласно норм уголовно-процессуального законодательства, является обязательным либо признано необходимым следователем или дознавателем: к защитнику, законному представителю, педагогу, переводчику, специалисту, должностному лицу органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Из всех указанных категорий участников следственных действий в настоящее время переводчик является тем участником расследования, с привлечением которого на практике возникает наибольшее количество проблем.

В частности, О. П. Грибунов, Х. С. Шагбанова и другие исследователи указывают на сложности с оценкой компетентности переводчика и качества выполненного им перевода [2, 5]. Отдельные авторы отмечают проблему непредвзятости, незаинтересованности в исходе расследования лица, привлеченного в качестве переводчика [3, 5]. Большинство лиц, привлекаемых на практике в качестве переводчика для расследования по уголовным делам, являются представителями небольших по численности этнических диаспор, члены которых очно или заочно знают друг друга. При этом не исключено психологическое, моральное воздействие на лицо, привлеченное в качестве переводчика, со стороны членов диаспоры. Определенную роль могут сыграть и его собственные этические установки, обусловленные групповой солидарностью на этнической или религиозной почве.

Но главной проблемой привлечения к расследованию лица в качестве переводчика является отсутствие в большинстве случаев по месту расследования лиц, владеющих языками, знание которых необходимо для осуществления перевода. Очевидно, что в большинстве населенных пунктов европейской части России весьма сложно найти лицо, владеющее хоть какими-то языковыми навыками якут-

ского или бурятского языка, а в большинстве районов Бурятии найти лицо, говорящее на удмуртском или марийском языке, не говоря уже о качестве владения языком, позволяющим перевести юридические термины и понятия.

На практике имели место случаи, когда из-за отсутствия лиц, способных осуществить перевод, следователи использовали программы онлайн-переводчиков. Такие действия были признаны судом существенным нарушением прав участников уголовного судопроизводства с вытекающими последствиями относительно допустимости полученных при этом доказательств [6].

При этом практически у всех народов, проживающих в нашей стране, имеются профессионалы в области изучения и преподавания родного языка. В каждом регионе ведется преподавание иностранных языков. В МГИМО, Дипломатической академии МИД России, МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, Казанском федеральном университете и ряде других вузов и научно-исследовательских центров страны имеются специалисты-профессионалы в области официальных государственных языков едва ли не всех стран мира.

К другой категории специалистов, способных выполнить надлежащий устный и письменный перевод при расследовании уголовных дел, можно отнести представителей народов России и иностранных граждан, получивших юридическое образование в нашей стране на русском языке.

То есть проблема не в отсутствии лиц, способных осуществить квалифицированный перевод, а в том, что почти все они находятся в нескольких крупных городах либо в регионах, где проживает основная масса носителей языка, перевод с которого необходимо осуществить.

Применительно к рассматриваемой проблеме можно выделить три основные следственные ситуации.

Первая. Участник, которому требуется переводчик, и следователь (дознатель) находятся в одном месте; лицо, способное осуществить перевод – в другом месте. Это самая распространенная на практике ситуация.

Вторая. Участник, которому требуется переводчик, и переводчик находятся в одном месте; расследование проводится (либо следователь или дознаватель) в другом месте. Например, необходимо провести допрос якута, плохо владеющего русским языком, находящегося в Якутске, либо очную ставку с участником гражданина Японии, находящегося в Москве или в Казани.

Третья. Все указанные лица находятся в разных местах.

Аналогичные ситуации могут складываться и в ходе судебных стадий рассмотрения уголовного дела.

При этом формулировка ст. 189.1 УПК РФ не дает однозначного ответа на вопрос, возможно ли привлечение к производству следственных действий таких участников, как переводчик, специалист, педагог путем использования систем видео-конференц-связи, если лицо, дающее показания, может участвовать в следственном действии очно. На наш взгляд, с целью исключения различных толкований уголовно-процессуальный закон должен предусмотреть все указанные следственные и судебно-следственные ситуации; для чего необходимо внести соответствующие дополнения в ст. 169, 263 УПК РФ.

Для реализации рассматриваемой формы участия переводчика в расследовании, кроме законодательного закрепления, необходимо решить и ряд задач организационного характера.

Во-первых, для эффективной организации привлечения к расследованию переводчиков представляется целесообразным создать специальное единое для всех органов расследования подразделение федерального уровня, собирающее сведения о лицах, обладающих необходимыми навыками и готовых осуществлять перевод по уголовным делам, предоставляющее следователям, дознавателям по их запросам списки и контакты лиц, которых возможно привлечь в качестве переводчиков по конкретным уголовным делам, а также решающее общие задачи организации взаимодействия органов расследования с лицами, привлекаемыми в качестве переводчиков. Подобные предложения уже высказывались исследователями, изучающими проблемы участия переводчика в судопроизводстве [1].

Во-вторых, на наш взгляд, необходимо создать единый реестр переводчиков по уголовным делам, разработать нормативную базу его ведения и доступа к данным, содержащимся в нем.

И кроме того, считаем целесообразным создание автоматизированной базы данных, содержащей сведения о том, кто из реестра переводчиков, когда и по какой категории дел (в первую очередь, по каким составам преступлений) осуществлял перевод.

Очевидно, что затраты на создание подобного подразделения, ведение указанного реестра и базы данных несопоставимы с издержками на обеспечение личного участия переводчиков в различных регионах страны.

Представляется, что подобная организация привлечения указанных специалистов в качестве переводчиков будет способствовать формированию профессионального сообщества специалистов в области перевода в уголовном судопроизводстве; накопленный ими опыт может стать подспорьем для активизации лингвистических исследований в данном направлении, что, в свою очередь, позволит повышать качество перевода по уголовным делам.

Помимо этого, создание указанного реестра и соответствующей базы данных значительно облегчит привлечение к расследованию специалистов в области материальной и нематериальной культуры различных народов, которые бывают необходимы при привлечении к уголовной ответственности представителей этнических диаспор.

### **Список литературы**

1. Винников А. В. Судебный перевод и судебно-переводческие организации // Российский юридический журнал. 2012. № 2 (83). С. 167–174.

2. Грибунов О. П., Родивилина В. А. Некоторые тактические особенности привлечения переводчика к участию в предварительном расследовании // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 125–128.

3. Нурдин Н. Ж. Особенности участия переводчика в досудебном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 97–102.

4. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 95–102.

5. Шагбанова Х. С. Место и роль переводчика в уголовном процессе // Образование и право. 2021. № 6. С. 291–294.

6. Шигуров А. В. Проблемы правовой регламентации понятия и признаков переводчика как участника уголовного судопроизводства // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2018. № 3. С. 70–71.

**В. А. Чернышев,**

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры*

*гражданского права ИПСУБ ФГБОУ ВО*

*«Удмуртский государственный университет»*

## **К ВОПРОСУ О РАЗМЕРЕ НАГРУЗКИ НА ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЕ ПОДКЛЮЧАЕМЫХ ОБЪЕКТОВ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Любое новое строительство предполагает присоединение (подключение) строящегося или построенного объекта к системам коммунального обеспечения, как то централизованного теплоснабжения, газоснабжения, электроснабжения и, наконец, водоснабжения и водоотведения (далее – сети инженерно-технического обеспечения). Также и при реконструкции уже построенного объекта капитального строительства, повлекшей увеличение требуемых для эксплуатации объектов мощностей (нагрузки) коммунальных ресурсов, может потребоваться повторное подключение объекта к сетям инженерно-технического обеспечения.

Несмотря на наличие развитой нормативно-правовой базы, регулирующей данные вопросы, стоит признать наличие целого ряда проблем, возникающих при осуществлении технологического присоединения к сетям инженерно-технического обеспечения как у заявителя, так и у ресурсонабжающих организаций вне зависимости от вида ресурса. Корень этих проблем не только в отсутствии единообразия в правовом регулировании технологического присоединения, но и в технических моментах самого процесса присоединения в зависимости от вида подключаемого ресурса (тепло, газ, электричество, вода и стоки).

Среди проблем, характерных для подключения объекта капитального строительства к любой из систем коммунального обеспечения, является вопрос об определении размера подключаемой мощности (нагрузки) коммунального ресурса, обеспечивающего нормальное функционирование подключаемого объекта с сохране-

нием уровня обеспеченности указанным ресурсом ранее подключенных объектов.

В данной статье вопрос об определении размера необходимой мощности (нагрузки) автор рассматривает на примере проблемных правового регулирования вопросов подключения объектов капитального строительства к системам централизованного водоснабжения. Особо остро встает вопрос при подключении к сетям инженерно-технического обеспечения нежилых объектов капитального строительства, поскольку стремление застройщика (собственника) уменьшить плату за подключения за счет уменьшения заявляемой мощности (нагрузки) объекта вступает в конфликт с интересами ресурсоснабжающих организаций обеспечивать стабильное функционирование централизованной системы водоснабжения, а для этого необходимы денежные средства на развитие (новое строительство, модернизация и реконструкция) существующей системы.

Подчеркну, что число спорных вопросов много, но среди наиболее острых следует отметить вопросы об определении необходимой мощности (нагрузки) на хозяйственно-бытовые нужды каждого подключаемого объекта и учет мощности (нагрузки) на пожаротушение, в первую очередь наружное.

Итак, следует отметить, что действующее законодательство о подключении объектов капитального строительства к централизованным сетям водоснабжения (как, впрочем, и водоотведения) требует определения исключительно максимальной величины мощности (нагрузки) потребляемого ресурса:

– п. 7 и п. 9 ст. 48 «Архитектурно-строительное проектирование» Гр.К РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ;

– п. 17, п. 45.1., п. 48 и т.п. Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утв. Постановлением Правительства РФ от 29.07.2013 № 644;

– п. 2, п. 15, п. 17, п. 26 и т.д. Правил подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к централизованным системам горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, утв. Постановлением Правительства РФ от 30.11.2021 № 2130 и т.д.

Требование определить именно максимальную величину мощности (нагрузки) обусловлено тем, что в процессе своего функционирования подключенный объект капитального строительства может фактически потреблять ресурс в достаточно большом диапазоне в зависимости, в частности, от функционального назначения (например, офис, торговое предприятие (требуемая мощность (нагрузка) различается в зависимости от торговли продовольственными или непродовольственными товарами) или предприятие общественного питания) помещений объекта и количества работающих лиц, а в ряде случаев и от количества посещающих лиц (для предприятий общественного питания).

Итак, кто определяет необходимую максимальную величину мощности (нагрузки) на водоснабжение и водоотведение для вновь построенного (или еще строящегося) объекта капитального строительства и кто может проверить соответствие реальным нуждам запрошенной застройщиком (собственником) мощности (нагрузки)?

Общий порядок подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к централизованным системам холодного водоснабжения и (или) водоотведения установлен ст. 18 «Подключение (технологическое присоединение) объектов капитального строительства к централизованным системам холодного водоснабжения и водоотведения» Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» и детализирован в Правилах подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к централизованным системам горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2130 (далее – Правила подключения). Так, согласно п. 26 указанных Правил подключения при подключении к централизованным системам холодного водоснабжения и (или) водоотведения требуется предоставить баланс водопотребления и водоотведения подключаемого объекта в период использования максимальной величины мощности (нагрузки) с указанием целей использования холодной воды и распределением объемов

подключаемой мощности (нагрузки) по целям использования, в том числе на пожаротушение, периодические нужды, заполнение и опорожнение бассейнов, прием поверхностных сточных вод, а также с распределением общего объема сточных вод по канализационным выпускам (процентов), при подключении к централизованной системе горячего водоснабжения – баланс потребления горячей воды подключаемого объекта (с указанием целей использования горячей воды). Одновременно подп. к) п. 25 Правил подключения требует от заявителя предоставление сведений о технических параметрах подключаемого объекта (сведения о назначении объекта, высоте и об этажности зданий, строений, сооружений), а п. 31 Правил подключения предоставляет ресурсоснабжающей организации проверить соответствие представленного баланса водопотребления и водоотведения техническим параметрам подключаемого объекта, целям обеспечения пожаротушения.

Право ресурсоснабжающей организации провести проверку на «соответствие представленного баланса водопотребления и водоотведения сведения назначению объекта, высоте и этажности здания» и раньше было предусмотрено в п. 91 Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утв. Постановлением Правительства РФ от 29.07.2013 № 644, но действующие Правила подключения в п. 27 прямо предусмотрели обязанность заявителя предоставить утвержденную в установленном порядке проектную документацию на подключаемый объект в части сведений об инженерном оборудовании и сетях инженерно-технического обеспечения подключаемого объекта, что в совокупности с требованием п. 26 Правил подключения об обязанности заявителя предоставить копии правоустанавливающих и правоудостоверяющих документов на подключаемый объект, ранее построенный и введенный в эксплуатацию, а для строящихся объектов – копия разрешения на строительство, позволяет получить полный комплект исходных данных об объекте (будущем объекте) подключения.

Однако, как показала арбитражная практика, в частности, дела № А71-10054/2020 и № А71-9066/2020, не исключает споры об оп-

ределении максимальной величины мощности (нагрузки) на подключаемый объект, т. к. проектная документация в настоящее время очень часто основывается не на требованиях строительных норм и правил, а на так называемых «заданиях на проектирование от заказчика». Кроме того, сложившаяся практика получения заключений о соответствии проекта строительства строительным нормам и правилам в частных экспертных организациях позволяет существенно занижать, опять-таки со ссылкой на «задание на проектирование от заказчика», требуемые по законодательству максимальные мощности (нагрузки) коммунальных ресурсов. Поскольку от размера подключаемой мощности (нагрузки) зависит и плата за подключение, то меркантильный интерес заявителя в занижении мощности (нагрузки), несмотря на будущие возможные проблемы при эксплуатации объекта, налицо. Тем более имеющиеся «глубинные» резервы ресурсоснабжающей организации в условиях обычного потребления ресурса, как правило, позволяют не проявляться дефициту потребляемой воды в системе или переполнению системы канализации стоками. Но риск увеличения нагрузки и связанного с этим повышенного износа инженерного оборудования и сетей инженерно-технического обеспечения, риск нехватки ресурса в экстренной ситуации (например, воды на нужды пожаротушения), а также недостаток финансовых ресурсов на развитие и обновление сооружений, оборудования и сетей инженерно-технического обеспечения требует от ресурсоснабжающей организации тщательной проверки заявленной мощности (нагрузки) на предмет соответствия ее требованию о максимальном размере.

Так, для примера возьмем расчет мощности (нагрузки) на водоснабжение для хозяйственно-бытовых нужд такого популярного на сегодняшний день объекта капитального строительства как торгово-офисный комплекс с помещениями различного назначения – офисные, торговые (магазины как продовольственных, так и непродовольственных товаров), общественного питания, досуговые.

Базовыми документами для определения исходных данных при расчете являются:

– СП 118.133330.2022 Общественные здания и сооружения, согласно раздела «1 Область применения» которых: «Настоящий свод правил распространяется на проектирование общественных зданий и сооружений при новом строительстве, реконструкции и капитальном ремонте, в том числе при изменении их функционального назначения.

Требования настоящего свода правил распространяются также на помещения общественного назначения, встраиваемые в жилые здания и в другие объекты, соответствующие санитарно-эпидемиологическим требованиям к общественным зданиям (далее – общественные здания)».

Согласно п. 4.12 СП 118.133330.2022: «Перечень основных функционально-типологических групп зданий, сооружений и помещений общественного назначения приведен в приложении Б».

В «Приложении Б. Перечень основных функционально-типологических групп зданий, сооружений и помещений общественного назначения» в Таблице Б1 в разделе А «Здания и сооружения для объектов, обслуживающих население» в п. 3 «Здания и помещения сервисного обслуживания населения» указаны: «3.1 Предприятия розничной и мелкооптовой торговли, а также торгово-развлекательные комплексы» и «3.2 Предприятия общественного питания:.. 3.2.2 То же, в составе (структуре) организаций иного функционального назначения».

В качестве регламентирующих строительных правил в отношении торгово-развлекательных комплексов дополнительно указаны СП 464.1325800.2019 «Здания торгово-развлекательных комплексов. Правила проектирования», согласно раздела «1 Область применения» которых: «1.1 Настоящий свод правил распространяется на проектирование новых, реконструируемых и капитально ремонтируемых торгово-развлекательных комплексов высотой до 50 м, с заглублением подземной части до 15 м от уровня земли.». Согласно п. 3.1.1 СП 464.1325800.2019 «торгово-развлекательный комплекс; ТРК: Здание или комплекс зданий, помещения которого (которых) предназначены для размещения предприятий торговли, об-

щественного питания, бытового обслуживания населения, реализующих универсальный или специализированный ассортимент товаров и услуг, объектов физкультурно-спортивного назначения, культурно-досуговых учреждений, которые связаны между собой через коммуникационные пространства в виде помещений общего пользования для передвижения покупателей (посетителей), персонала.».

В части требований к объемно-планировочным решениям и обеспечению санитарно-эпидемиологических требований к зданию торгово-развлекательных комплексов СП 464.1325800.2019 делает отсылку к СП 118.133330. Лишь в отношении отдельных помещений специализированного назначения имеются отсылки к специализированным строительным правилам, например, физкультурно-спортивного назначения – к СП 332.1325800, культурно-досугового назначения – к СП 309.1325800, к детским игровым зонам – к СП 160.1325800, помещениям предприятий торговли – ГОСТ Р 51773, помещениям предприятий общественного питания – ГОСТ 30389. Но названные специализированные строительные нормы содержат, как правило, отсылки на общие размеры (площади) специализированных помещений, и только в редких случаях, например, в отношении физкультурно-спортивного назначения, названа установленная площадь, рассчитанная на одного человека – кабинет врача, комната медицинской сестры (процедурная) и т. п.

Базовым же документом, который определяет то количество работников, которое без учета специализации можно максимально разместить на полезной площади, является исключительно СП 118.133330.

Согласно п. 5.30 СП 118.133330.2022 помещения административного назначения в составе общественных зданий составляют следующие основные функциональные группы:

- кабинеты руководства;
- рабочие помещения структурных подразделений;
- помещения для совещаний и (или) конференц-залы;
- методические и учебные кабинеты, кабинеты общественных организаций.

П. 5.31 СП 118.133330.2022 устанавливает, что площадь рабочих помещений структурных подразделений рекомендуется определять из расчета не менее  $6 \text{ м}^2$  на одно рабочее место, но в отношении ряда работников действуют повышенные нормы, например, для начальника отдела, главного специалиста и главного бухгалтера –  $9 \text{ м}^2$ , для инженера –  $6,5 \text{ м}^2$ , для юриста –  $12 \text{ м}^2$  и т. п.

Наконец, в п. 5.32 СП 118.133330.2022 имеется отсылка на необходимость учета требований СП 44.13330.2011 «Административные и бытовые здания», т.к. именно СП 44.13330.2011 дает исходные данные для расчета максимально возможного числа сотрудников различного профиля, размещаемых на площадях объекта капитального строительства. А число сотрудников, в свою очередь, является одним из элементов формулы расчета потребляемой объектом мощности (нагрузки) ресурса водоснабжения на хозяйственно-бытовые нужды.

Положения СП 118.13330.2022 не содержат в себе нормы расхода воды на объект капитального строительства, однако они позволяют определить расчетное (возможное) максимальное количество работников, размещаемых в объекте подключения. Далее, на базе расчетного максимального количества работающих лиц с использованием расчетных параметров СП 30.13330.2020 «Свод правил. Внутренний водопровод и канализация зданий», а именно Таблицы А.2 «Расчетные расходы воды потребителями», можно рассчитать максимальную величину мощности (нагрузки) водоснабжения на хоз.-питьевые нужды для объекта подключения.

В арбитражной практике иногда, со ссылкой на нормы Постановления Правительства РФ от 04.07.2020 № 985, ставится под сомнение обязательность применения СП 118.13330.2022. Однако анализ таких правовых норм Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», Постановления Правительства РФ от 4.07.2020 № 985 «Об утверждении перечня национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований

Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации», позволяет сделать вывод, что они не только не отменяют действие ни одного пункта СП 118.13330.2022, но и п. 5 ст. 3 ФЗ от 30.12.2009 № 384-ФЗ прямо предусматривает применение указанного СП.

Обращаю внимание, что любое помещение, прямо не упомянутое в СП 118.13330.2022, попадает под действие п. 5.31. указанного СП – из расчета не менее 6 м<sup>2</sup> на одно рабочее место. Именно эту норму права недобросовестные застройщики и проектировщики пытаются обойти, ссылаясь на абстрактное (с точки зрения эксплуатационных характеристик объекта) понятие «задание на проектирование от заказчика». СП 118.13330.2022 устанавливает нормативы площади для одного рабочего места – другого не дано.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что действующее законодательство позволяет ресурсоснабжающей организации обоснованно и критически проверить любой представленный застройщиком (собственником) баланс водопотребления и водоотведения подключаемого объекта и исключить самоволие в его определении со ссылкой на «задание на проектирование от заказчика».

Обращаясь к вопросу о необходимости учета требуемой мощности (нагрузки) на наружное пожаротушение в составе подключаемой мощности (нагрузки) к централизованной системе водоснабжения, следует учесть, что встречается, в том числе и арбитражной практике, толкование определения понятия баланса водопотребления и водоотведения, содержащегося в п. 2 Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утв. Постановлением Правительства РФ от 29.07.2013 № 644, в части водоснабжения как только об объеме воды, который фактически поступил на объект через присоединенную трубу, т. е. только внутреннее пожаротушение.

Однако в соответствии со ст. 4 Федерального закона № 123-ФЗ к нормативным правовым актам Российской Федерации по пожарной безопасности относятся технические регламенты, принятые в соответствии с Федеральным законом «О техническом регулиро-

вании», федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, устанавливающие обязательные для исполнения требования пожарной безопасности (часть 2 указанной статьи). К нормативным документам по пожарной безопасности относятся национальные стандарты, своды правил, содержащие требования пожарной безопасности, а также иные документы, содержащие требования пожарной безопасности, применение которых на добровольной основе обеспечивает соблюдение требований настоящего Федерального закона (часть 3 данной статьи).

В указанный перечень в том числе входят: СП 4.13130.2013 «Системы противопожарной защиты. Ограничение распространения пожара на объектах защиты. Требования к объемно-планировочным и конструктивным решениям, СП 8.13130.2020 «Системы противопожарной защиты. Источники наружного противопожарного водоснабжения. Требования пожарной безопасности», СП 10.13130.2020 «Системы противопожарной защиты. Внутренний противопожарный водопровод. Нормы и правила проектирования».

Исходя из изложенного, логичным является вывод о том, что при подключении (технологическом присоединении) должен согласовываться размер нагрузки объекта, который обязана обеспечить организация водопроводно-канализационного хозяйства в точках подключения (технологического присоединения) с учетом целей использования холодной воды и распределением объемов подключаемой нагрузки по целям использования. При этом цель использования обусловлена не только постоянными, но и периодическими, а также экстренными нуждами, включая пожаротушение как внутреннее, так и внешнее.

П. 26 Правил подключения, утв. Постановлением Правительства РФ от 30.11.2021 № 2130, требует при заключении договора о подключении (технологическом присоединении) к централизованной системе холодного водоснабжения представить баланс водопотребления и водоотведения подключаемого объекта в период использования максимальной величины мощности (нагрузки) с указанием целей использования холодной воды и распределением объ-

емов подключаемой мощности (нагрузки) по целям использования, в том числе на пожаротушение – без разделения на внутреннее и внешнее. Приложение № 1 к типовому договору о подключении (технологическом присоединении) к централизованной системе холодного водоснабжения «ПАРАМЕТРЫ подключения (технологического присоединения) к централизованной системе холодного водоснабжения», утв. Постановлением Правительства РФ от 29.07.2013 № 645, в ред. Постановления Правительства РФ от 30.11.2021 № 2130, указывает на необходимость определить при подключении объекта требования к обеспечению соблюдения условий пожарной безопасности и подаче расчетных расходов холодной воды для пожаротушения, также без разделения на внутреннее или внешнее пожаротушение.

К тому же, если использовать семантическое (или буквальное) толкование нормы права (ст. 431 ГК РФ), то объем воды, полученный в случае пожара на объекте подключения из наружных гидрантов в целях тушения пожара (наружное пожаротушение), будет также объемом воды, полученным абонентом «из всех источников водоснабжения». Это простые правила русского языка.

Отмечаю, что Верховный суд Российской Федерации признает правоту подхода, согласно которого « ...при проектировании и строительстве строящегося объекта должны быть предусмотрены расходы на внутреннее и наружное пожаротушение... » (Определение Верховного суда Российской Федерации № 309-ЭС17-11113 от 21.08.2017 по делу № А50-13384/2016), а анализ различий в практике учета или отказа в учете расходов на наружное пожаротушение при определении платы за подключение объекта позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев отказ от учета расходов на наружное пожаротушение связан с особенностями регионального тарифного регулирования платы за подключения – эти расходы региональные власти включают в плату для застройщиков (собственников) или относят за счет бюджета соответствующего уровня, что четко просматривается при сравнительном анализе, например, материалов арбитражных дел А50-13384/2016 и А71-10054/2020.

**Н. О. Машинникова,**  
*к. ю. н., доцент кафедры уголовного  
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ПРИГОВОР КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Постановление приговора по уголовному делу является результатом непростого многогранного процесса по формированию у судьи внутренней убеждённости относительно наличия/отсутствия события преступления, его состава, причастности к нему подсудимого и виновности последнего в его совершении. Следует согласиться с выводом С. В. Бурмагина о том, что содержательная часть приговора, сути присутствующих в нём решений и правосудность приговора в целом находятся в зависимости от внутреннего судебного убеждения по каждому из разрешаемых вопросов<sup>24</sup>.

Субъективное чувство уверенности судьи о виновности либо невиновности подсудимого во вменяемом ему преступлении, обусловленное наличием структурно-логических связей между действием (бездействием) последнего и наступившими негативными последствиями, является результатом мыслительной деятельности суда. Восприятие судом доказательств и доводов сторон, а также их свободная оценка по правилам ст. 17 УПК РФ находит своё выражение в мотивировочной части приговора и позволяет обществу проследить качество отправления правосудия по конкретному делу.

Убежденность суда в возможности у него вариативности поведения при принятии решения обусловлена и тем, что УПК РФ содержит достаточное количество относительно определенных норм,

---

<sup>24</sup>Бурмагин С. В. Соответствие приговора внутреннему убеждению судьи // Журнал «Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения», № 1, январь–март 2017 г. С. 13–20.

регулирующих этап рассмотрения уголовного дела в суде. В свою очередь требование обоснования и мотивированности судебного акта находится в непосредственной взаимосвязи с правом на справедливый суд. Немотивированные и неубедительные, небрежно составленные судебные акты, содержащие искажения имеющих значение для дела обстоятельств, порождают сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности судей<sup>25</sup>. Суд не только должен убедиться сам, но и убедить иных лиц в законности, обоснованности и справедливости принятого им приговора. Мотивированность, как неотъемлемое свойство приговора является средством коммуникации между судом и сторонами, а также судом и обществом в целом. Следовательно, немотивированный приговор не может быть правосудным, поскольку проверка его обоснованности не представляется возможной. Как справедливо отмечает А. Р. Султанов, отказ в правосудии – это отказ в основополагающем праве, которое защищает и обеспечивает все остальные права и свободы<sup>26</sup>.

Внутреннее убеждение, формализованное в мотивировочной части приговора, является не только результатом оценки материалов уголовного дела, но и результатом процессуальной коммуникации между участниками уголовного судопроизводства на этапе рассмотрения дела в суде. Процессуальная коммуникация одновременно является как правом, так и обязанностью участника уголовного судопроизводства, эффективность реализации которого коррелирует встречному процессуальному праву, о котором не принято говорить, но оно всегда подразумевается – это «право на понимание», которое

---

<sup>25</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» (В настоящее время документ утратил силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей») // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>26</sup> Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта – свойство без которого судебный акт не является актом правосудия / опубликовано в коллективной монографии «Правовые институты России и Франции». М., 2022 г. С. 345–381. URL: [http://www.iuaj.net/node/3165#\\_ftnref44](http://www.iuaj.net/node/3165#_ftnref44)

впоследствии может быть преобразовано во внутреннее убеждение. Можно сделать вывод о том, что внутреннее убеждение, являясь методом оценки доказательств, одновременно является процессуальной гарантией обоснованности и справедливости приговора, в связи с чем, сам приговор всегда должен соответствовать внутреннему убеждению судьи, поскольку является его процессуальной формализацией. Однако обеспечивается такая процессуальная гарантия в уголовном судопроизводстве не всегда.

Как обоснованно указывает С. В. Бурмагин, возможность расхождения постановленного приговора с имевшимся у судьи внутренним убеждением существует в настоящее время на нормативном уровне<sup>27</sup>.

В частности, действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает постановление приговора при отсутствии у суда внутренней убежденности как в виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, так и в его невинности во вменяемом в вину преступлении. Такое требование процессуального закона обусловлено презумпцией невинности (ст. 14 УПК РФ) и касается оправдательного приговора, который следует постановить при наличии у суда неустранимых сомнений относительно виновности подсудимого. Данная правовая конструкция является исключением и представляет собой гарантию реализации назначения уголовного судопроизводства в части защиты личности от незаконного осуждения (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Однако, в данном случае, диссонанс между внутренним убеждением и текстом приговора не обусловлен запретом на дискрецию, а связан с анализом имеющихся доказательств и вызван необходимостью достижения назначения уголовного судопроизводства.

Что касается ситуации при отказе государственного обвинителя от обвинения в порядке ч. 7 ст. 246 УПК РФ, то здесь законодатель прямо ограничил внутреннее убеждение судьи прямым запретом на дискрецию, предоставив суду единственный вариант процес-

---

<sup>27</sup>Бурмагин С. В. Соответствие приговора внутреннему убеждению судьи // Журнал «Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения». № 1, январь–март 2017 г. С. 13–20.

суального поведения вне зависимости от его собственного мнения по делу. Такой подход законодателя коррелирует с принципом состязательности сторон и обусловлен тем, что суд не является органом уголовного преследования, а следовательно, и не может его осуществлять по собственной инициативе. Кроме того, в случае отказа государственного обвинителя от обвинения по ч. 7 ст. 246 УПК РФ суд прекращает производство по уголовному делу и не рассматривает его по существу, то есть не постановляет приговор.

Путём введения в УПК РФ упрощённых процедур уголовного судопроизводства фактически законодатель фактически попытался лишить суд права на внутреннее убеждение, изъяв у него его право определять вид приговора по внутреннему убеждению. Это связано с прямым запретом законодателя на непосредственное исследование и самостоятельную оценку доказательств судом в порядке глав 40, 40.1 и 32.1 УПК РФ. Содержательная часть приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства фактически будет содержать не внутреннее убеждение суда относительно события и состава преступления, причастности к нему подсудимого и его вины в его совершении, а позицию органа предварительного расследования по такому делу. И если, при поступлении в суд дел, рассмотрение которых предусмотрено главами 40 и 40.1 УПК РФ, решение о порядке судебного производства принимает сам суд, то при поступлении в суд уголовного дела расследованного путём сокращённого дознания, суд не вправе определить порядок судебного разбирательства по собственному усмотрению. Такая позиция законодателя коррелирует с безусловным правом обвиняемого на защиту.

Таким образом, приговор суда по общему правилу является формализацией внутреннего убеждения суда по результатам судебного разбирательства при наличии определённых в законе исключений, обусловленных необходимостью соблюдения прав участников процесса и обеспечения процессуальных гарантий уголовного судопроизводства.

**В. Е. Зварыгин,**

*к. ю. н., доцент, зав. кафедрой*

*уголовного права и криминологии ИПСУБ*

**А. М. Ахатова,**

*учебно-практическая лаборатория*

*«Юридическая клиника» ИПСУБ ФГБОУ ВО*

*«Удмуртский государственный университет»*

## **ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МОМЕНТА НАЧАЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И МЕДИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

В науке отечественного уголовного права вопрос о начале человеческой жизни является дискуссионным. В статье 20 Конституции право каждого на жизнь относится к основным, неотчуждаемым правам, принадлежащим каждому от рождения [1]. При этом мы полагаем, что именно в итоговом завершении родовспоможения законодатель определяет начало жизни человека, что и является отправной точкой. Вместе с тем существование неродившегося «ребенка» находится под частичной охраной гражданского (п. 1 ст. 1116, п. 3 ст. 1163, ст. 1666 ГК РФ и др.) и семейного законодательства (п. 2 ст. 48 СК РФ) и признается потенциальным субъектом прав. Действующее уголовное законодательство рассматривает **эмбрион** (зародыш человека на стадии развития до восьми недель) [3] и **плод** (зародыш человека с 9 недели беременности до рождения) в качестве дополнительного объекта при посягательстве на жизнь и здоровье беременной женщины (п. «г» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 111 УК РФ).

Международно-правые акты направлены на защиту будущего потенциального человека, однако не признают их в качестве субъекта правоотношений. В преамбуле Декларации прав ребенка, принятой Резолюцией 1836 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959, закреплено положение, согласно которому «ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как и до, так и после рождения» [8]. Аналогичная норма со-

держится в Конвенции о правах ребенка 1989 г. [9]. В статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах запрещается приводить в исполнение смертный приговор в отношении беременных женщин [10], а в ч. 2 ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах гарантируется особая охрана матерям до и после родов [11].

В юридической научной литературе высказывались различные мнения и подходы о моменте начала человеческой жизни. Н. А. Лопашенко момент начала жизни связывает с началом физиологических родов [17]. Т. В. Кандрашова, Р. К. Шарапов, А. К. Звирбуль, В. Д. Набоков полагают, что плод является организмом беременной женщины; умышленное прекращение жизнедеятельности рождающегося ребенка следует рассматривать как направленные противоправные действия против жизни уже *самостоятельного организма* и квалифицировать как убийство [26] или покушение на убийство [27]. М. Д. Шаргородский [28], Н. Г. Иванов [18], Е. В. Кабурнеев, Н. Г. Кадников [14] моментом начала человеческой жизни определяют начало самостоятельного дыхания, связывая его с живорождением. Однако Н. С. Таганцев утверждает, что ребенок и вне организма матери может продолжать жизнь, подобную внутриутробной, поэтому его следует рассматривать в качестве живого человека. Е. Ю. Пудовочкин [15], Ю. В. Грачева [16], В. Г. Ившин, В. В. Ровнейкопридерживаются позиции закона и определяют начало жизни с момента отделения плода от тела матери. Они отмечают, что посягательство на жизнь *нежизнеспособного ребенка* на квалификацию не влияет, но снижает общественную опасность содеянного, если это обстоятельство охватывалось умыслом виновного [19]. Однако с точки зрения действующего законодательства определение понятие *ребенок* дается в ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред.14.07.2022 № 262-ФЗ) и понимается как уже родившийся человек [4]. При этом деяние лица, причиняющего вред заведомо беременной женщине, обладает большей повышенной опасностью, поскольку фактически посягает на два объекта – на жизнь потерпевшей и жизнь потенци-

ального человека. Соответственно, умерщвление *не ребенка, а плода* в утробе матери до появления на свет не расценивается законодателем как преступление против жизни, а рассматривается как прерывание беременности и, в случае нахождения в прямой причинно-следственной связи с совершенным деянием, квалифицируется как преступление против здоровья. Еще в XX столетии В. Д. Набоков считал, что с появлением какой-либо части тела плода наружу его следует признать *ребенком* [25].

Согласно п. 1 ст. 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ и п. 1 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» моментом рождения ребенка является **момент отделения плода от организма матери посредством родов** [2; 5]. Согласно п. 3 указанного Приказа **живорождением** признается новорожденный, сроком 22 недели, весом 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела 25 см и более при наличии признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры, независимо от того перерезана пуповина и отделилась ли плацента) [5].

Развитие медицины, направленной на сохранение недоношенного ребенка, способствует открытию новых возможностей для улучшения сохранности жизни людей в будущем. Достаточно упомянуть о существующих кувезах, имитирующих условия, схожие с внутриутробными. В 2017 году исследователи США провели пилотный эксперимент с использованием искусственной матки на недоношенных ягнятах, завершившийся успешно. Уже сейчас назрел вопрос относительно применения данной технологии на плоде человека. В 2021 году с помощью специально созданных оптимальных физиологических условий для поддержания жизнедеятельности ученые из Израиля смогли вырастить мышей без живой матки уже на стадии эмбрионального развития [38]. Необходимо отметить фе-

тальную хирургию, основной целью которой является коррекция аномалий плода на ранних стадиях развития во внутриутробном периоде с помощью хирургического вмешательства.

Акты Минздрава РФ определяют действия медицинских работников в интересах будущего человека. Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»» определяет порядок оказания медицинской помощи беременным женщинам с врожденными пороками внутренних органов плода [6]. В частности, в Удмуртской Республике существует Приказ Минздрава УР от 05.12.2003 № 412 «Об организации работы межрайонных специализированных отделений (диспансеров)», согласно которому госпитализация беременных женщин в межрайонное специализированное отделение (диспансер) осуществляется как до, так и после 22 недель беременности в случае невозможности проведения того или иного обследования или лечения в центральной районной или городской больнице [7].

Уголовно-правовая охрана эмбриона и плода не имеет характера оформившегося правового института, поэтому любой вред, причиненный до момента отделения его от организма матери (в интервальный – во время родового акта и антеннальный – в утробе матери), не является преступлением против личности и не влечет уголовную ответственность.

Соглашаясь с позицией Е. В. Тищенко [29], представляется, что с определенной долей условности моментом начала жизни следует считать достижение плодом определенного *внутриутробного уровня развития* и наличие такого признака, как *жизнеспособность*, то есть способность самостоятельно существовать вне материнского организма [20]. С развитием биомедицинских технологий станет возможным приравнять находящийся в утробе матери плод, способный к самостоятельному внутриутробному существованию, к человеку. Неоспоримым фактом установления правового механизма охраны прав нерожденного ребенка является определение правовых границ начала жизни человека.

Примером может служить возбужденное в июне 2019 г. уголовное дело в отношении главврача калининградского роддома № 4 Е. Белой и неонатолога-реаниматолога Э. Сушкевич по факту причинения смерти новорожденному ребенку, являвшемуся недоношенным (5 мес., 24 нед. беременности, массой тела 700 грамм) по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Для улучшения экономии ресурсов больницы (поскольку реанимационные мероприятия по утверждению советского и российского патофизиолога, академика РАН, РАМН Геннадия Сухих укладываются в 1–1,5 млн руб. в месяц) и статистических показателей Сушкевич по указанию Белой ввела смертельную дозу сульфата магния ребенку, а главврач исправила медицинские документы, указав, что ребенок уже погиб внутри утробы матери [34]. В 2022 г. врачей приговорили к 9,5 и 9 годам колонии строго режима [33].

Стоит согласиться с мнением В. Г. Ившина и В. В. Ровнейко о том, что для квалификации деяния как преступления против жизни, необходимо констатировать, что ребенок был живорожденным. В противном случае, если плод погибает или умирает внутри матери до родов или во время родов по естественным причинам, жизнь человека в медицинском и юридическом смысле еще не началась [19].

Для сравнения приведем следующий пример из практики. В июле 2022 г. во Владикавказе было возбуждено уголовное дело в отношении акушеров-гинекологов по ч. 2 ст. 293 УК РФ. Женщина обратилась в больницу с жалобами на плохое самочувствие, однако врачи отправили ее домой. В результате ненадлежащего исполнения своих обязанностей на следующей день наступила внутриутробная остановка жизнедеятельности плода [35].

Имелся случай, когда плод был признан субъектом правоотношений. В 2004 г. М. Э. Роуланд была обвинена в убийстве своего нерожденного ребенка, т. к. во время родов она отказалась от оперативного вмешательства медиков в целях искусственного извлечения плода из-за страха испортить фигуру [36].

Плод в утробе матери с **достижением определенного этапа развития** по физиологическому состоянию не отличим от недоношенного ребенка и имеет все признаки жизнеспособности, т. е. способность существовать вне организма матери при создании специальных условий для его выживаемости.

Конкретный момент начала жизни человека современные авторы соотносят с достижением следующих сроков беременности: Р. Д. Шарапов увязывает возраст плода с достижением 22-х недель, не учитывая признак *жизнеспособности* [30]; И. И. Горелик указывает на срок 28 недель, когда плод уже способен к внутриутробной жизни; О. С. Капинус моментом начала жизни признает период за один-два месяца до истечения беременности, но при наличии одного условия – жизнеспособности плода при обычном течении обстоятельств [21]. Позволим также подвергнуть критике данное положение, т. к. признак жизнеспособности согласно медицинским критериям возникает до истечения всего срока беременности. Н. Н. Федосева и Е. А. Фролова устанавливают данный срок с 12 недель, поскольку с этого момента эмбрион является жизнеспособным [31].

Вместе с тем в случае признания возникновения права на жизнь с момента **жизнеспособности** плода порождается конфликт права матери на самоопределение. Согласно ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 № 323-ФЗ **искусственное прерывание беременности по желанию женщины** проводится при сроке беременности **до 12 недель** [2].

Законодательство ФРГ подчеркивает, что право на жизнь потенциального человека имеет приоритет перед правом женщины на самоопределение (в частности, при решении вопроса об аборте).

В реалиях современного мира наличие легальных и нелегальных абортов в стране – серьезное препятствие на пути решения задач демографической политики России и признания будущего потенциального человека субъектом правоотношений [22].

С точки зрения эмбриологии началом человеческой жизни следует считать слияние женской и мужской половых клеток и обра-

зование зиготы. По мнению профессора В. А. Голиченкова и доктора биологических наук Московского государственного университета Д. В. Попова, генетически эмбрион отличен от материнского организма и не является его частью. Это новый организм, имеющий индивидуальный генетический код. Кровь матери не может проникать внутрь эмбриона, по составу и группе он различен [23]. Отсюда следует подчеркнуть, что эмбрион, а в последствии – **плод, отличен** от материнского организма.

С точки зрения **акушерства и гинекологии** организм матери является идеальной средой для существования будущего ребенка, который приспособляется к «новой жизни». Это отличает функциональную систему *мать-плацента-плод* от иных форм жизни двух организмов [24].

В опровержение позиции о том, что плод и эмбрион не способен существовать вне организма матери, следует привести пример рождения ребенка спустя 55 дней с момента смерти матери. В Польше на 17-й неделе беременности пациентки была диагностирована ее клиническая смерть. Поскольку сердце продолжало биться, врачи искусственно поддерживали жизненные функции организма для обеспечения оптимальных условий для существования плода. Спустя два месяца ребенок был извлечен из тела матери посредством кесарева сечения. Вес новорожденного ребенка был критичным и составлял приблизительно килограмм. Благодаря успешному выхаживаю врачей ребенку удалось выжить [37].

Законодательство отдельных стран предусматривает довольно широкий спектр правовых мер охраны и защиты будущего потенциального человека. В Конституции Чехии 1993 г. [13], Ирландии 1990 г. жизнь человека подлежит правовой охране до рождения. В США статьей 4 Американской конвенцией по правам человека право на жизнь признается с моментом зачатия [12]. В ряде штатов Америки убийство беременной женщины квалифицируется как убийство двух лиц [32].

УК РФ признает человека субъектом уголовно-правовых отношений с момента его живорождения. Однако понятие живорож-

денность не тождественно понятию жизнеспособность. Вместе с тем развитие медицинских технологий реализуется достаточно прогрессивно. Медицина способна обеспечить выживаемость недоношенного ребенка уже при сроке беременности 21–22 недели. Известны и более ранние сроки спасения плода.

Встает вопрос о переносе момента начала жизни на внутриутробный период. Законодательство, как «живой инструмент», должно толковаться и изменяться согласно условиям современной жизни и развития достижений науки и техники.

**Полагаем, что:**

– Началом жизни человека следует считать не момент его рождения, т. е. отделение плода от организма матери посредством родов, а достижение плодом **22-х недель внутриутробного развития и наличие такого признака, как жизнеспособность**, когда он способен существовать вне организма матери. С этого момента плод следует считать субъектом уголовно-правовых отношений.

– В случае если эмбрион или плод представляют угрозу для жизни и здоровья матери, следует руководствоваться приказом Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 (ред. от 27.12.2011) «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» и клиническими рекомендациями порядка оказания медицинской помощи по искусственному прерыванию беременности на поздних сроках по медицинским показаниям при наличии аномалий развития плода и расценивать действия по прекращению жизнедеятельности потенциального человека в рамках главы 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния»: ст. 41 «Обоснованный риск» или ст. 39 «Крайняя необходимость».

Подобное четкое определение границ правовой охраны начала жизни позволит избежать конфликт права матери на самоопределение (в частности, при решении вопроса искусственного прерывания беременности по желанию женины), а также решить связанные с ним юридические проблемы квалификации преступлений и гарантировать реализацию норм отечественного законодательства.

## Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/)
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022 № 166-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_121895/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/)
3. О временном запрете на клонирование человека: Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010 № 30-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_36728/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36728/)
4. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 14.07.2022 № 262-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_19558/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/)
5. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 13.10.2021) (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2012 № 23490) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_127424/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127424/)
6. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «Акушерство и гинекология»: Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130н (Зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2020 № 60869) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_367763/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367763/)
7. Об организации работы межрайонных специализированных отделений (диспансеров): Приказ Минздрава УР от 05.12.2003 № 412 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи

ООН). URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_9959/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/)

9. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_9959/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/)

10. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5531/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/)

11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5429/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/)

12. Американская конвенция о правах человека (Заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2559460/>

13. Конституция Чешской Республики (№ 1/1993 Coll., принята 16 декабря 1992 г.) // Parlament České republiky, Poslanecká sněmovna. URL: <https://www.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html>

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. (постатейный). – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова // Юриспруденция. 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 1. – 2-е изд. / под ред. А. В. Бриллиантова // Проспект. 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 9-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г. А. Есакова // Проспект. 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2022. С. 410 URL: <https://urait.ru/bcode/471828>

18. Иванов Н. Г. Уголовное право. Общая часть: в 2 т. Т. 1: учебник для вузов / Н. Г. Иванов. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2020. С. 275. URL: <https://urait.ru/bcode/453620>

19. Ившин В. Г., Ровнейко В. В. Преступления против жизни и здоровья: учеб. пособие / Федер. агентство по образованию ГОУВПО «Удмурт. гос. ун-т»; Ин-т права, соц. упр. и безопасности. Ижевск: Jus est, 2009. С. 139.

20. Клевно В. А. Судебная медицина: учебник для вузов / В. А. Клевно, В. В. Хохлов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2022. С. 413. URL: <https://urait.ru/bcode/488984>

21. Лоба В. Е. Эмбрион человека и плод ребёнка как объекты уголовно-правовой защиты: монография / Мин. обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Армавирский гос. педагогический ин-т». Армавир: АГПУ, 2016. С. 103.

22. Романовский Г. Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья: монография. М.: Проспект, 2016. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008578586>

23. Попов Д. В. Эмбриология о начале человеческой жизни. URL: <http://www.noabort.net/node/64>

24. Айламазян Э. К. [и др.]. Акушерство: учебник для студентов образовательных организаций высшего профессионального образования, обучающихся по направлению подготовки «Лечебное дело» по разряду дисциплины «Акушерство и гинекология». – 9-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. С. 768.

25. Лукомская А. С. Убийство матерью новорожденного ребенка: досудебное производство: монография / под науч. ред. Л. Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2015. 285 с. С. 107 – (Уголовный процесс).

26. Шарапов Р. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка // Уголовное право. М.:

АНО «Юридические программы». 2012. № 3. С. 75–78.  
URL: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI  
&n=62617#16CkuLT5SCvaGeKE](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=62617#16CkuLT5SCvaGeKE)

27. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности: монография. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2000. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26123651>

28. Жданова А. А. Ответственность за преступления против личности / М. Шаргородский. Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им., 1953. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003410548>

29. Тищенко Е. В. Проблемы демаркации начала человеческой жизни // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 63–66. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35586206>

30. Шарапов Р. К. К вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни человека // Уголовное право. 1999. № 4. С. 33.

31. Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–40. // СПС «КонсультантПлюс».

32. Мохов А. А. Неродившийся ребенок – субъект правоотношений? // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 14–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38589554>

33. Верховный Суд РФ. Движение уголовного дела. URL: <https://www.vsrp.ru/lk/practice/cases/11201710>

34. Игорь Надеждин. «Так в лихие годы собак усыпляли»: Российских врачей осудили за убийство младенца. Почему они пошли на преступление? [Статья] // Lenta.ru URL: <https://lenta.ru/articles/2022/09/07/prigovor/>

35. Наиль Байназаров. Двух акушеров во Владикавказе обвиняют в гибели ребенка в утробе матери [Статья] // NewsTracker. URL: <https://yandex.ru/turbo/newstracker.ru/s/news/incident/01-07-2022/dvuh-akusherov-vo-vladikavkaze-obvinyayut-v-gibeli-rebenka-v-utrobe-materi>

36. Американка убила своего ребенка, отказавшись от кесарева сечения [Статья] // MED новости. URL: <https://medportal.ru/mednovosti/amerikanka-ubila-svoego-rebenka-otkazavshis-ot-kesareva-secheniya/>

37. Юлия Сальникова. В Польше врачи спасли ребенка, который родился спустя 56 дней после смерти матери // Комсомольская правда. 05.09.2019. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3597105/>

38. Елизавета Приставка. Искусственная матка и биомешок: когда женщины перестанут вынашивать и рожать детей [Статья] // Хайтек. URL: <https://hightech.fm/2022/01/25/give-burth>

*Е. А. Анчишина,*

*к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ФАКТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТОРОН КАК СПОСОБ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА**

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» перечисляя предусмотренные законом способы заключения гражданско-правовых договоров (принятие (акцепт) одной стороной предложения заключить договор (оферты) другой, совместная разработка и согласование условий договора в переговорах), указал на существование и иных способов, в частности, такого как фактическое поведение сторон, из которого явствует их воля на заключение договора. При этом Верховный Суд РФ, давая вышеуказанное разъяснение, сослался на п. 2 ст. 158 ГК РФ и п. 3 ст. 432 ГК РФ [1].

Согласно п. 2 ст. 158 ГК РФ сделка, которая может быть совершена устно, считается совершенной и в том случае, когда из поведения лица явствует его воля совершить сделку. В п. 3 ст. 432 ГК РФ предусмотрено, что сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности. Таким образом, в первой из приведенных выше норм речь идет о форме сделки, а именно о том, что волеизъявление, в котором выражается сделка, может быть осуществлено в виде конклюдентного фактического поведения в случае, когда сделка может быть совершена устно. Во второй же норме законодатель формулирует правило эстоппель, в силу которого недобросовестная

сторона договора лишается права ссылаться на незаключенность договора вследствие своего противоречивого поведения.

Подход, предполагающий признание договора заключенным фактическими действиями сторон, для российской судебной практики отнюдь не является новым.

Впервые в 2000 году данную позицию высказал Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 5 Информационного письма от 24 января 2000 года № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда», указав на необходимость признания заключенным фактически исполненного договора [2]. Впоследствии данное положение было неоднократно отражено в ряде постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ [3].

В 2014 году Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Информационном письме от 25 февраля 2014 года № 165 обобщил судебную практику по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, и сформулировал правило, согласно которому договор считается заключенным, если стороны не согласовали какое-либо условие договора, относящееся к существенным, но затем совместными действиями по исполнению договора и его принятию устранили необходимость согласования такого условия. В частности, в п. 7 Информационного письма рассматривается ситуация, когда стороны вели переговоры о производстве работ и об их стоимости. При этом заказчик предоставил подрядчику доступ на свой земельный участок для строительства. Фактически работы были выполнены до достижения соглашения по спорным условиям. Заказчик принял и оплатил работу по цене, предложенной подрядчиком. Впоследствии выяснилось, что работы выполнены некачественно, в связи с чем заказчик обратился в суд с иском о безвозмездном устранении в разумный срок недостатков работ. Суд удовлетворил требования заказчика, указав следующее. Сдача результата работ лицом, выполнившим их в отсутствие договора подряда, и его принятие лицом, для которого эти работы выполнены, означает заключение сторонами соглашения. Обязательства из такого соглашения равнозначны обязательствам из исполненного подрядчиком до-

говора подряда. В этом случае между сторонами уже после выполнения работ возникает обязательство по их оплате и гарантии их качества, так же как и тогда, когда между сторонами изначально был заключен договор подряда [4].

В этом же Информационном письме был определен общий вектор судебной практики по спорам о заключенности договоров в пользу сохранения, а не аннулирования соответствующих договорных обязательств. В настоящее время аналогичное положение закреплено в виде презумпции в п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 49, в силу которой при наличии спора о действительности или заключенности договора суд, пока не доказано иное, исходит из заключенности и действительности договора и учитывает установленную в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцию разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений [1].

В целом данные разъяснения высших судебных инстанций сыграли немаловажную роль в преодолении формализма при разрешении гражданско-правовых споров в случаях недобросовестного заявления одной из сторон договора о его незаключенности.

Тем не менее рассматриваемая позиция Верховного Суда РФ относительно выделения такого способа заключения договоров, как фактическое поведение сторон, вызывает определенные сомнения. Данный подход высшей судебной инстанции породил немало споров в экспертном сообществе.

Одни юристы считают данное разъяснение высшей судебной инстанции прогрессивным и позволяющим сохранять достигнутые договоренности даже в случае неправильного их оформления. В частности, М. Церковников полагает, что в силу такого содержательного подхода «...даже в случае нарушения правил о форме договора он может считаться заключенным, если дальнейшее его исполнение это нарушение нивелирует» [5].

Другие же утверждают, что такое разъяснение применимо только к незначительной части гражданско-правовых договоров, поскольку «...в большинстве случаев признание договора заклю-

ченным, исходя только из поведения сторон, противоречило бы правилам о форме договора» [5]. Так, по мнению В. Витрянского, недопустимо признавать в качестве общего правила существование такого способа заключения договора, когда воля сторон просто явствует из их поведения, без конкретизации условий и ситуаций его применения. А. Ширвиндт считает, что «если воспринять разъяснение ВС РФ как рекомендацию не обращать внимание на форму договора и просто приступать к исполнению, то это вредная рекомендация. Но, может быть, увидеть в ней всего лишь лекарство для тех редчайших случаев, когда, к примеру, договор строительного подряда исполнили, а форма не соблюдена?» [5].

Некоторые авторы, комментируя вышеуказанное постановление Пленума Верховного суда РФ, полагают, что в данном случае речь должна идти об обмене офертой и акцептом, выраженными в форме конклюдентных действий, а не о самостоятельном способе достижения соглашения. Письменная форма оферты и акцепта представляет собой один из возможных вариантов выражения волеизъявления вовне, а потому нет никаких весомых причин ограничивать право сторон оформить волеизъявление иным образом (устно, путем совершения конклюдентных действий). Главное, чтобы обстоятельства очевидно свидетельствовали о том, что устное сообщение или то или иное действие представляют собой именно волеизъявление, направленное на заключение договора [6].

Последняя позиция представляется наиболее приемлемой, однако нуждается в некотором дополнении и уточнении. На наш взгляд, путаница в этом вопросе возникает только потому, что происходит смешение понятий заключения договора как достижения сторонами соглашения по всем его существенным условиям и формы фиксации такого соглашения. Так, в рассматриваемом Постановлении Пленум Верховного Суда РФ одновременно ссылается на правила о форме сделки (п. 2 ст. 158 ГК РФ) и о заключении договора (п. 3 ст. 432 ГК РФ). Однако необходимость разграничения данных категорий очевидна. Форма договора является ничем иным как способом выражения воли сторон вовне, в то время как о заключе-

нии договора можно говорить только в том случае, когда ни у одной из сторон нет сомнений относительно согласования ими всех существенных условий договора независимо от придания ему требуемой формы. Выбор сторон в пользу того или иного способа выражения их воли не может повлиять на сам факт достижения сторонами соглашения и возникновения соответствующего обязательственного правоотношения. Иными словами, форма гражданско-правового договора не может рассматриваться в качестве его конститутивного элемента, поскольку договор в случае придания ему формы, отличной от той, что является обязательной в силу закона или соглашения сторон, считается *заключенным* (выд. авт.), хотя и *совершённым* (выд. авт.), с нарушением требований к его форме [7]. Кроме того, в этом же Постановлении в п. 3 Пленум Верховного Суда РФ также указал, что несоблюдение требований к форме договора при достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям (п. 1 ст. 432 ГК РФ) не свидетельствует о том, что договор не был заключен, тем самым подчеркнул различия в правовых последствиях соответствующих нарушений [1]. При ином подходе в целях признания договоров заключенными и сохранения возникших обязательственных правоотношений, мы вынуждены были бы игнорировать правила о форме договоров, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо.

Рассматриваемый подход судебной практики к фактическому поведению сторон как к одному из способов заключения договора представляется некорректным, поскольку привязка к форме договора для его сохранения в данном случае не требуется, достаточно лишь установить факт согласования сторонами существенных условий и отсутствие какой-либо неопределённости относительно этого либо факт устранения необходимости такого согласования. Ссылка же на п. 2 ст. 158 ГК РФ в данном случае является излишней, поскольку указанная норма регламентирует форму сделок и не определяет способы заключения договора, а эти категории, как было показано выше, отнюдь не тождественны. Способы достижения сторонами соглашения не определяются и п. 3 ст. 432 ГК РФ. Согласно

указанной норме если сторона приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердила действие договора, она не вправе недобросовестно ссылаться на то, что договор является незаключенным. В данном случае правильнее говорить об установлении законодателем некой юридической фикции заключенного договора, т. е. фикции наличия соглашения сторон, применимой в целях защиты добросовестной стороны, которая вправе требовать исполнения такого договора. При этом подтверждение действия договора, которое выражается в определенном фактическом поведении сторон, должно устранять неопределенность в отношении отсутствующего в нем существенного условия. Так, например, если арендуемая вещь в договоре аренды не индивидуализирована должным образом, однако договор фактически исполнялся сторонами (например, вещь была передана арендатору и при этом спор о ненадлежащем исполнении обязанности арендодателя по передаче объекта аренды между сторонами отсутствовал), стороны не вправе оспаривать этот договор по основанию, связанному с ненадлежащим описанием объекта аренды, в том числе ссылаться на его незаключенность или недействительность [8, п. 15].

### **Список литературы**

1. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 49 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 января 2000 года № 51 // СПС «КонсультантПлюс».

3. По делу № А40-45987/09-125-283: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 мая 2010 г. № 1404/10. – URL: [http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id\\_casedoc=1\\_1\\_8c35f91a-53b5-4c7b-afe7-176cac0c18bc](http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_8c35f91a-53b5-4c7b-afe7-176cac0c18bc)

4. По делу № А46-18723/2008: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08 февраля 2011 г. № 13970/10. URL: [http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id\\_casedoc=1\\_1\\_25e21890-8eef-4bdc-b24e-3977991d77e5](http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_25e21890-8eef-4bdc-b24e-3977991d77e5)

5. Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 165 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Шувалова М. Общие положения ГК РФ о заключении договора в разъяснениях ВС РФ. URL: <https://www.garant.ru/article/1296222/>

7. Автонова Е. Д., Астапенко П. А., Борейшо Д. В., До, М. Ю., Мальшаков А. А., Мымрин В. А., Никулушкина А. С., Папилин И. И., Романова О. И., Ходасевич Л. С. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 68–118; № 10. С. 137–191 ; № 11. С. 71–125. // СПС «КонсультантПлюс».

8. Анчишина Е. А. Форма гражданско-правового договора как его конститутивный элемент // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 69–74.

9. Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 года № 73 // СПС «КонсультантПлюс».

**А. Г. Невоструев,**

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры гражданского права*

*ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **О ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ (НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ)**

Согласно положениям Закона о банкротстве несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Действующее отечественное гражданское законодательство и законодательство о банкротстве не содержат определенной концепции банкротства, определяющим образом влияющей на предмет и содержание правового регулирования банкротства.

Банкротство с самых древнейших времен предполагало стечение требований нескольких кредиторов к одному и тому же должнику<sup>28</sup>.

Как отмечал отечественный цивилист Г. Ф. Шершеневич, к числу существенных условий несостоятельности должно быть отнесено стечение кредиторов<sup>29</sup>. Необходимость наличности нескольких кредиторов, которые конкурировали бы в требовании удовлетворения, лежит в самом понятии конкурса и должна быть всегда сохранена как условие если не для открытия, то, во всяком случае,

---

<sup>28</sup> Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. С. 1–5; Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса // Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. М.: Статут, 2007. С. 108, 147.

<sup>29</sup> Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 82; Егоян А. Конкурсный процесс. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1912. С. 100.

для осуществления конкурсного производства<sup>30</sup>. Допустимость открытия конкурса при наличии одного кредитора стоит в противоречии с историческим развитием конкурсного процесса, которое показывает, что необходимость особого исполнительного процесса вызывалась именно случаем множественности кредиторов<sup>31</sup>.

В этой связи Г. Ф. Шершеневич справедливо заметил, что всё конкурсное производство при одном кредиторе было бы не только фактически невысказано, но и было бы лишено всякого смысла. Цель конкурсного процесса заключается в том, чтобы предупредить захват ценностей со стороны одного кредитора в ущерб остальным, чтобы найти способ наиболее справедливого распределения ценностей между несколькими кредиторами, из которых ни один не может быть удовлетворен полностью. Всё конкурсное производство как особый порядок рассчитано на случай стечения нескольких кредиторов. При отсутствии этого условия лишаются значения постановления о сроке предъявления требований, о проверке их, об определении актива и составлении расчета; наконец, процессуальная сторона должна претерпеть изменения за невозможностью составления общего собрания кредиторов. К чему применение всего этого сложного порядка, когда налицо один кредитор, которому всегда открыт обыкновенный исполнительный порядок?<sup>32</sup>.

По мнению Р. Г. Смирнова, допускаемое действующим Законом о банкротстве открытие конкурсного производства при одном кредиторе противоречит природе правоотношения несостоятельности<sup>33</sup>.

В. Ф. Попондопуло также полагает, что допустимость открытия конкурса при наличии одного кредитора находится

---

<sup>30</sup> Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М., 1912. С. 100.

<sup>31</sup> Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М., 1912. С. 100.

<sup>32</sup> Там же. С. 101.

<sup>33</sup> Смирнов Р.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 9.

в противоречии со здравым смыслом, а также, соглашаясь с Г. Ф. Шершеневичем, с историческим развитием конкурсного процесса, которое показывает, что необходимость особого исполнительного процесса вызывалась именно случаями множественности кредиторов при недостаточности имущества должника для полного удовлетворения требований всех кредиторов<sup>34</sup>.

Закон о банкротстве и в настоящее время не исключает производство по делу о банкротстве при наличии у должника только одного кредитора. В связи с этим указанный Закон необходимо дополнить таким основанием для прекращения производства по делу о банкротстве, как установление судом того, что у должника имеется только один кредитор, а доказательства, подтверждающие наличие у должника иных кредиторов, в материалах дела о банкротстве отсутствуют. Прекращение производства по делу о банкротстве по указанному основанию не должно впоследствии препятствовать возбуждению производства по делу о банкротстве и признанию должника банкротом при обнаружении иных кредиторов. В противном случае при производстве по делу о банкротстве в отношении должника, у которого имеется только один кредитор, суд фактически подменяет собой судебного пристава-исполнителя, а производство по делу о банкротстве подменяет исполнительное производство, вследствие чего дело о банкротстве утрачивает основную функцию и предназначение – соразмерное удовлетворение сталкивающихся, конкурирующих между собой требований кредиторов к должнику, имущества которого недостаточно для полного удовлетворения требований кредиторов. В этой связи недопустимо применение института банкротства для достижения целей и решения задач, несвойственных, чуждых названному институту.

---

<sup>34</sup> Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2013. С. 15.

Нормы ГК РФ<sup>35</sup> и Закона о банкротстве позволяют сделать вывод о существовании различных, зачастую противоположных парадигм банкротства (несостоятельности): банкротство – дело об установлении юридического факта и о применении последствий, связанных с этим фактом; банкротство – судебный порядок восстановления платежеспособности (реабилитации) должников; банкротство – судебный порядок соразмерного удовлетворения требований кредиторов и прекращения деятельности (ликвидации) несостоятельных должников; банкротство – деятельность по извлечению прибыли (бизнес) лиц, управляющих должниками в делах о банкротстве (арбитражных управляющих, управляющих), и организаций, объединяющих названных лиц (саморегулируемых организаций), по ликвидации несостоятельных должников; банкротство – этап деятельности (бизнес-процесс) должника, направленный на реорганизацию и (или) реструктуризацию должника под контролем суда.

В качестве меры по совершенствованию правового регулирования несостоятельности (банкротства) следует рассматривать включение в законодательство о банкротстве норм, посвященных целям и задачам банкротства. В юридической литературе уже обращалось внимание на целесообразность включения в текст Закона о банкротстве положения, которое бы четко сформулировало его цели и задачи<sup>36</sup>.

Действующее отечественное законодательство о банкротстве не содержит норм о целях и задачах производства по делам о банкротстве, в то время как зарубежному законодательству о бан-

---

<sup>35</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021): Российская Федерация. Законы. // Рос. газ. 1994.

<sup>36</sup> Валягин В. В. Институт несостоятельности (банкротства) в законодательстве Российской Федерации и Германии: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10; Сичинава Г. В. Проблемы защиты гражданских прав при несостоятельности (банкротстве) // Защита гражданских прав: сб. науч. ст. / под ред. М. В. Немыгиной, В. А. Хохлова. Сер. «Права человека: сферы реализации». Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. Вып. 1. С. 242.

кротстве, в частности – Германскому, соответствующие нормы известны. Так, в соответствии с § 1 Положения о несостоятельности (Закон о регулировании порядка производства по делам о несостоятельности) производство по делам о несостоятельности предназначено для совместного удовлетворения требований кредиторов путем реализации имущества должника и распределения выручки либо согласования особого порядка с использованием конкурсного плана, направленного в основном на сохранение предприятия. Добросовестному должнику предоставляется возможность освободиться от обязательств, оставшихся непогашенными<sup>37</sup>.

М. В. Жаботинский определяет цель правового регулирования несостоятельности (банкротства) как соразмерное удовлетворение требований кредиторов и восстановление платежеспособности должников, утративших способность исполнять свои обязательства<sup>38</sup>.

Достижение указанной цели связано с решением таких задач правового регулирования несостоятельности (банкротства), как: установление требований кредиторов, установление имущества должника, установление факта несостоятельности (банкротства) должника. В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, согласно которой одной из основных целей Закона о банкротстве является обеспечение прав реальных или потенциальных кредиторов путем создания условий для справедливого удовлетворения их экономических и юридических интересов. В делах о несостоятельности (банкротстве) арбитражные суды устанавливают юридический факт неплатежеспособности должника, что влечет возникновение обязательств должника по платежам своим контрагентам – конкурсным кредиторам, требования

---

<sup>37</sup> Папе Г. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии: комментарий к действующему законодательству / пер. с нем. М.: БЕК, 2002. С. 168.

<sup>38</sup> Жаботинский М. В. Арбитражный управляющий как субъект гражданских правоотношений при банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 8.

которых удовлетворяются по особым правилам конкурсного производства<sup>39</sup>.

По мнению А. В. Егорова, цель производства по делу о несостоятельности заключается единственно в особом порядке удовлетворения кредиторов, а реабилитация и оздоровление должника могут выступать лишь особым средством достижения этой цели<sup>40</sup>.

Также А. В. Егоров полагает, что основная цель банкротства заключается в справедливом удовлетворении требований кредиторов, которое может происходить в результате распределения имущества должника между кредиторами или в результате восстановления платежеспособности должника<sup>41</sup>.

Между тем при таком подходе остается неясным, какую процедуру банкротства (реабилитационную или ликвидационную) должен применить суд в случае, если каждая из названных процедур способна привести к удовлетворению требований кредиторов. Полагаем, что в указанной ситуации суд должен избрать реабилитационную процедуру банкротства, поскольку восстановление платежеспособности должника наряду с соразмерным удовлетворением требований кредиторов относится к числу целей банкротства. При ином подходе суд будет лишен ясного критерия при выборе между реабилитационными и ликвидационными процедурами банкротства.

В юридической литературе также выделяют и иные цели и задачи.

---

<sup>39</sup> Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сладких Льва Степановича на нарушение его конституционных прав статьей 30 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве): Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2002 № 109-О // Вестник КС РФ. 2002. № 6.

<sup>40</sup> Егоров А. В. Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве // Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве: постатейный комментарий к главам V, VI, VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2013. С. 7.

<sup>41</sup> Егоров А. В. Указ. соч. С. 15–16.

Так, М. В. Телюкина полагает, что цели российского конкурсного права состоят в том, чтобы, во-первых, восстановить платежеспособность юридического лица при наличии такой возможности; во-вторых, оперативно ликвидировать юридические лица, восстановить финансовое состояние которых невозможно. Эти цели следует считать равнозначными<sup>42</sup>.

М. Хоуман считает наиболее важными целями законодательства о несостоятельности – упорядоченное разрешение дел должника, а не полная свобода действий для всех; увеличение возврата средств (с учетом расходов на проведение процедур) в интересах всех сторон; спасение бизнеса (и / или юридического лица) жизнеспособного предприятия; «справедливое» распределение средств между сторонами (хотя что есть «справедливо» – представляет собой предмет споров); предотвращение нарушений путем создания возможности расторжения неправомерных сделок, заключенных в период до банкротства, и введения других санкций, чтобы банкротство не представляло собой «тихой гавани» для нечестных директоров, надеющихся «замести свои дела под ковер» (что, в свою очередь, может иметь эффект цепной реакции и оказать пагубное влияние на мораль директоров и на предыдущих этапах жизни компаний); поощрение попыток реструктуризации в период до банкротства (или по крайней мере непрепятствование им); поддержание общественного доверия к процессу управления имуществом неплатежеспособных должников и обеспечение предсказуемого исхода процедур; наконец, посредством всего вышеперечисленного, снижение цены и повышение доступности кредита<sup>43</sup>.

В. В. Степанов видит несколько вариантов целей и задач законодательства о несостоятельности: обеспечение справедливых кол-

---

<sup>42</sup> Телюкина М. В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 12.

<sup>43</sup> Хоуман М. Роль режима несостоятельности в рыночной экономике // Вестник ВАС РФ: Специальное приложение к № 3, март 2001 года. Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) (27 ноября – 1 декабря 2000 года). М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 34–35.

лективных действий кредиторов; ликвидация активов и справедливое их распределение; защита активов должника от растаскивания; защита предприятия как экономической структуры; защита наемных работников; возможности реорганизации; максимально возможная защита имущественных требований кредиторов; предоставление должнику возможности начать новую экономическую деятельность после неудачи; собрание активов должника, возврат полученного по опротестованным сделкам (со специальными условиями недействительности)<sup>44</sup>.

По мнению О. А. Студенцовой, задачами процедур банкротства являются: предотвращение массовых банкротств; защита прав и законных интересов государства, кредиторов, должника, третьих лиц; восстановление платежеспособности должника; заключение мирового соглашения; ликвидация должника при отсутствии объективной возможности восстановления его платежеспособности или заключения мирового соглашения<sup>45</sup>.

Сидней Брукс сформулировал следующие задачи системы банкротства:

1. Установить стабильную, надежную, единообразную систему коммерческих взаимоотношений, прав и обязанностей в ситуации несостоятельности (банкротства).

2. Предоставить честным должникам возможность начать все заново. Обеспечить страховку при деловой неудаче или экономическом спаде, а также возобновление деятельности после них.

3. Создать коммерческое окружение, благоприятствующее капиталовложениям и предпринимательству. Неудача не должна приводить к необратимому финансовому краху.

---

<sup>44</sup> Степанов В. В. Правовое регулирование несостоятельности в Германии, США, Англии, Франции и России // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. М.: Статут, 1999. С. 166.

<sup>45</sup> Студенцова О. А. Правовое регулирование процедур банкротства по законодательству России и США: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 11.

4. Создать процедуру, в соответствии с которой честные и целеустремленные должники могут реорганизовать свои финансовые дела справедливым и сбалансированным образом, без закрытия предприятия или распродажи имущества.

5. Разработать коммерческие и юридические процедуры для поддержки честных и ответственных предпринимателей, оказавшихся в трудном финансовом положении, и для разрешения споров путем переговоров; ограничить применение юридических процедур, которые ускоряют провал коммерческих начинаний и поощряют споры или судебные разбирательства.

6. Там, где это приемлемо и разумно с экономической точки зрения, сохранять многообещающие, но находящиеся в трудном финансовом положении компании и их рабочие места; сохранять реальные источники налогов; сохранять источники финансирования программ здравоохранения, предоставления льгот и пенсионного обеспечения, а также сохранять производительные силы общества.

7. Организовать независимую, объективную опекунскую или административную структуру для того, чтобы справедливо представлять интересы кредиторов при управлении, обычно при распродаже имущества банкрота.

8. В тех случаях, когда распродажа является наилучшим вариантом, обеспечить упорядоченную систему своевременной распродажи и справедливого распределения имущества должника<sup>46</sup>.

Все названные цели и задачи, безусловно, присущи институту банкротства, некоторые из них имеют большее, некоторые меньшее значение, но ни одна из них, какой бы значительной она ни была, сама по себе не важна так, как их определенное сочетание, баланс и взаимодействие, в результате которых образуются внешний и внутренний облик, содержание и сущность правового института банкротства в том или ином обществе, государстве: то, что зачастую называют правовой системой регулирования банкротства, то, что

---

<sup>46</sup> Законодательство о банкротстве в США (Тезисы лекции судьи Сиднея Брукса, федеральный суд банкротств США, Денвер - штат Колорадо) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8. С. 60–61.

определяет прокредиторский или продолжниковский характер данной системы<sup>47</sup>.

Включение в отечественное законодательство о банкротстве норм, посвященных целям и задачам банкротства, а также их разумному и эффективному сочетанию, балансу и взаимодействию отвечает современным тенденциям правового регулирования несостоятельности, систематизирует; придаст определенность всему механизму правового регулирования банкротства и будет способствовать достижению указанных целей и решению названных задач, а также более эффективному применению отечественного законодательства о банкротстве.

---

<sup>47</sup> Степанов В. В. Правовые системы регулирования банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 17–28.

*О. А. Сегал,*  
доцент, к. ю. н., доцент  
кафедры гражданского права

*А. А. Трищенко,*  
старший преподаватель  
кафедры гражданского права  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

## **ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ СДЕЛОК НОТАРИУСАМИ**

Цифровые технологии, которые неизбежно вошли во все сферы жизни общества, требуют правового регулирования соответствующих отношений. Стремительно ускоряющийся гражданский оборот должен обеспечивать новый качественный сервис на все изменения. При этом требуется сохранить стабильность, надежность и безопасность<sup>48</sup> соответствующих отношений. В такой ситуации, особенно с учетом востребованности разного рода дистантных услуг, российский нотариат в настоящее время организовал высокотехнологичную электронную платформу и стал одним из наиболее прогрессивных юридических институтов, предоставляющих расширенный спектр услуг физическим и юридическим лицам. Таким образом, на сегодняшний день сформировались тенденции цифровизации и расширения электронного документооборота, одним из проявлений которой является реализация в Российской Федерации концепции «электронного нотариата».

Вышесказанное подтверждает принятие и введение в действие Федерального закона от 27.12.2019 № 480-ФЗ<sup>49</sup> (далее – ФЗ № 480-

---

<sup>48</sup> Дроздова Е. А. Радченко Е.П. ИТ-технологии в работе нотариата // Нотариус. 2020. № 2. С. 43–44. [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2022).

<sup>49</sup> О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 30.12.2019. № 52. (Ч. 1) Ст. 7798.

ФЗ), который впервые предусматривает возможность обращения к нотариусу за совершением некоторых нотариальных действий удаленно, т. е. в электронном формате.

Продолжает вызывать особый интерес институт дистанционного удостоверения сделок двумя или более нотариусами. Согласно этой новой концепции взаимодействия, физические и юридические лица могут совершать сделки, находясь друг от друга на значительном расстоянии. Особенно актуальна данная новелла для Российской Федерации по причине огромной территории нашей страны с различными часовыми поясами.

При всем этом нотариат остается институтом, гарантирующим законность удостоверяемых им правовых отношений. На это указывает Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П, согласно которому защита прав и законных интересов лиц гражданского оборота осуществляется путем совершения нотариусами нотариальных действий от имени Российской Федерации, что гарантирует доказательственную силу и публичное признание нотариально оформленных документов<sup>50</sup>.

В соответствии со ст. 53.1 Основ законодательства о нотариате сделка может быть удостоверена двумя и более нотариусами, если в совершении такой сделки участвуют два и более лица без их совместного присутствия.

Дистанционное удостоверение сделки с привлечением двух и более нотариусов является актуальным, когда в совершении сделки участвуют лица, находящиеся на территории разных субъектов РФ.

---

<sup>50</sup> По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П // Собрание законодательства РФ. 01.06.1998. № 22. Ст. 2491.

Именно в таком особом порядке в России была совершена первая дистанционная сделка с недвижимостью. 31 мая 2021 г.<sup>51</sup> Росреестр зарегистрировал право собственности по такой сделке, удостоверенной сразу двумя нотариусами. Продаваемая квартира располагалась в Белогорске, где также проживал и ее потенциальный покупатель. При этом собственник недвижимости давно переехал в Геленджик, и приезд в Амурскую область для того, чтобы совершить сделку был для него проблематичным и затратным. Однако новый дистанционный формат нотариального удостоверения сделок стал наиболее удобным и надежным вариантом решения этой проблемы.

При совершении такой сделки каждый из участников лично является к тому нотариусу, где ее осуществление лицу наиболее территориально удобно. В помещении нотариальной конторы посредством видеоконференцсвязи происходит дистанционное удостоверение сделки. Специфика такого способа состоит в том, что участники сделки реально находятся в двух нотариальных конторах, где происходит одновременное подтверждение их личности и надлежащий контроль за соответствием их волеизъявления реальной воле сторон. Каждый из нотариусов, в свою очередь, выполняет все обязательные действия: проводит правовую экспертизу, устанавливает волю и волеизъявление сторон, выясняет добровольный характер их действий, а также их осведомленность обо всех юридических последствиях. Нотариус объясняет юридическую сущность и последствия сделки, создает проект договора в электронном виде. Участники подписывают копию договора простой электронной подписью в электронном виде, а также собственноручно на бумажном носителе в присутствии нотариуса. Бумажный вариант документа остается в соответствующей нотариальной конторе. Затем нотариусы как должностные лица, контролирурующие надлежащее волеизъявление сторон, удостоверяют экземпляры сделки путем использова-

---

<sup>51</sup> Глушенко Н. В. Амурской области нотариус удостоверил первую дистанционную сделку // Амурская служба новостей. 31.05.2021. 31. URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 03.05.2022).

ния усиленной квалифицированной подписи. Если это предусмотрено договором, то один из них отправляет документы на государственную регистрацию.

Договор, удостоверенный двумя и более нотариусами, считается заключенным в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. Все сделки с привлечением двух и более нотариусов будут занесены в специальный реестр Единой Информационной Системы нотариата.

Особенностью такого действия является то, что нотариальный тариф взыскивает каждый нотариус. Соответственно, в случае признания сделки недействительной отвечать за вред, причиненный по их вине, нотариусы будут солидарно.

Дистанционно может удостоверяться любой подобный договор как между гражданами, так и между юридическими лицами, если его стороны не имеют возможности или желания собираться в одном месте. Единственное дополнительное требование по выбору нотариальной конторы касается сделок с недвижимостью: в этом случае хотя бы один из нотариусов должен присутствовать в том субъекте РФ, где находится отчуждаемый объект<sup>52</sup>.

На сегодняшний день к наиболее часто нотариально удостоверяемым сделкам такого рода относятся: сделки с недвижимостью (купля-продажа квартиры, дома, земельного участка); алиментные соглашения, соглашения о разделе имущества, брачные договоры; сделки с долями в ООО.

Важно отметить, что перед удостоверением соответствующих электронных документов нотариус обязан проверить подлинность квалифицированной электронной подписи обратившегося лица

---

<sup>52</sup> Тымчук Ю. А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью двумя и более нотариусами: преимущества и перспективы // Нотариус. 2020. № 4. С. 15–18. [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2022).

в соответствии с требованиями Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ<sup>53</sup>.

Проверка подлинности усиленной квалифицированной электронной подписи сторон сделки, заключаемой в форме электронного документа, осуществляется с использованием средств ЕИС нотариата. Как вариант, возможно использование специального программного обеспечения, имеющегося у нотариуса, в соответствии с Приказом Минюста России от 16 апреля 2014 г. № 78<sup>54</sup>. После проверки и получения положительного результата о принадлежности данной электронной подписи соответствующему владельцу возможно нотариальное удостоверение сделки в электронном виде.

По этому поводу Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57<sup>55</sup> специально указывает следующее: если обращение в суд в силу закона подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью, то доверенность или иной документ, подтверждающий полномочия представителя на подписание такого обращения в суд, также должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью представляемого лица и (или) нотариуса.

В соответствии с Приказом Министерства юстиции РФ от 30 сентября 2020 г. № 227<sup>56</sup> требования к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме определяют формат соответствующего нотариально удостоверенного документа, совер-

---

<sup>53</sup> Об электронной подписи: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. ст. 2036.

<sup>54</sup> Об утверждении Правил нотариального делопроизводства: Приказ Министерства юстиции РФ от 16 апреля 2014 г. № 78 (ред. от 30.09.2020) // Российская газета. 25.04.2014. № 95.

<sup>55</sup> О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // Российская газета. 29.12.2017. № 297.

<sup>56</sup> Об утверждении требований к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме: Приказ Министерства юстиции РФ от 30.09.2020 № 227. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.05.2022).

шенного или выданного нотариусом с использованием программно-технических средств, в электронной форме.

Документ в электронной форме изготавливается нотариусом в формате PDF, за исключением некоторых случаев.

В случае если на официальном сайте ЕИС в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» размещена особая форма, подлежащая использованию нотариусом для изготовления документа в электронном виде, в формате XML, документ в электронной форме изготавливается нотариусом в виде связанных между собой файлов в форматах XML и PDF.

На бумажном варианте нотариального документа должна быть размещена машиночитаемая маркировка. Машиночитаемая маркировка формируется средствами ЕИС и наносится на соответствующий нотариальный документ на бумажном носителе. Она позволяет лицам, имеющим в своем распоряжении такой документ, сформировать запрос в ЕИС о действительности этого нотариального документа и получить соответствующий ответ.

На сегодня сложным остается вопрос применения в деятельности нотариусов технологии блокчейна, т. е. соглашений, заключаемых и исполняемых в автоматическом режиме без участия человека, с высокой степенью электронной защиты от хакерского взлома. Актуальным может стать вопрос сохранности документов, передаваемых по трансграничным каналам, т. к. эта технология не изучена досконально на предмет ее безопасности.

В аспекте рассматриваемой темы было бы интересно заимствование опыта Республики Азербайджан, где у нотариусов имеются своего рода «нотариальные чемоданы», оборудованные ноутбуком, сканером, принтером. Эти технические устройства предназначены для совершения нотариальных действий вне помещения нотариальной конторы. Кроме того, в аэропортах различных городов Республики Азербайджан установлены специальные «электронные киоски», по ту сторону которых круглосуточно находится дежурный нотариус, с его помощью можно практически мгновенно оформить некоторые нотариальные действия.

Говоря о новых тенденциях развития института дистанционного удостоверения сделок, следует обозначить некоторые проблемы, требующие решения. Так, одной из них является так называемая цифровая дискриминация, когда большинство граждан не могут пользоваться новыми услугами, в том числе государственными услугами, в электронных форматах. Просто не у всех есть необходимые гаджеты, не все знают, как ими пользоваться, большинство граждан не до конца понимают механизмы использования электронной подписи и т. д.

Особое внимание стоит обратить на уникальные машиночитаемые маркировки – QR-коды. Очевидно, что подделка QR-кода фактически невозможна, однако в апреле 2021 года Федеральная Нотариальная Палата сообщила о случаях подделки QR-кодов в нотариальных документах.

К числу проблем, влияющих на эффективность совершения действий в электронном виде, можно также отнести проблему безопасности хранения резервных копий электронных документов и вообще в итоге обеспечения реализации тайны совершения нотариального действия. Главным риском здесь является возможность уничтожения, искажения, изменения электронной документации в результате хакерских атак. Решением данной проблемы видится разработка и внедрение специального программного продукта, который будет обеспечивать сохранность и конфиденциальность указанной информации. Логично, что это повлечет за собой дополнительные финансовые расходы нотариуса, а также будет способствовать увеличению соответствующих тарифов при совершении нотариальных действий, что особенно негативно скажется на обычных гражданах.

Проблемным аспектом также является то, что нотариусы не всегда могут в установленные сроки провести необходимые действия в электронном формате, просто по причине отсутствия непосредственного доступа к сервису ЕИС. К примеру, может произойти отказ в обработке документов в цифровом виде. Или нотариус может отсутствовать в нотариальной конторе и при этом не иметь дос-

тупа к переносному электронному комплексу, вроде упомянутого «нотариального чемодана».

Из этого логично вытекает проблема платы за оказание услуг как правового, так и технического характера. Доводы заявителей обычно состоят в том, что фактически услуги правового и технического характера нотариусом не оказываются, например, при нотариальном удостоверении доверенности в электронном виде. Поэтому, с их точки зрения, такие расходы не подлежат оплате. Кроме того, с их точки зрения, отсутствует необходимость в изготовлении бумажного экземпляра доверенности, что исключает затраты на расходные материалы. Так, в решении Первомайского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 03.10.2019 № 2-1999/2019 истец просил суд признать отказ нотариуса Т. в удостоверении доверенности ПАО «Сбербанк» на И. В. в электронной форме с оплатой суммы госпошлины и без оплаты услуг нотариуса правового и технического характера незаконным. Истец также просил обязать нотариуса Т. удостоверить доверенность ПАО «Сбербанк» на И. В. в электронной форме с оплатой суммы госпошлины без взимания платы за услуги правового и технического характера. В обоснование заявленных требований истец указывал, что Банк обратился к нотариусу Т. с просьбой удостоверить доверенность в электронной форме с оплатой суммы госпошлины и без оплаты услуг правового и технического характера. В совершении указанного действия нотариусом было отказано по причине неоплаты истцом услуг правового и технического характера. Данный отказ истец считал незаконным.

Федеральная Нотариальная палата обозначила свою позицию в Письме от 14.06.2012 № 1189/06-07<sup>57</sup>. Согласно этой позиции, поскольку в ст. 23 Основ законодательства о нотариате источником финансирования деятельности нотариуса, занимающегося частной

---

<sup>57</sup> О правомерности взимания платы за услуги правового и технического характера и за выдачу свидетельства о праве на наследство: Письмо Федеральной Нотариальной палаты от 14.06.2012 № 1189/06-07 //СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2022).

практикой, являются денежные средства, полученные им, в том числе за услуги правового и технического характера, оплата данных услуг производится в связи с совершением нотариальных и иных действий, направленных на возникновение юридических последствий, возникающих в силу оформленного нотариального акта. В иных случаях подготовка проектов документов и осуществление запросов, связанных с их подготовкой, на платной основе может рассматриваться как предпринимательская деятельность, не совместимая с нотариальной, и поэтому в этих случаях недопустимо взыскание денежных средств за услуги правового и технического характера в связи с недопустимостью навязывания этих услуг, получение которых носит исключительно добровольный характер, так как они оказываются вне рамок нотариального действия, что следует и из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2011 № 270-О-О<sup>58</sup>, Определения Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 № 2677-О<sup>59</sup> по конкретному делу.

Соответственно, в удовлетворении требования было отказано, поскольку действующее законодательство не содержит запретов для нотариусов оказывать услуги правового и технического характера и взимать за них плату независимо от нотариального тарифа<sup>60</sup>.

В соответствии с концепцией развития электронного нотариата планируется реализация проекта по дистанционному заключению

---

<sup>58</sup> Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чераневой Антонины Афанасьевны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьей части первой статьи 15 и частью первой статьи 23 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2011 № 272-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2022).

<sup>59</sup> Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Меньшиковой Виктории Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями шестой–восьмой статьи 22 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 № 2677-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2022).

<sup>60</sup> Решение Первомайского районного суда города Ижевска от 03.10.2019 по делу № 2-1999/2019~М-961/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 19.05.2022).

браков, например, в ситуациях, когда граждане, желающие заключить брак, находятся в разных городах<sup>61</sup>. Помимо прочего, Федеральной нотариальной палатой разрабатывается проект по открытию общероссийского портала нотариусов, где граждане смогут получить ответы на наиболее проблемные вопросы<sup>62</sup>.

Интересным в плане дальнейших перспектив развития нотариата представляется проект создания реестра населения России<sup>63</sup>. Предполагается, что этот реестр будет содержать основные сведения обо всех гражданах Российской Федерации. Оператором данного реестра станет Федеральная налоговая служба, а нотариат будет одним из пользователей этой системы.

Таким образом, можно наблюдать, что развитие цифровых технологий требует ускоренного решения правового регулирования всех аспектов данной сферы. А от дальнейшего грамотного правового решения зависит обеспечение безопасности и надлежащей защиты прав участников гражданского оборота в целом.

---

<sup>61</sup> Развод на расстоянии. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 22.05.2022).

<sup>62</sup> Кириллова Е. А. Состояние российского нотариата: внедрение цифрового формата // Нотариус. 2020. № 6. С. 42–44. [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.05.2022).

<sup>63</sup> Нотариусы смогут получать сведения из реестра населения РФ // Кемеровская областная нотариальная палата. 08.05.2020. URL: <https://42.notariat.ru> (дата обращения: 23.05.2022).

**В. В. Ровнейко,**

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры*

*уголовного права и криминологии ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университета»*

## **«ФИНАНСОВАЯ ПИРАМИДА» КАК ВИД ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ И ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 172<sup>2</sup> УК РФ**

О проблемах, связанных с конструированием признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172<sup>2</sup> УК РФ «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества», пишут давно и много. Авторы справедливо отмечают, что «проблемы не могут быть разрешены усилиями одного лишь правоприменителя и неизбежно потребуют вмешательства законодателя» [1]. Полагаем, что именно проблемы конструирования данного состава являются причиной того, что ст. 172<sup>2</sup> УК РФ применяется крайне редко. Согласно статистическим данным за 2021 г. не вынесено ни одного приговора по ст. 172<sup>2</sup> УК РФ [5]. По мнению ряда авторов, «проще было бы сформулировать указанное деяние как одну из форм мошенничества», поскольку в действующей редакции «статья выглядит как некий полуфабрикат, не очень пригодный для практического употребления» [10].

Деятельность по организации финансовых пирамид квалифицируется в подавляющем большинстве случаев как мошенничество. Этому способствуют разъяснения Верховного Суда РФ о том, что если умысел лица направлен на хищение чужого имущества **под видом привлечения денежных средств или иного имущества** граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное образует состав мошенничества и дополнительной квалификации по статье 172<sup>2</sup> УК РФ не требует [1].

Данное разъяснение означает, что ст. 172<sup>2</sup> УК РФ применяется при отсутствии признаков мошенничества в действиях по организации финансовой пирамиды, при отсутствии доказанного умысла на хищение, возникшего до получения имущества или права на имущество.

Полагаем, что с учетом признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172<sup>2</sup> УК РФ, доказывать нужно не **отсутствие умысла на хищение**, а **отсутствие цели** осуществления инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности.

Сложившаяся ситуация порождает отсутствие единообразия в практике применения ст. 172<sup>2</sup> УК РФ. В разных регионах тождественные действия квалифицируются по-разному. Например, по ст. 172<sup>2</sup> УК РФ были квалифицированы действия, когда «потерпевшие передавали деньги ... после получения сведений о работе ООО ... из рекламы и своих знакомых, о том, что указанные организации осуществляют прием денег от населения под проценты. Таким образом, потерпевшие получали доход от вложения денег в названные организации» [3]. В другом случае похожие действия квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ: О. похитил принадлежащие гражданам денежные средства под предлогом размещения их в различных коммерческих проектах, якобы гарантирующих высокую доходность, с обязательством выплаты процентов [4]. Думаю, что деятельность любой финансовой пирамиды одновременно является мошенничеством, т. к. суть деятельности пирамиды заключается в том, что экономическая деятельность не осуществляется, и первые инвесторы получают дивиденды исключительно за счет последующих.

Полагаем, что «финансовая пирамида» является таким же видом организованной группы, как банда, только существует – в сфере экономической деятельности. Создание «финансовой пирамиды» уже обладает общественной опасностью, достаточной для криминализации данного деяния. Об этом свидетельствует и тот факт, что «норма предусматривает наступление уголовной ответственности уже с момента организации деятельности по незаконному привлечению денежных средств и (или) иного имущества в крупном размере»

[15]. «Финансовые пирамиды» представляют угрозу экономической безопасности, т. к. «деятельность таких организаций оказывает негативное влияние на российский финансовый рынок, подрывает доверие граждан к финансовым инструментам. Затрагивая интересы значительного количества граждан одновременно в нескольких десятках субъектов РФ, такие преступления причиняют ущерб сотням, а иногда тысячам наших граждан» [15]. Одним из таких примеров является деятельность «Финико», которой удалось привлечь деньги более 100 тыс. вкладчиков, и предварительная сумма ущерба превышает 1 миллиард рублей [19].

При создании финансовой пирамиды умысел лица является неопределенным, т. к. конкретная сумма, которую удастся получить, на этот момент, не может быть известна, так же как и количество лиц, которых получится вовлечь в «финансовую пирамиду». Квалификация организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном или особо крупном размерах зависит, главным образом, от фактически наступивших последствий. Если проводить аналогию с бандитизмом, то при создании банды тоже, как правило, неизвестно конкретное количество преступлений, которые банда совершит.

Деятельность «финансовой пирамиды» всегда осуществляется не единолично, а в соучастии. Поэтому трудно согласиться с теми авторами, которые предлагают рассматривать соучастие только как квалифицирующий признак ст. 172<sup>2</sup> УК РФ [13]. Полагаем, что организация деятельности финансовой пирамиды «лишь искусственно выглядит строго самостоятельным преступлением, никак не связанным с учением о соучастии» [17], а групповой характер и устойчивость делают ее разновидностью организованной группы.

Часть проблем, связанных с применением ст. 172<sup>2</sup> УК РФ, могла бы быть решена при конструировании признаков преступления как формального усеченного состава, сходного по своей конструкции с такими составами, как организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ), банди-

тизм (ст. 209 УК РФ), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ) и т. п. Было бы логично в ч. 1 предусмотреть ответственность за создание и руководство «финансовой пирамидой», в ч. 2 – за участие в деятельности «финансовой пирамиды». И, применяя правила квалификации, сформулированные в виде разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в случае причинения имущественного ущерба квалифицировать содеянное по совокупности преступлений [2].

Такие изменения необходимы, чтобы квалификация отражала общественную опасность содеянного. «Переформатирование самого процесса доказывания» по подобным уголовным делам, результатом которого должна стать квалификация содеянного по совокупности как по ст. 172 УК РФ, так и по ст. 159 УК РФ [18], в данном случае недостаточно, чтобы «лица, нарушившие закон, привлекались к более строгой ответственности, что вполне соответствует общественной опасности данного вида противоправного деяния» [18].

Согласно ч. 3 ст. 33 УК РФ организатором является лицо, которое создало организованную группу либо руководило ею. Следует согласиться с тем, что понятие «организация» включает в себя две формы – создание и руководство. С учетом особенностей конструкции других составов преступлений, предусмотренных в УК РФ, такое толкование понятию «организация» должно быть дано и в отношении преступления, предусмотренного ст. 172<sup>2</sup> УК РФ [13]. Но только этого в данном случае будет недостаточно.

Необходимо включение в статью в качестве отдельной формы «участие в деятельности финансовой пирамиды» для установления уголовной ответственности в отношении лиц, которые обеспечивают осуществление финансовой пирамидой своей деятельности (ведут документацию, оформляют «договоры», принимают денежные средства и иное имущество, иным образом создают видимость осуществления инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности), а также вовлекают новых участников в финансовую пирамиду. Эти лица в большинстве случаев сами оказываются потерпевшими от мошенничества, но до этого успевают во-

влечь в финансовую пирамиду других лиц. Склонность людей к финансовым аферам немало тому способствует. Как справедливо отмечает М. Зинковский, «финансовой афере также способствует желание жертвы заработать быстро, легко, без предпринимательской регистрации, получив при этом максимальную прибыль при полной конфиденциальности» [11]. При этом используются также личные доверительные отношения и желание заработать на таком доверии, т. к. за каждого приведенного «друга» увеличиваются выплаты для участника. Следует согласиться с тем, что «организацию финансовой пирамиды по объективным признакам можно считать одной из форм азартной игры» [9]. Установление ответственности для лиц, которые не только создали и руководят деятельностью финансовой пирамиды, но и участвуют в ее осуществлении, является необходимым, т. к. «лица, которые увеличивают размеры соответствующей системы посредством проведения собраний, распространения информационных писем или иным образом, позволяющим вовлечь в систему большое количество участников» [6], тоже совершают общественно опасное деяние. «Участие в любой схеме пирамиды, включая организацию продаж или разработку плана, по которому лицо получает компенсацию или право на компенсацию, прежде всего за счет вовлечения других людей в продажи или план, а не за счет продажи товаров, услуг или использования собственности» [7], является общественно опасным, совершается в корыстных целях и нуждается в криминализации при наличии и доказанности умысла.

Расширительное толкование Пленума Верховного Суда РФ о возможности «привлечения к уголовной ответственности соучастников» в данном случае маловероятно. Толкование не может решить вопрос о «наказуемости деятельности «десятников», «сотников», «тысячников», входивших, в частности, в состав «МММ». Все они подчинялись вышестоящим лицам, но элементы организации все же осуществляли – привлекали новых вкладчиков, рекламировали услуги, поддерживали дисциплину, контролировали деятельность и прочее» [13]. Для установления уголовной ответственности таких лиц необходимы законодательные изменения.

Вышеизложенные предложения позволили бы решить только часть проблем, связанных с уголовно-правовым противодействием деятельности финансовых пирамид. Нуждается в дефиниции и само понятие «финансовая пирамида». Бланкетный характер диспозиций статей главы 22 УК РФ предполагает наличие регулятивного законодательства [13]. При отсутствии такого регулирования статью, устанавливающую ответственность за деятельность финансовых пирамид, с учетом характера общественной опасности следует перенести в главу 21 УК РФ. Все вышеизложенное позволяет согласиться с авторами, которые считают, что «в настоящее время отсутствует эффективный правовой инструментарий, препятствующий созданию и функционированию финансовых пирамид... Установление механизма уголовной репрессии без комплекса иных законодательных мер явно недостаточно для противодействия преступлениям данной категории» [15].

Для этого необходимо установление того, что распространение информации и призывы к участию относились к так называемой нелегальной деятельности на финансовом рынке или к нелегальным поставщикам финансовых услуг [8]<sup>64</sup>. Это входит в административные полномочия Банка России.

Существуют различные списки финансовых пирамид и хайп-проектов [16]. ЦБ РФ в июне 2021 года впервые опубликовал официальный список финансовых пирамид, нелегальных форекс-дилеров и черных кредиторов [12]. Сейчас в этом списке уже 1,8 тыс. организаций и интернет-проектов, которые вызвали подозрения у регулятора в 2020–2021 годах. Нелегальные игроки, выявленные ранее, не приводятся. В черный список Банка России пока попадают три категории организаций:

- 1) Нелегальные кредиторы.
- 2) Псевдоброкеры и нелегальные forex-дилеры.
- 3) Финансовые пирамиды [14].

---

<sup>64</sup>Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке. URL: <https://cbr.ru/inside/warning-list/>

Как отмечается ЦБ РФ, «участник рынка для предоставления большинства финансовых услуг на территории Российской Федерации должен иметь лицензию Банка России или быть включенным в реестр регулятора. Проверить это можно в Справочнике финансовых организаций. Если это условие не соблюдается, то, скорее всего, организация ведет деятельность нелегально, а потребители могут быть обмануты» [8].

Таким образом, целесообразно было бы в целях повышения эффективности применения ст. 172<sup>2</sup> УК РФ изменить таким образом, чтобы ее действие распространялось на лиц, которые создают, руководят и участвуют в деятельности «финансовой пирамиды», в соответствии с официальным списком финансовых пирамид, составленным Банком России.

### **Список литературы**

1. П.12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 29.06.2021). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/>

2. П. 12, 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 28.06.2017 г. по делу № 22-3531/2017.

URL: [https://oblsud-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&name\\_op=case&\\_id=10083920&\\_uid=299819c1-975a-4b5f-b6c4-a5bc1424f672&\\_deloId=1540006&\\_caseType=&\\_new=4&\\_doc=1&srv\\_num=1](https://oblsud-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=10083920&_uid=299819c1-975a-4b5f-b6c4-a5bc1424f672&_deloId=1540006&_caseType=&_new=4&_doc=1&srv_num=1)

4. Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) от 13 мая 2019 г. по делу № 1-30/2019 1-588/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C7YJcNfGQSN1/?regular-txt=>

5. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» / Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>

6. Уголовный кодекс Австрии / цит. по: Аснис А. Я. Некоторые проблемы ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Закон штата Юта США 1983 г. «О схемах пирамид» / цит. по: Аснис А. Я. Некоторые проблемы ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке. URL: <https://cbr.ru/inside/warning-list/>

9. Аснис А. Я. Некоторые проблемы ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Гладких В. И. Проблемы уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Зинковский М. Признаки финансовой аферы // ЭЖ-Юрист. 2014. № 35 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Зубков И. Банк России раскрыл список финансовых пирамид и черных кредиторов // Российская газета. 01.06.2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/01/cb-raskryl-chnyj-spisok-finansovyh-piramid-i-nelegalnyh-kreditorov.html>

13. Коновалова А. Б., Мосечкин И. Н. О некоторых проблемах установления уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества // Безопасность бизнеса. 2016. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Называние как наказание: ЦБ начал публиковать перечень компаний, уличенных в нелегальной деятельности.

URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/06/02/60b5fbdc9a79471a267396e1>

15. Савенков А. Н. Уголовная политика и устойчивость кредитно-финансовой системы // Журнал российского права. 2016. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

16. См., например: Список финансовых пирамид. 2021 год. Россия. URL: <https://besuccess.ru/spisok-finansovyx-piramid-2015>

17. См., например: Хадзегов А. В. Банда и состав бандитизма в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 14. URL: <https://www.dissercat.com/content/banda-i-sostav-banditizma-v-ugolovnom-prave-rossii>

18. Соловьев И. Уголовная ответственность за привлечение средств граждан в финансовые пирамиды // Налоговый вестник. 2016. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Ущерб по делу финансовой пирамиды Finiko превысил миллиард рублей. URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/10/finiko/>

*С. В. Люминарская,  
к. ю. н., доцент кафедры экологического,  
природоресурсного и трудового права ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Социальное законодательство двух последних десятилетий развивается в направлении адресного предоставления мер социальной поддержки и социальных услуг. С 1 июля 2020 года данный принцип получил конституционное закрепление в новой редакции статьи 75 Конституции Российской Федерации.

Как отмечает О. Г. Чутчева, адресность в самом общем виде означает направленность на кого-либо или на что-либо, т. е. на конкретных людей или на определенные социальные единицы [1].

По мнению И. С. Карпиковой, данный принцип предполагает, что социальная помощь должна оказываться тем лицам, которые истинно нуждаются в ней [2].

Принцип адресности в социальном обслуживании означает, что оно должно быть индивидуализировано [3]. Социальное обслуживание предоставляется не отдельной категории граждан, а конкретному нуждающемуся лицу по его заявлению с учетом его материального и социального состояния [4].

Н. В. Антипьева делает вывод, что адресность, в отличие от дифференциации правового регулирования, близка к индивидуализации правового воздействия и предполагает непосредственный анализ ситуации социального риска, в которой оказался гражданин [5].

При этом одним из признаков метода права социального обеспечения выступает абсолютный характер прав граждан – субъектов социально-обеспечительных отношений и недопустимость принятия

усмотренческих решений органом, обязанным предоставлять обеспечение [6]. Здесь нет противоречия с адресным подходом – если нуждаемость установлена, субъективное право граждан (семей) должно быть реализовано в заданных государством рамках с учетом фактических обстоятельств нуждаемости.

Таким образом, адресность выступает одновременно и как принцип, и как цель предоставления отдельных мер социальной защиты, она реализуется путем оценки материального и социального положения граждан (семей). При этом для реализации адресного подхода необходимы действенные экономические, организационные, информационные и правовые механизмы, в том числе: надлежащее, последовательное закрепление критериев оценки нуждаемости; алгоритмы подбора оптимальных мер социальной защиты в соответствующих случаях; защищенные способы сбора и обмена информацией о получателях социальной поддержки; механизмы обратной связи, анализа, планирования и контроля.

Как уже было отмечено, адресность положена в основу не всех, а лишь некоторых мер социальной защиты, к числу которых относятся социальное обслуживание, государственная социальная помощь и поддержка отдельных категорий граждан. Модель разграничения полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти по данным вопросам построена таким образом, что большую часть финансовой и организационной нагрузки несут субъекты Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 6 Конституции УР в Удмуртской Республике гарантируется адресная социальная поддержка граждан, обеспечивается государственная поддержка инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются пособия и иные гарантии социальной защиты.

Эти конституционные положения конкретизированы в ряде законодательных актов, прежде всего – в Законе Удмуртской Республики от 23.12.2004 № 89-РЗ «Об адресной социальной защите населения в Удмуртской Республике», а также в Законе Удмуртской Республики от 05.05.2006 № 13-РЗ «О мерах по социальной под-

держке многодетных семей», Законе Удмуртской Республики от 06.03.2007 № 2-РЗ «О мерах по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и др.

Анализ последних тенденций развития социального законодательства Удмуртской Республики позволяет прийти к выводу о постепенном увеличении социальных обязательств: появляются новые меры социальной защиты, увеличивается объем социальных предоставлений, расширяется круг субъектов, имеющих на них право.

К традиционным, широко востребованным, региональным направлениям адресной социальной защиты можно отнести: социальное обслуживание, государственную социальную помощь на основе социального контракта, пособия и компенсационные выплаты гражданам, имеющим детей и ряд мер социальной поддержки многодетных семей.

Так, по данным Министерства социальной политики и труда Удмуртской Республики на 1 января 2022 года, государственную социальную помощь на основании социального контракта получают 2 282 человек. Размер социальных выплат составляет от 6 138 руб. до 12 276 руб. ежемесячно или от 30 000 руб. до 250 000 руб. единовременно. При этом объем денежных средств, предусмотренных в республиканском бюджете на 2022 год, составляет 311 185 тыс. руб. [7].

В течение последних двух лет особое внимание было обращено на нужды семей с детьми. Так, Указом Главы Удмуртской Республики от 02.04.2020 № 75 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» предусмотрено предоставление ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно. Постановлением Правительства Удмуртской Республики от 21.01.2022 № 8 «Об утверждении Положения о порядке оказания в 2022 году государственной социальной помощи в виде единовременной материальной помощи студенческим семьям при рождении ребенка» закреплено право на единовременную материальную помощь в размере 100 тыс. рублей.

В целях преодоления негативных последствий пандемии новой коронавирусной инфекции в республике был принят ряд срочных мер, в частности: предоставление продуктовых наборов для семей с детьми (ими воспользовались 102 667 детей); подарочные карты для детей в возрасте до 2 лет на приобретение товаров, медицинских изделий и лекарственных средств на сумму 1000 руб. (ими воспользовались 11 705 получателей); с 1 июня по 31 декабря 2020 года была установлена ежемесячная денежная выплата в размере 10 333 рублей беременным безработным малообеспеченным женщинам, имеющим срок беременности от 12 до 30 недель (выплату получили 1 200 женщин) [8].

Наряду с этим остается крайне низким размер ежемесячного пособия на ребенка, переданного в региональное ведение еще в 2005 году. В текущем году этот размер составил всего 231 руб. в месяц (462 руб. – для одиноких матерей, детей военнослужащих по призыву; 346,5 руб. – на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов). По состоянию на 1 января 2021 года эти пособия получали 97 812 детей (50 966 семей), на 1 января 2022 года – 51 191 детей (25 438 семей) [9].

Перспективы дальнейшего развития регионального социального законодательства связаны не только с адресной поддержкой семей с детьми, но и с необходимостью создания системы дополнительной помощи, а также стационаророзмещающих услуг для лиц старшего возраста и людей с инвалидностью. В 2022 году в Удмуртии запланирована разработка ряда нормативных правовых актов в рамках федерального проекта «Система долговременного ухода» – комплексной программы, которая включает поддержку семейного ухода, социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, в полустационарной и стационарной форме с привлечением службы сиделок и патронажа [10].

Согласно Постановлению Правительства УР от 17.02.2022 № 57 «О создании приемных семей для граждан пожилого возраста в Удмуртской Республике» граждане, осуществляющие постоянный уход за пожилыми и инвалидами, получают право на ежемесячную

денежную выплату в размере от 50 до 100 % величины прожиточного минимума, установленной Правительством Удмуртской Республики для трудоспособного населения. При этом под приемной семьей для гражданина пожилого возраста понимается форма жизнеустройства и социальной поддержки гражданина, нуждающегося в постороннем уходе, представляющая собой совместное проживание, ведение общего хозяйства гражданина, нуждающегося в постороннем уходе, и гражданина, осуществляющего этот уход, а также оказание последним гражданину, нуждающемуся в постороннем уходе, базовой социальной помощи на основании договора о приемной семье для гражданина пожилого возраста.

Реализация принципа адресности невозможна без создания соответствующих информационных систем. С 1 октября 2018 года региональная информационная система «Автоматизированная система «Адресная социальная помощь» Министерства социальной политики и труда Удмуртской Республики» интегрирована с Единой государственной информационной системой социального обеспечения (ЕГИССО).

Цифровизация в сфере организации социальной защиты показала свою эффективность. Одна из новаций – внедрение механизма проактивного информирования граждан о мерах социальной защиты в личном кабинете на портале государственных и муниципальных услуг при наступлении юридически значимых обстоятельств (рождение ребенка, наступление инвалидности, наступление пенсионного возраста и др.). Работа в этом направлении оценена как перспективная и будет продолжена. В ближайшей перспективе в стране реализуется проект «Социальное казначейство», предполагающий создание единой цифровой платформы на базе информационных систем Пенсионного фонда России, Фонда социального страхования, Минтруда России и учреждений медико-социальной экспертизы [11]. На ее основе будет предоставляться также обеспечение адресными мерами социальной поддержки.

## Список литературы

1. Чутчева О. Г. Адресность как отраслевой принцип права социального обеспечения // Проблемы законности. 2011. № 115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adresnost-kak-otraslevoy-printsip-prava-sotsialnogo-obespecheniya>
2. Карпикова И. С. Адресность социальной защиты населения: необходимость и проблемы ее внедрения // Известия БГУ. 2007. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adresnost-sotsialnoy-zaschity-naseleniya-neobhodimost-i-problemy-ee-vnedreniya>
3. Адриановская Т. Л. Право социального обеспечения. Институт социального обслуживания: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Т. Л. Адриановская, С. С. Баева, Н. И. Сапожникова. Москва: ЮНИТИ, 2019. С. 18.
4. Право социального обеспечения России: учебник для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М.: Проспект, 2014. С. 414.
5. Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: дисс. на соискание ученой степени доктора юридических наук: специальность 12.00.05 / Антипьева Наталья Валерьевна; [Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина]. Москва, 2016. С. 70.
6. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения в России: учебник. М.: ВолтерсКлувер, 2004. С. 93.
7. Информация Министерства социальной политики и труда Удмуртской Республики о видах социальных выплат, производимых органами социальной защиты населения Удмуртской Республики на 2022 год. URL: <https://minsoc18.ru/social-politics/social-benefits/9007>
8. Выступление министра социальной политики и труда Удмуртской Республики Т. Ю. Чураковой на Коллегии 11 марта 2021. URL: <https://minsoc18.ru/press-office/speech/7524>
9. Сводная информация Министерства социальной политики и труда Удмуртской Республики о размерах выплат. URL: <https://minsoc18.ru/social-politics/social-benefits>

10. План основных мероприятий Министерства социальной политики и труда Удмуртской Республики на 2022 год.  
URL: <https://minsoc18.ru/activities/plans-and-activities/8550>

11. Социальное казначейство как инструмент повышения адресности и эффективности мер социальной поддержки.  
URL: <https://pfr.gov.ru/branches/tomsk/news/~2021/09/09/230676>

**К. В. Шишкина,**

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры экологического,  
природоресурсного и трудового права ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **КАТЕГОРИЯ «УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА» В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Правовая категория «уважительная причина» имеет широкое распространение в трудовом законодательстве Российской Федерации. Она используется в ст. 80, п. 5 ст. 81, подп. «а» п. 6 ст. 81, ст. 121, 207, 249, 312.8, 348.12 ТК РФ, в нормах, регламентирующих рассмотрение индивидуальных трудовых споров, и некоторых иных. Следует отметить, что термин «уважительная причина» относится к оценочному понятию в трудовом праве, т. е. его содержание невозможно исчерпывающим образом определить в нормативно-правовом акте, содержащем нормы трудового права, а также все случаи его использования, что дает субъекту, реализующему правовую норму, возможность учесть индивидуальные особенности дела с соблюдением функционального предназначения нормативного предписания [1]. Использование оценочных понятий в трудовом законодательстве давно стало нормой, т. к. правовое регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений отличается многообразием жизненных ситуаций, и, как следствие, невозможностью установления унифицированного законодательного подхода к их регламентации. Оценочные понятия позволяют не только конкретизировать нормы трудового права применительно к трудовому отношению, но и учесть особенности субъектов правоотношения, их правовой статус, жизненные обстоятельства и иные факторы, которые имеют существенное значение в данном конкретном случае. Именно индивидуализация подхода позволит наилучшим образом реализовать общеправовой принцип справедливости в регулировании трудовых правоотношений.

Следует отметить, что определение содержания категории «уважительная причина» может зависеть от предмета правового регулирования, обстоятельств применения и субъектов толкования.

Так, к уважительным причинам пропуска срока обращения в суд могут расцениваться обстоятельства, препятствовавшие данному работнику своевременно обратиться с иском в суд за разрешением индивидуального трудового спора (например: болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие обстоятельств непреодолимой силы, необходимость осуществления ухода за тяжелобольными членами семьи) [5], издание следователем, возбудившим уголовное дело в отношении истца, постановления о прекращении дела в отношении работника [8], организация похорон близких родственников [9] и т. д.

В ином порядке определяется уважительность причин увольнения до истечения срока, обусловленного трудовым договором или соглашением об обучении за счет средств работодателя, при которых работник обязан возместить затраты, понесенные работодателем на его обучение. Так, правоприменитель включает в перечень случаев переезд супруга в другую местность, невыплату стипендии при обучении и др. [6].

Что же касается уважительности причин при расторжении трудового договора по инициативе работника до истечения двухнедельного срока предупреждения об увольнении, то к ним следует отнести невозможность продолжения работником работы (зачисление в образовательное учреждение, выход на пенсию либо наличие иных уважительных причин, в силу которых работник не может продолжать работу, например, направление мужа (жены) на работу за границу, к новому месту службы), а также случаи установленного нарушения работодателем трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, локальных нормативных актов, условий коллективного договора, соглашения или трудового договора [6, 7].

Однако самым большим разнообразием отличается перечень уважительных причин в случае неисполнения или ненадлежащего

исполнения трудовых обязанностей, а также отсутствия работника на рабочем месте. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что решение работодателя о признании конкретной причины отсутствия работника на работе неуважительной может быть проверено в судебном порядке. При этом, осуществляя судебную проверку и разрешая конкретное дело, суд действует не произвольно, а исходит из общих принципов юридической, следовательно, и дисциплинарной ответственности (в частности, таких как справедливость, соразмерность, законность) и оценивает всю совокупность конкретных обстоятельств дела, в том числе причины отсутствия работника на работе (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2009 г. № 75-О-О, от 24 сентября 2012 г. № 1793-О, от 24 июня 2014 г. № 1288-О, от 23 июня 2015 г. № 1243-О, от 26 января 2017 г. № 33-О и др.). Аналогичная позиция содержится в Письмах Федеральной службы по труду и занятости от 4 декабря 2020 г. № ПГ/56975-6-1, от 31 октября 2008 г. № 5916-ТЗ [4, 2]. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что к наиболее частым случаям относится болезнь работника [10]; отсутствие проездных билетов, вследствие чего работник не смог вовремя вернуться на работу из места, где проводил отпуск [11]; прохождение военных сборов [12]; болезнь близких родственников [13]; обязанность работодателя предоставить отпуск [14] и т. д.

Часть указанных причин могут быть квалифицированы как объективные и не вызывать сложностей в правоприменении (обстоятельства непреодолимой силы, сдача крови и ее компонентов и др.), другие же – определяются не столь однозначно. Так, болезнь работника или обращение его за медицинской помощью при отсутствии листка нетрудоспособности по-разному оцениваются на практике. Длительное время суды оценивали отсутствие листка нетрудоспособности в качестве обстоятельства, свидетельствующего о неуважительности причины отсутствия на работе. Затем судебная практика резко переменялась, и судам рекомендовано оценивать факт обращения за медицинской помощью в каждом конкретном случае

с необходимостью выяснения всех обстоятельств дела: причины обращения, объективной невозможности исполнения должностных обязанностей, срочностью обращения в медицинскую организацию. С этой целью суды должны не только исследовать медицинские документы, но и опросить лечащего врача, выслушать свидетелей и т. д. [15].

Еще более сложная ситуация обстоит с отнесением к уважительной причине оказание помощи близким родственникам. Так, болезнь ребенка работника в большинстве случаев относится к уважительной причине отсутствия на рабочем месте. Однако относительно иных лиц в практике правоприменения создается неопределенность. Например, оказание помощи другим родственникам может быть расценено в качестве уважительной причины лишь при доказанности невозможности ухода за ними иных членов семьи; возникновение чрезвычайной ситуации и т. д. Тем не менее бремя доказывания лежит на работнике. То, насколько он будет убедительным, а также позиция суда в каждом конкретном случае повлияют на принятое решение [16, 13].

Вместе с тем, как справедливо указывает Д. Н. Левина, использование оценочных понятий не должно быть произвольным, а их содержание зависит исключительно от усмотрения правоприменителя. При толковании оценочных понятий правоприменитель, обладая возможностью конкретизации оценочных понятий, не может руководствоваться лишь собственными представлениями об их содержании (стандарт в субъективном смысле). Необходимо учитывать и объективную сторону оценочного понятия. Объективная сторона – это действительные (объективные) свойства различных явлений или предметов, обозначаемых соответствующими понятиями, которые могут быть познаны и проверены посредством опыта, эксперимента, длительных наблюдений и т. д. Именно в стандартах оценочных понятий должны быть отражены объективные свойства явлений, обозначаемых в законе данными понятиями [3, с.12]. Без четких критериев и пределов толкования использование указанных понятий приведет к негативным последствиям. В частности,

исчезает стабильность правового регулирования трудовых отношений. Правоприменитель (работник, работодатель или юрисдикционный орган) не могут быть уверены в однозначности толкования категории и, как следствие, правильности правоприменения. Полагаем, что в судебной практике необходимо разработать критерии отнесения обстоятельств к уважительной причине. При этом критерии должны позволять правоприменителю объективно оценивать жизненные обстоятельства, а толкование судами не должно быть произвольным. Оно должно основываться на преемственности практики и общих подходах, выработанных Верховным Судом РФ. Только в этом случае применение категории «уважительная причина» будет законным, обоснованным, справедливым и позволит обеспечить стабильность трудового правоотношения.

### **Список литературы**

1. Степанова Е. А. Оценочные понятия трудового права: автореф. дис. ... к. ю. н. Ростов-на-Дону, 2005. С. 9.
2. Письмо Роструда от 04.12.2020 № ПГ/56975-6-1 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: автореф. дис. ... к. ю. н. Н. Новгород, 2007.
4. Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 31 октября 2008 г. № 5916-ТЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 17.03.2004 // Российская газета. 31.12.2006. № 297.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2021 № 78-КГ21-30-К3 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 № 88-19840/2021 по делу № 2-465/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.12.2014 № 41-КГ14-32 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

9. Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2014 № 5-КГ14-10 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Письмо ФСС РФ от 28.10.2011 № 14-03-18/15-12956 // Документы и комментарии. Декабрь. 2011. № 24.

11. Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2012 № 69-В12-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

12. Ч. 1 ст. 170 ТК РФ, п. 2 ст. 6 Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 30.03.1998. № 13. Ст. 1475.

13. Решение Сарапульского районного суда УР по делу № Дело № 2-11/2021 от 14.01.2021г. URL: [https://sarapulskiy-udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=165827296&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://sarapulskiy-udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=165827296&delo_id=1540005&new=0&text_number=1)

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2021 № 127-КГ21-2-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 № 57-КГ20-9-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

16. П. 11 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. Апрель, 2021. № 4.

*С. А. Стяжкина,  
доцент, к. ю. н., доцент кафедры  
уголовного права и криминологии ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ФОРМИРОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ НЕТЕРПИМОСТИ К КОРРУПЦИОННОМУ ПОВЕДЕНИЮ КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ**

Борьба с коррупцией – одно из основных и приоритетных направлений деятельности как государственных органов, так и различных социальных институтов. Проблема противодействия коррупции все чаще становится предметом научных дискуссий и общественных обсуждений. Несмотря на достаточно большой массив нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы противодействия коррупции, тем не менее, как показывают многочисленные опросы, коррупция остается очень распространенным и массовым явлением. По данным социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер, направленных на предупреждение и профилактику коррупционных проявлений, проведенного Генеральной прокуратурой РФ с участием Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы исполнения наказаний и др., подавляющее большинство опрошенных (80 %) считают серьезной проблему коррупции и полагают, что прогресс в борьбе с ней слабый. Отвечая на вопрос об уровне коррупции в различных сферах, респонденты определили уровень коррупции как высокий и выше среднего во всех сферах (государственная и муниципальная собственность – 78 %, правоохранительная система – 77 %, государственный и муниципальный контроль/надзор – 75 %, судебная система – 74 %, ЖКХ и государственные и муниципальные услуги – по 63 %) [5].

Эффективность борьбы с коррупцией определяется не уровнем раскрываемости преступлений и выявлением лиц, их совер-

шивших, а прежде всего мерами профилактики, направленными на предотвращение такого явления, как коррупция. Противодействие коррупции – это главным образом деятельность по предупреждению коррупции. На наш взгляд, вопросам профилактики должно уделяться гораздо больше внимания, т. к. лучше не допустить негативного противоправного явления, чем впоследствии за него наказывать. Профилактика – это наиболее эффективное и экономически выгодное средство борьбы с любым негативным явлением, в том числе и с коррупцией. Основная цель профилактики коррупции – это устранение ее причин и условий.

В соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» под профилактикой правонарушений понимается «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [1]. Таким образом, борьба с коррупцией должна начинаться с выяснения ее факторов, тех причин и условий, которые порождают коррупцию, способствуют ее существованию.

Одним из коренных факторов коррупции, на наш взгляд, является социально-психологический фактор, который заключается в принятии населением коррупции как нормального, обыденного явления, способного решить многие их проблемы с органами государственной власти, органами местного самоуправления, различными государственными учреждениями и предприятиями. Коррупция позволяет обойти закон и получить различные льготы, преимущества, блага как должностному лицу, так и лицу, дающему взятку. Это подтверждают и данные Международного антикоррупционного движения Transparency International «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perceptions Index, CPI) за 2021 год, где Россия набрала 29 баллов из 100 и заняла 136-е место из 180.

Индекс восприятия коррупции (ИВК) – составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. Transparency International составляет Индекс восприятия коррупции на основе экспертных оценок, которые предоставляют независимые организации по всему миру. В ИВК-2021 180 стран и территорий оценены на базе 13 экспертных оценок и опросов. Страны ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов, где 0 обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а 100 – самый низкий [6].

Представляется, что меры противодействия коррупции должны касаться прежде всего воздействия на население в целях формирования негативного отношения к коррупции и необходимости борьбы с ней. Проблема борьбы с коррупционной преступностью носит не столько правовой характер, сколько социально-психологический и организационный. Снизив уровень терпимости к коррупции среди населения, государство тем самым, естественным образом, снизит и коррупционную преступность, особенно так называемую «бытовую» коррупционную преступность, инициатором которой выступает население, предлагая должностным лицам вознаграждение за совершение в интересах дающего различного рода действий, вытекающих из его служебного положения.

Безусловно, процесс этот длительный, требующий системного подхода, объединения и взаимодействия различных социальных институтов, органов государственной власти и органов местного самоуправления, государственных, муниципальных и иных учреждений в целях оказания воздействия на население в части формирования у них отрицательного отношения к коррупции.

В Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в качестве одной из первых мер профилактики коррупции указана мера по формированию в обществе нетерпимости к коррупционному поведению [2].

К сожалению, в законе не раскрывается содержание этой меры, способы и средства ее реализации.

Обращаясь к научной литературе, можно отметить, что высказываются разные точки зрения относительно рассматриваемого по-

нения. В частности, В. А. Овченков и В. К. Першина предлагают следующее определение «понятия «формирование нетерпимости к коррупционному поведению»: это системная, целенаправленная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, института общественного контроля, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан, ориентированная на формирование в обществе отрицательного отношения к любым проявлениям коррупционного поведения» [4]. П. А. Кабанов отмечает, что «антикоррупционная нетерпимость выступает крайней, а при определенных условиях – радикальной формой негативного отношения к коррупционному поведению – антикоррупционным фанатизмом, который при определенных условиях может перерасти в антикоррупционную ненависть и/или вражду (антикоррупционный экстремизм)» [3].

Представляется, что формирование нетерпимости к коррупционному поведению – это мера воспитательного характера. Речь идет о повышении уровня правового сознания граждан, одним из составляющих которого является и нетерпимое отношение к коррупции. В процессе реализации данной меры должны применяться методы убеждения и поощрения.

Особая роль в реализации данной меры принадлежит образовательным учреждениям. Положительным моментом является введение в общеобразовательные стандарты дисциплин, целью освоения которых является создание условий для формирования гражданской позиции, выражающейся в способности формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, необходимой для качественного и добросовестного выполнения профессиональных обязанностей в различных областях и сферах профессиональной деятельности. Безусловно, лица, получающие среднее профессиональное, высшее образование, должны обладать определенным уровнем правовой грамотности и правового сознания в части проводимой государством антикоррупционной политики и мер противодействия коррупции. Но не менее важным является и деятельность СМИ

по донесению до граждан информации, касающейся вопросов борьбы с коррупцией, мерами, принимаемыми государством, общественными объединениями, гражданами, направленными на противодействие коррупции. Одним из эффективных средств воздействия на население в сфере формирования нетерпимого отношения к коррупции являются информационные ресурсы и технологии. Интернет-пространство дает широкие возможности для пропаганды борьбы с коррупцией. Необходимо повышать активность граждан в сфере борьбы с коррупцией, поощрять их за антикоррупционную деятельность.

Основной проблемой реализации данной меры профилактики является субъектная неопределенность лиц, ответственных за осуществление рассматриваемой меры. Закон, предусмотрев такую меру, не указал на органы, в чьи функции будет входить деятельность по ее реализации. Возможно, стоит наделить ряд органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также государственные и муниципальные учреждения обязанностью проведения мероприятий, направленных на формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупционному поведению. Это, на наш взгляд, должно касаться прежде всего органов и учреждений, осуществляющих политику в сфере образования и культуры, просвещения и информационной деятельности.

Подводя итог вышеизложенному, можно предложить авторскую формулировку содержания такой меры профилактики коррупции, как формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению посредством комплекса мероприятий, проводимых органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, а также общественными организациями, в целях повышения у граждан уровня правовой культуры и правового сознания в сфере противодействия коррупции путем применения методов убеждения и поощрения, а также снижения уровня восприятия коррупции.

Борьба с коррупцией, как явлением социальным, предполагает применение социальных мер воздействия на данное явление, кото-

рое должно осуществляться через оказание воспитательного и просветительского влияния на население и формирование у них отрицательного отношения к коррупции. Необходимо вести активную работу среди населения и подрастающего поколения по вопросам противодействия коррупции, разъясняя им последствия коррупционных правонарушений и их вред, причиняемый обществу и государству.

### **Список литературы**

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СПС «Гарант».

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «Гарант».

3. Кабанов П. А. Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридически неопределенная правовая категория и ее содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 1. С. 1009.

4. Овченков В. А., Першина В. К. Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению как одна из мер профилактики коррупционных правонарушений // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 2. С. 47.

5. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/anticorr/opros-anticorr>

6. URL: <https://transparency.org.ru/dokumenty/godovye-otchety>

**Т. В. Русских,**

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры экологического,  
природоресурсного и трудового права ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **К ВОПРОСУ О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ И СВОБОД РАБОТНИКА**

Конституционный Суд Российской Федерации, являясь высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, на наш взгляд, выступает не только гарантом правопорядка в целом, но и гарантом реализации принадлежащей сторонам трудового договора свободы в частности. Деятельность Конституционного Суда РФ по конституционному контролю – одно из средств, с помощью которых достигается (насколько он возможен) баланс социальных и производственных интересов, противоречие которых заложено в само существование трудового правоотношения.

Любое Постановление Конституционного Суда РФ – итог многолетней борьбы истца за нарушенное право, поскольку проверка нормативных правовых актов, примененных в конкретном деле, на предмет наличия или отсутствия нарушения конституционных прав и свобод Судом осуществляется только в случае, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты. Соответственно, любой законопроект, предложенный во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ, должен в первую очередь базироваться на Конституции РФ и правовой позиции Конституционного Суда РФ. В противном случае сводится на «нет» роль Конституционного Суда РФ как органа конституционного контроля и обесценивается результат длительного процесса по отстаиванию нарушенного права лицом, обратившимся в Суд, при чем права не только самого заявителя, но и общества в целом, поскольку любой нормативный правовой акт, выступающий предметом проверки Конституционного Суда РФ, не носит индивидуально-

определённого характера и распространяется на неограниченный круг лиц.

Показательным в данной связи является Постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2021 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 157 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. А. Мининой». Более двух лет артистка Государственного театра оперы и балета Удмуртской Республики имени П. И. Чайковского Минина Людмила Алексеевна, которой не предоставляли работу и на основании ч. 5 ст. 157 ТК РФ снизили заработную плату до  $\frac{2}{3}$  установленной тарифной ставки (оклада), боролась не столько за субъективное право, сколько за право всех творческих работников на справедливую, достойную заработную плату в периоды незанятости в создании и исполнении произведений. Мы доказывали, что труд творческих работников является особым и более, чем труд обычных работников, зависимым от воли работодателя. При этом в трудовую функцию творческих работников входит не только участие в создании и экспонировании произведений, но и иные виды деятельности. Наша позиция была услышана Конституционным Судом РФ, который постановил признать часть пятую статьи 157 ТК РФ не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 37 (ч. 3), 55 (ч. 3), 75 (ч. 5) и 75.1, в той мере, в какой она, не устанавливая минимального размера оплаты времени, в течение которого творческие работники не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают, порождает возможность произвольного уменьшения размера заработной платы указанных работников, фактически исполняющих (хотя и в меньшем объеме) свои трудовые (должностные) обязанности.

Вместе с тем на основании поручения Правительства РФ от 12 октября 2021 г. № ТГ-П45-14446 о подготовке проекта федерального закона, направленного на реализацию Постановления Конституционного Суда РФ от 6 октября 2021 г. № 43-П по делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 157 ТК РФ, Министерством труда и социальной защиты РФ был разработан проект федерального закона

«О внесении изменений в статьи 157 и 351 Трудового кодекса Российской Федерации», противоречащий смыслу Постановления Конституционного Суда РФ и носящий явный неконституционный характер.

Статью 351 ТК РФ было предложено дополнить частями второй и третьей следующего содержания: «1. Если творческие работники... в течение какого-либо времени не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают, то указанное время простое не является и оплачивается в размере и порядке, которые устанавливаются коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором, но не менее двух третей тарифной ставки, оклада (должностного оклада) творческого работника и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, рассчитанных пропорционально времени, в течение которого творческие работники не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают. 2. В случае если творческие работники, указанные в части второй настоящей статьи, без уважительных причин в течение какого-либо времени не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают, то указанное время не оплачивается».

Предлагаемый законопроект в части оплаты приравнивал периоды незанятости творческих работников в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений к простоям по причинам, независящим от воли работника или работодателя, тем самым полностью лишая положение ч. 5 ст. 157 ТК РФ гарантийного смысла. Это было сделано несмотря на то, что Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «вины творческого работника в неучастии в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений нет, в указанные периоды творческий работник, в отличие от периодов простоя, фактически работает, его работа направлена на поддержание себя в профессиональной форме». Дополнение ст. 351 ТК РФ новой частью – третьей, в которой предусматривалось право работодателя не оплачивать время, в течение которого творческие работники

по неуважительным причинам не участвуют в создании и исполнении произведений или не выступают, по своей сути выходило за рамки Постановления Конституционного Суда РФ. Включение этой нормы в законодательство означало, что трудовая функция творческого работника – исключительно создание и исполнение произведений, что нивелировало позицию Конституционного Суда РФ относительно того, что творческие работники даже в период незанятости на сцене продолжают выполнять иные должностные обязанности. Понятие «неуважительные» причины всегда являлось в трудовом законодательстве оценочным, и применение его относительно ситуаций, о которых идет речь в ст. 157 ТК РФ, создало бы для работодателя дополнительные возможности злоупотребления правом.

Таким образом, ознакомление с предложенным Министерством труда и социальной защиты РФ законопроектом давало все основания полагать, что идеи, положенные в основу жалобы, и правовая позиция Конституционного Суда РФ не нашли в нем отражения; и результатом двухлетней борьбы за право могло стать внесение в законодательство положений, дискриминирующих творческих работников.

Благодаря активной позиции Общероссийского профсоюза работников культуры, не поддержавшего законопроект в названной редакции, он был обсужден 16 декабря 2021 г. в рамках рабочей группы Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений представителями сторон, представляющими: Правительство РФ, общероссийские объединения работодателей, общероссийские объединения профсоюзов, а также приглашенными лицами (автора настоящей статьи и обращения в Конституционный Суд РФ – Т. В. Русских) и направлен на доработку. С учетом обсуждения было проведено дополнительное совещание представителей Министерства культуры РФ и Общероссийского профсоюза работников культуры, в ходе которого была выработана единая позиция по обоснованной и справедливой оплате периода,

когда творческие работники не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают.

Как итог, 27 октября 2022 года в третьем чтении Государственной Думой РФ был принят законопроект № 99737-8 «О внесении изменений в статьи 157 и 351 Трудового кодекса Российской Федерации», а 4 ноября 2022 г. подписан Президентом РФ и опубликован Федеральный закон от 04.11.2022 № 434-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». В соответствии с новой редакцией Трудового кодекса РФ ч. 5 ст. 157 признается утратившей силу, ст. 351 излагается в новой редакции, согласно которой «Если творческие работники в соответствии с перечнями работ, профессий, должностей этих работников, утверждаемыми Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, в течение какого-либо времени не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают, то указанное время не является временем простоя и оплачивается в соответствии с частями третьей и четвертой настоящей статьи. Время, в течение которого творческие работники по инициативе работодателя либо по причинам, не зависящим от воли сторон, не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают, оплачивается в размере и порядке, которые устанавливаются коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором, но не менее тарифной ставки, оклада (должностного оклада) творческого работника с доплатами и надбавками компенсационного характера, доплатами и надбавками стимулирующего характера, не связанными с участием в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или выступлением, рассчитанными пропорционально указанному времени, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, рассчитанного пропорционально указанному времени. Время, в течение которого творческие работники по своей инициативе не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают, оплачивается в размере и порядке,

которые устанавливаются коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором».

Полагаем, что доработанный Закон согласуется с нашей идеей, положенной в основу обращения в Конституционный Суд РФ, соответствует Конституции РФ, целям и задачам трудового законодательства и правовой позиции Конституционного Суда РФ, подчеркивающего, что вины творческого работника в неучастии в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или невыступлении – нет.

Кроме того, в указанные периоды творческий работник, хотя и не участвует в выступлениях, продолжает работать. Поэтому сохранение за ним в указанные периоды не только тарифной ставки, оклада (должностного оклада), но и доплат и надбавок компенсационного и стимулирующего характера соответствует идеям социального государства и социальной справедливости. Право на доплаты и надбавки компенсационного и стимулирующего характера, например, за стаж и звание работник получает в результате долгой, упорной, качественной трудовой деятельности. Право на доплаты за работу в особых климатических условиях работник получает в результате работы именно в этих климатических условиях. Соответственно, если у работника возникло право на получение доплат и надбавок за уже достигнутые результаты труда, за его характер, то это право должно сопутствовать всей трудовой жизни работника при условии его работы в определенной должности. Недопустимо лишать творческих работников права на получение указанных доплат и надбавок в периоды их неучастия в создании и (или) экспонировании произведений по вине работодателя. Недопустимо перекладывание обязанности работодателя обеспечить работника работой на самого работника и, как следствие, – лишение работника законного права на доплаты и надбавки.

Следует отметить, что, вынося решения по вопросам о соответствии Конституции РФ тех или иных норм трудового законодательства, Конституционный Суд РФ всегда ставит вопрос о балансе интересов обеих сторон трудового договора, оперируя как свободой

труда, так и свободой экономической деятельности. Баланс соответствующих конституционных прав и свобод, являющийся необходимым условием гармонизации трудовых отношений в Российской Федерации как социальном правовом государстве, составляет правовую основу справедливого согласования прав и интересов работников и работодателей как сторон трудового договора. Преодолевая пробелы в правовом регулировании, на которые указывает Конституционный Суд РФ, законодателю следует в первую очередь исходить из норм Конституции РФ, провозглашающей Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Неприемлемо, на наш взгляд, интерпретировать позицию Конституционного Суда РФ о недопустимости нарушения трудовых прав работников с позиции, выгодной противоположной стороне трудового договора. Также недопустимо, защищая интересы работника, полностью отказываться от защиты интересов работодателя.

Конституционный контроль дополняет закон и обеспечивает правовое регулирование в соответствии с конституционно значимыми целями и задачами. Вместе с тем Конституционный Суд РФ может выступить реальным и действенным гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина в целом, свободы сторон трудового договора – в частности, только при соответствующем содействии со стороны органов законодательной и исполнительной власти, препятствующих разработке и принятию во исполнение Постановлений Конституционного Суда РФ нормативных правовых актов, носящих явный неконституционный характер.

**Т. З. Зинатуллин,**

*к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса*

*и правоохранительной деятельности ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ЦИФРОВОЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ВЗГЛЯД НА АКТУАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМУ**

В одной из наших статей изложено видение авторов по проблемам уголовно-процессуального доказывания в свете достижений современного научно-технического прогресса<sup>65</sup>. Изложенное получило свое обстоятельное развитие в дальнейшем в монографии профессора З. З. Зинатуллина «Уголовно-процессуальная наука постсоветской России»<sup>66</sup>, при этом в качестве исходного постулата предпослано указание на то, что «применение любых технических средств в уголовно-процессуальном доказывании допустимо лишь в условиях, когда жизнь и здоровье его участников не подвергается опасности»<sup>67</sup>.

Обращение авторов к анализу вышеуказанной проблемы, к институту уголовно-процессуального доказывания обусловлено его доминантным положением во всем том, что входит в содержание такого социально-правового явления, каким является уголовный процесс. Именно уголовно-процессуальное доказывание есть не только стержень уголовного процесса, но и его движущая сила, без которой уголовный процесс «представлял бы собой, по существу, лишь грудку теоретических постулатов относительно самого понятия уголовного процесса, стоящих перед ним целей и задач, возможных

---

<sup>65</sup>См.: Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Проблемы уголовно-процессуального доказывания в свете достижения современного научно-технического прогресса // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 3. С. 32–37.

<sup>66</sup>Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития современные проблемы. Общетеоретические доминанты. М., 2021. С. 109–115.

<sup>67</sup>Там же. С. 109.

средств и способов их достижения, но не раскрывал, как и посредством какой практической деятельности реально все это осуществить»<sup>68</sup>. Уголовный процесс, как видим, есть не что иное, как уголовно-процессуальное доказывание в действии, в урегулированной соответствующим законодательством деятельности тех, кто его осуществляет. Законодательство же, как известно, доминантная основа права всего того, что охватывается такой социальной категорией, как правовое пространство. Составной частью последнего является, в частности, и уголовно-процессуальное право, определяемое при всех своих разночтениях как «социально-обусловленная система выраженных в законе правил (норм), регулирующая деятельность по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, т. е. правил правовой процедуры, в которой реализуется назначение уголовного судопроизводства»<sup>69</sup>.

Содержание уголовно-процессуального права проявляется во вне в виде урегулированной уголовно-процессуальным законом деятельности соответствующих правоохранительных органов государства по выявлению и раскрытию преступлений, установлению виновных в их совершении лиц и последующим применением к ним справедливых мер уголовно-правового воздействия. В имманентной связи с возникающими в ходе такой деятельности правовыми отношениями и формируется такая доминанта, как уголовный процесс (уголовное судопроизводство) в виде «сложной системы регламентированных уголовно-процессуальным законом действий и отношений, складывающихся в результате деятельности судебных, прокурорских органов и органов предварительного расследования, осуществляющих при участии всех других участников в уголовно-процессуальной деятельности по выполнению назначения уголовно-

---

<sup>68</sup>Зинатуллин З. З. Избранные труды: в 2-х т. Т. 2. СПб. 2013. С. 9.

<sup>69</sup>Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. проф. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 48.

го процесса и стоящих перед ними конкретных практических задач»<sup>70</sup>.

Дефиниция уголовного процесса и его назначение в теории и правоприменительной практике стали достаточно прочно устоявшимися социально-правовыми явлениями. Речь может идти, как представляется, лишь об усовершенствовании отдельных его институтов и норм, в приведении их к согласованию с постоянно изменяющимися социально-экономическими реалиями.

Отрадно, что предложений в этом направлении в уголовно-процессуальной науке высказано много. И их поток существенно не снижается. Во многом они обусловлены существующим состоянием самого уголовно-процессуального законодательства в лице, в частности, УПК РФ. Содержание последнего в результате внесенных в него за 20-летний период своего действия изменений и дополнений существенно отличается от своей первоначальной редакции. Сегодня практически невозможно найти ученых-процессуалистов, которые бы не обосновывали необходимость создания нового УПК РФ, сопровождаемую, как правило, достаточно обоснованными предложениями по конструированию отдельных положений и норм Кодекса. В их числе и автор предлагаемой статьи<sup>71</sup>. Выразим надежду на создание в недалеком будущем нового УПК РФ.

Но при всех возможных изменениях и дополнениях уголовно-процессуального законодательства, его модернизации в соответст-

---

<sup>70</sup>Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России. М., 2021. С. 9. См. также: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. проф. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 48-49; Уголовный процесс / под ред. проф. К. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 9.

<sup>71</sup>Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. УПК РФ 2001 г. и проблема надлежащего уголовно-процессуального регулирования: материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового УПК РФ. М., 2002. С. 20–21; Зинатуллин З. З. Какой должна быть структура УПК РФ? // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2; Его же. Уголовно-процессуальная форма. М., 2014; Его же. De lege ferenda по структуре Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. Екатеринбург., 2020. № 4 (28). С. 24–29.

вии с современными научно-техническими достижениями, социально-правовая природа, сущность уголовного процесса (уголовного судопроизводства), его назначение, аксиологическая составляющая должны заключаться лишь в служении человеку, защите его естественных прав и свобод (ст. 2 Конституции РФ).

Доминантная составляющая уголовного процесса, его процессуальная форма в виде установленного уголовно-процессуальным законом порядка осуществления и оформления результатов соответствующей уголовно-процессуальной деятельности при всех условиях остается единой. Вносимые в уголовно-процессуальное законодательство корректировки, включая, в частности, как само наименование, так и содержание ч. 6 УПК РФ в виде «электронные документы и бланки уголовно-процессуальных документов» в редакции ФЗ от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ, регламентирующие оформление процессуальных действий, решений на бланках процессуальных документов (ст. 474 УПК РФ) и порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве (ст. 474.1 УПК РФ) не дают оснований утверждать о замене традиционного уголовного судопроизводства цифровым уголовным процессом, как это вытекает из сформулированного проф. Н. Г. Муратовой наименования главы 5, названной «Цифровой уголовный процесс: совершенствование законодательного механизма» в своей работе «Уголовный процесс: проблемы и идеи»<sup>72</sup>.

По тексту изложения содержания такой главы уважаемый профессор Н. Г. Муратова речь ведет о законодательной модели электронного облика уголовного судопроизводства (§ 5.1) и электронных следственных и судебных действиях: мифы и реальность (§ 5.2); о проблемах применения искусственного интеллекта при проверке сообщений о преступлениях (§ 5.3); искусственный интеллект, уголовный процесс и криминалистика: концептуальный подход (§ 5.4); о проблемах определения формулы расчета компенсационных выплат потерпевшим (§ 5.5); информационный вред

---

<sup>72</sup>См.: Муратова Н. Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи. М., 2021. С. 356.

и правовая культура в уголовном судопроизводстве (§ 5.6). Из приведенных наименований параграфов 5 главы работы проф. Н. Г. Муратовой видно, что автором цифровой уголовный процесс отождествляется с электронным уголовным судопроизводством, сопровождаемым, к тому же с идеей создания и правового регулирования даже единого международного цифрового уголовного судопроизводства<sup>73</sup>. Задумки, конечно, весьма интересны. Во втором же случае возникает необходимость в имплементации с множеством вопросов международно-правового порядка как на уровне общесоударственных проблем, так и тех, что связаны с уголовным судопроизводством.

Что касается отождествления цифрового уголовного судопроизводства с электронным, то надо полагать, что это не что иное, как своего рода «веление современности», во многом уже сложившееся состояние жизни современного социума<sup>74</sup>. Не учитывать этого уголовно-процессуальная наука в своем развитии просто не может.

Необходимо отметить, что профессор Н. Г. Муратова не ограничивается только изложением своего видения состояния проблемы электронного (цифрового) уголовного судопроизводства, но и формулирует свои суждения о поэтапном внедрении в правоприменительную практику достижений по отдельным направлениям становления электронного (цифрового) уголовного судопроизводства<sup>75</sup>. Полагали бы необходимым акцентировать внимание на синхронный с соответствующим законодательством их характер, без которого невозможно их становление и развитие уголовного судопроизводства.

В заключение полагаем необходимым отметить, что электронное (цифровое) уголовное судопроизводство есть лишь согласуемая

---

<sup>73</sup>См.: Муратова Н. Г. Указ. соч. М., С. 263.

<sup>74</sup>См. об этом: Сергеев М. С. Правовое регулирование электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: отечественный и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 3–8, с. 11–12, с. 15–16.

<sup>75</sup>См.: Муратова Н. Г. Указ. соч. С. 362.

с уровнем современного развития социума уголовно-процессуальная форма такой неизменной доминанты, каким является уголовный процесс (уголовное судопроизводство) как остро необходимое государственное средство противодействия такому общечеловеческому злу, каким является преступность, действенным инструментом обеспечения безопасности и защиты прав и свобод человека как высшей ценности во всем мироздании.

**С. Ю. Туров,**

*к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса*

*и правоохранительной деятельности ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ И ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ**

С использованием современных цифровых технологий все чаще предметом преступного посягательства становятся деньги на банковских счетах и электронные денежные средства, при этом их хищение осуществляется дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации.

По данным Генеральной прокуратуры РФ в 2021 г. на деяния против собственности пришлось более половины всех выявленных преступлений. Самым распространенным преступлением остается кража (733,1 тыс.). За прошедший год зарегистрировано около 155,4 тыс. краж, совершенных с банковских счетов или в отношении электронных денежных средств, за 2020 г. – более 169,5 тыс., за 2019 г. – 93,7 тыс.

Наиболее распространены мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации, на них пришлось около 73 % всех хищений (249,2 тыс.), совершенных путем обмана или злоупотребления доверием. При совершении 10,3 тыс. мошенничеств использовались электронные средства платежа. В сфере компьютерной информации совершено 431 мошенничество. В целом, на деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или

в сфере компьютерной информации, в 2021 г. пришлось одно из четырех зарегистрированных преступлений (517,7 тыс.)<sup>76</sup>.

Как следует из обзора Банка России об операциях, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций, в 2021 г. количество и объем операций без согласия клиентов увеличились по сравнению с 2020 г. на 33,8 и 38,8 % соответственно на фоне активного развития новых дистанционных платежных сервисов и роста объема денежных переводов (+ 28 %, до 1 048,4 трлн руб.) с использованием электронных средств платежа (платежные карты и иные электронные средства платежа). В 2021 г. зафиксировано 83,9 тыс. случаев использования платежных карт без согласия их владельцев в банкоматах или терминалах на общую сумму 1 971,2 млн руб., из которых 22,5 % операций произошло в результате использования злоумышленниками приемов и методов социальной инженерии, при которых они вынуждали жертву совершать перевод. Злоумышленниками использовались звонки от специалистов якобы «службы безопасности банка», «правоохранительных органов» и «Центрального банка», автоинформаторов и роботизированных помощников.

Наряду с самыми распространенными способами хищения средств с банковских счетов, основанных на психологических методах убеждения, обмана или запугивания посредством телефонной связи, злоумышленники используют социальные сети, интернет сайты и публикации, специальные компьютерные вредоносные программы, считывающие устройства, наклейки на пин-пады банкоматов, маскируют фишинговые сайты под сайты действующих кредитно-финансовых организаций для получения персональных сведений пользователей или данных для входа в онлайн-банк, а также информацию по банковским картам. Кроме того, злоумышленники активно используют сайты с информацией о возможности получения компенсационных выплат от государства или о возможности зарабо-

---

<sup>76</sup>Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ.  
URL: <https://epp.genproc.gov.ru/>

тать денежные средства за прохождение опроса, теста и т. п. Актуальным направлением в 2021 г. стали поддельные сайты известных маркетплейсов, магазинов по продаже электроники, бытовой техники, компьютеров и т. д.<sup>77</sup>

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, а также мошенничество с использованием электронных средств платежа дополнили перечень особо квалифицированных видов кражи и мошенничества в сфере компьютерной информации<sup>78</sup>. По мнению авторов этого Федерального закона, общественную опасность указанных деяний усиливает специфика способа совершения преступления – использование удаленного доступа к банковскому счету при помощи технических средств, позволяющих лицу оставаться анонимным и совершать преступление из любой точки мира, имея лишь доступ к сети Интернет. При этом способы обхода систем безопасности могут быть рассчитаны на многократное применение, в том числе использоваться для доступа не только к банковским счетам, но и иным охраняемым и особо охраняемым данным<sup>79</sup>.

Введение в Уголовный кодекс РФ<sup>80</sup> норм, предусматривающих ответственность за кражу с банковского счета и электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мо-

---

<sup>77</sup> Официальный сайт Банка РФ. URL: <https://cbr.ru/analytics/ib/>

<sup>78</sup> О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>79</sup> Пояснительная записка к проекту федерального закона № 186266-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

<sup>80</sup> Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.09.2022). Здесь и далее ссылки на нормативно-правовые акты приведены по справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

шенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), породило не мало дискуссий относительно места окончания указанных преступлений, которое является определяющим при установлении их территориальной подследственности и подсудности<sup>81</sup>.

В итоге Верховный Суд РФ разъяснил в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»<sup>82</sup>, а также в п. 25.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»<sup>83</sup>, что если предметом преступления при мошенничестве и краже являются безналичные денежные средства и электронные денежные средства, то такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Местом окончания такого мошенничества и кражи является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета.

---

<sup>81</sup> См.: Качановский А. Квалификация телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 5; Лукинов А. Место расследования телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 9; Фрост С., Федосов А. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных средств платежей // Законность. 2015. № 1; Кузнецов А. А., Бондарева Е. В. Правила определения подследственности дел о мошенничествах, совершенных с использованием средств сотовой связи // Уголовный процесс. 2015. № 7; Россинский С. Б., Приходько А. А. Как определять территориальную подследственность уголовных дел в сложных случаях // Уголовный процесс. 2016. № 11.

<sup>82</sup> Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>83</sup> Пункт 25.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 152 УПК РФ, предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Если преступление начато в одном месте, а окончено в другом месте, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления (ч. 2 ст. 152 УПК РФ).

Помимо общего правила определения территориальной подследственности уголовных дел, в чч. 2–4.1 и 6 ст. 152 УПК РФ регламентированы специальные правила определения территориальной подследственности уголовного дела, которые допускают производство предварительного расследования и в ином месте, отличающемся от места совершения деяния, содержащего признаки преступления. По мотивированному постановлению руководитель вышестоящего следственного органа может передать уголовное дело для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган с письменным уведомлением прокурора о принятом решении (ч. 6 ст. 152 УПК РФ).

Неизменность правил подследственности подтвердил Конституционный Суд РФ, который в своих определениях от 29.09.2020 № 2069-О<sup>84</sup> и 08.07.2021 № 1369-О<sup>85</sup> оценил складывающуюся в последнее время практику как не основанную на законе, когда руководитель вышестоящего следственного органа, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, изымает уголовное дело у следователя из одного подразделения и передает его в другое равнозначное территориальное подразделение для дальнейшего расследования. Из позиции Конституционного Суда РФ следует, что руководитель следственного органа вправе передавать дела для предварительного расследования в случаях, предусмотренных в чч. 2–4.1 и 6 ст. 152 УПК РФ, а руководитель следственного подразделения (отдела) может передавать дела от одного следователя другому исключительно в рамках

---

<sup>84</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2069-О // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>85</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 08.07.2021 № 1369-О // СПС «КонсультантПлюс».

своего конкретного следственного подразделения. В свою очередь, заинтересованное лицо вправе обжаловать решение о передаче уголовного дела в другой следственный орган в порядке ст. 124, 125 УПК РФ.

Отмечая значимость правовых позиций Конституционного Суда РФ при осуществлении правоприменительной и правоохранительной деятельности, следует упомянуть еще одно определение от 25.11.2020 № 2600-О<sup>86</sup>, в котором Конституционным Судом РФ указано, что нормы ст. 38 и 152 УПК РФ закрепляют полномочия следователя возбуждать уголовное дело в пределах его компетенции, определяемой в том числе по общим и специальным правилам территориальной подследственности, а также в не терпящих отлагательства случаях незамедлительно возбуждать уголовное дело, проводить неотложные следственные действия и передавать его по подследственности.

Однако, несмотря на данные положения Закона, разъяснения Верховного Суда РФ и позицию Конституционного Суда РФ, на практике установленные правила подследственности не всегда соблюдаются. Расследование указанных преступлений производит правоохранительный орган по месту обнаружения преступления либо совершения злоумышленником активных преступных действий, например, по месту хищения банковских карт и мобильных телефонов (используемых для снятия денег со счета при помощи услуги мобильный банк), нахождения банкомата, через который сняты деньги со счета; по месту нахождения торговой организации, где произведена оплата банковской картой потерпевшего и т. п.

Во многом это связано с тем, что подразделение банка или иной кредитной организации, в котором потерпевшим открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств, находится на значительном расстоянии (в разных субъектах и округах РФ) от места обнаружения преступления и не совпадает с местом жительства потерпевшего и (или) нахождения большинства свиде-

---

<sup>86</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2600-О // СПС «КонсультантПлюс».

телей или подозреваемого (обвиняемого). К тому же некоторые банки и кредитные организации сосредоточены в федеральных центрах, которые указываются в качестве адреса открытия и ведения счетов клиентов. Все эти обстоятельства существенным образом затрудняют расследование, создают препятствия для эффективного и своевременного производства следственных и иных процессуальных действий.

Как правило, по окончании расследования такие уголовные дела направляются в суд по месту нахождения правоохранительного органа, производившего расследование. И это несмотря на то, что прокуроры, утверждая обвинительные заключения, должны руководствоваться указанием Генерального прокурора РФ от 19 декабря 2011 г. № 433/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел», возлагающим на них обязанность реагировать на нарушения подследственности<sup>87</sup>. В этих случаях прокуроры оставляют за судом право определить подсудность.

Реализация закрепленного статьей 47 (ч. 1) Конституции Российской Федерации права каждого на законный суд, предполагающего рассмотрение его дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом<sup>88</sup>, в уголовном судопроизводстве обеспечивается путем закрепления правил подсудности, в том числе на основе предметного (родового) и территориального признаков.

Территориальная подсудность уголовных дел неразрывно связана с территориальной подследственностью. Она также определяется с учетом места совершения преступления и других, указанных в законе обстоятельств (чч. 1–3 и 5.1 ст. 32 УПК РФ). Если не все участники производства по уголовному делу проживают на терри-

---

<sup>87</sup> Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел: Указание Генпрокуратуры РФ от 19 декабря 2011 г. № 433/49 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>88</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

тории, на которую распространяется юрисдикция суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного дела (подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ), а также в иных случаях, указанных в ч. 4 ст. 32 и в ст. 35 УПК РФ, то территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена.

В силу чч. 1.1, 2, 3 ст. 35 УПК РФ ходатайство об изменении территориальной подсудности уголовного дела по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 35 УПК РФ, стороны подают в вышестоящий суд через суд, в который поступило уголовное дело. Изменение территориальной подсудности уголовного дела по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 35 УПК РФ, допускается лишь до начала судебного разбирательства.

Вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела разрешается судьей вышестоящего суда в порядке, установленном чч. 3, 4, 6 ст. 125 УПК РФ.

Таким образом, в каждом случае при поступлении территориально неподсудного дела суду приходится выяснять и учитывать волеизъявление подсудимого по изменению территориальной подсудности рассмотрения уголовного дела.

С учетом сложившихся реалий в юридической науке справедливо обращается внимание на недостатки процессуальной регламентации институтов подсудности и подсудности в УПК РФ по сравнению с УПК РСФСР 1960 г.<sup>89</sup>, которым предусматривалась возможность в целях обеспечения наибольшей быстроты, объективности и полноты расследования осуществлять его производство по месту обнаружения преступления, а также по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей. Вопрос о подсудности дела решался прокурором по месту, где следствие начато (ст. 132 УПК РСФСР). Если определить место совершения преступления невозможно, подсудность уголовного дела определялась по месту окончания предварительного следствия или

---

<sup>89</sup> Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (недействующая редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

дознания по делу (ст. 41 УПК РСФСР). В случае установления неподсудности уголовного дела суд обладал правом оставить дело в своем производстве, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании (ст. 43 УПК РСФСР). Так, авторы Т. Р. Хутов, И. Е. Боровков считают, что законодатель в УПК РФ необоснованно отказался от возможности расследования дела и последующего его рассмотрения в суде по месту обнаружения преступления (в том числе по месту заявления потерпевшим). Неурегулированность определения правил подследственности и подсудности ими предложено устранить путем внесения в УПК РФ изменений, позволяющих (при невозможности установления места совершения преступления) подследственность уголовного дела определять по месту выявления преступления, в том числе по месту нахождения потерпевшего, заявившего о совершении в отношении него преступления, а подсудность – по месту окончания предварительного расследования<sup>90</sup>. В юридической литературе имеются и другие подходы по устранению неясности и логической несогласованности норм о подсудности. По утверждению А. М. Угрениновой, формирование единой судебной практики рассмотрения отдельных категорий уголовных дел и устранение правовой неопределенности может быть достигнуто путем толкования Верховным Судом РФ положений УПК РФ о подсудности<sup>91</sup>. Отмечая важность данного мнения, вынуждены с ним не согласиться, поскольку предусмотренные действующим Законом основания изменения территориальной подсудности являются исчерпывающими и расширительному толкованию не подлежат. К тому же подобными разъяснениями Верховный Суд РФ предопределил подследственность уголовных дел, которая устанавливается органами расследования и относится к их исключительной компетенции. Верховный Суд РФ может воспользоваться своим

---

<sup>90</sup>См.: Хутов Т.Р., Боровков И.Е. Как определять место хищения криптовалюты // Уголовный процесс. 2021. № 10.

<sup>91</sup> См.: Угренинова А.М. Подсудность в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург 2018. С. 103–104.

правом, предусмотренным п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022)<sup>92</sup>, и разъяснить момент окончания преступления во времени и пространстве, что позволит определить территориальную подсудственность и подсудность уголовного дела.

Рассматривая правовое регулирование данных институтов, необходимо обратить внимание на Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств участников СНГ (далее – МУПК)<sup>93</sup>, согласно которому предварительное следствие проводится в том районе, где совершено преступление (ч. 1 ст. 235 МУПК). В целях быстроты и полноты предварительное следствие может проводиться по месту обнаружения преступления, а также по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей (ч. 2 ст. 235 МУПК). Суду подсудны только дела о преступлениях, которые предполагаются органами уголовного преследования совершенными на его территории (ч. 1 ст. 78 МУПК). Если нарушение правил территориальной подсудности дела будет установлено в судебном разбирательстве, то с согласия сторон суд вправе оставить дело в своем производстве. В случае возражения какой-либо из сторон дело направляется по подсудности (ч. 2 ст. 80 МУПК).

Динамические изменения общественной жизни, трансформация социальных, экономических, политических отношений приводят к необходимости внесения в действующее законодательство системных изменений. Причем такие изменения должны учитывать интересы общества, государства и складывающуюся правоприменительную практику.

---

<sup>92</sup>О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>93</sup>Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств участников СНГ. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-6 от 17 февраля 1996 года). URL: <https://online.zakon.kz/>

Для определения современных российских приоритетов в формировании подследственности и подсудности уголовных дел значимым является учет опыта стран постсоветского пространства, который во многом связан с процессами интеграции национального законодательства с международным правом с учетом национальных, идеологических, религиозных особенностей и интересов общества. Основным фактором, определяющим территориальную подследственность и подсудность в уголовно-процессуальном законодательстве стран постсоветского пространства, является место совершения деяния, содержащего признаки преступления. Возможность изменения территориальной подсудности связана с согласием всех сторон или подсудимого. Изменение территориальной подследственности и подсудности допускается в исключительных случаях. В большинстве стран уголовно-процессуальные нормы, регулирующие порядок определения территориальной подследственности и подсудности, сконструированы по принципу процессуальной экономии и направлены на рациональное использование процессуальных средств, необходимых и достаточных для правильной и эффективной уголовно-процессуальной деятельности<sup>94</sup>.

По нашему мнению, ч. 4 ст. 152 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «В целях обеспечения наибольшей быстроты, полноты и объективности предварительного расследования оно может производиться по месту обнаружения преступления или

---

<sup>94</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.09.1998 № ЗР-248; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V; Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Туркменистан от 18.04.2009; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 1013-XII); Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009. URL: <https://online.zakon.kz/>

по месту наступления его последствий, а также по месту нахождения обвиняемого (обвиняемых), потерпевшего (потерпевших) или большинства свидетелей».

Дополнить ст. 32 УПК РФ положениями, согласно которым «Если определить место совершения преступления невозможно, то дело подлежит рассмотрению в том суде, на территории деятельности которого закончено дознание или предварительное следствие по делу».

Часть 2 ст. 34 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Если подсудность дела другому равнозначному суду выяснилась в судебном заседании, суд продолжает рассмотрение дела, когда это не влечет за собой ущерба для полного исследования обстоятельств дела, в противном случае суд направляет дело по подсудности, о чем выносит постановление (определение)».

Подпункт «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ в действующей редакции исключить, дополнить пунктом 2.2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, согласно которому: «С целью обеспечения оперативности и эффективности уголовного производства председатель вышестоящего суда по ходатайству сторон вправе передать уголовное дело на рассмотрение другого суда по местонахождению обвиняемого (обвиняемых), большинства участвующих в нем потерпевших и свидетелей или иным причинам, связанным с меньшим размером процессуальных расходов».

Введение в УПК данных норм не затронет гарантированного права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом<sup>95</sup>, так как процессуальное решение, принимаемое по установленным ст. 152 УПК РФ правилам, в любом случае должно соответствовать требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ и может быть обжаловано руководителю следственного органа, прокурору или в суд (ст. 123, 124 и 125 УПК РФ). Обвиняемый

---

<sup>95</sup> Руководство по статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект) // CouncilofEurope/EuropeanCourtofHumanRights. 2014. URL: [www.echr.coe.int](http://www.echr.coe.int)

и другие участники процесса имеют право заявлять ходатайства и отводы в порядке, предусмотренном главой 9 УПК РФ, в связи с выявлением обстоятельств, свидетельствующих о проявившихся предвзятости и необъективности в тех или иных его действиях и решениях по делу.

Указанные нами корректировки УПК РФ представляются сегодня настоятельно необходимыми для повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по делам о преступлениях против собственности, связанных с хищением с банковских счетов, электронных денежных средств, совершенных с использованием электронных средств платежа, в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации; для равномерного распределения нагрузки между правоохранительными органами и судами; обеспечения надлежащей и своевременной защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, возмещения причиненного преступлением ущерба.

***Н. П. Шайхутдинова,***

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры экологического,*

*природоресурсного и трудового права ИПСУБ*

*ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ «ПРЕЗИДЕНТСКИХ» НЕРАБОЧИХ ДНЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ**

В условиях пандемии весь мир вынужден прибегнуть к необходимости введения самоизоляции для некоторых категорий граждан, что влечет за собой некоторые ограничения их прав. В том числе эти ограничения касаются возможности свободного передвижения граждан, связанной с необходимостью ходить на работу. Данные меры, прежде всего, направлены на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности. Сложная эпидемиологическая ситуация вынуждает применять такие меры и на территории Российской Федерации. В связи с этим по Указу Президента РФ были объявлены нерабочие дни с сохранением заработной платы. Введение нерабочих дней в связи с пандемией впервые прозвучало в Указах Президента РФ от 25 марта 2020 года № 206 [1] и от 28 апреля 2020 года № 294 [2]. В связи с дальнейшим распространением коронавирусной инфекции был принят Указ Президента РФ от 20.10.2021 года № 595 [3]. Вместе с этими документами в терминологический оборот вошло понятие «нерабочие дни», ранее неизвестное трудовому праву. Трудовое право России активно оперирует такими понятиями как «нерабочие праздничные дни», «выходные дни», «рабочие дни», но ни одно из этих понятий не раскрывает содержания понятия «нерабочие дни». Исследованию данного понятия со стороны научной общественности посвящено несколько публикаций, где это понятие анализируется и с позиции науки трудового права, и с позиции практики применения. Так, А. Н. Чашин рассматривает данное понятие с учетом конституционного статуса человека и гражданина [4], А. В. Михайлова анализи-

рует проблему начисления заработной платы в нерабочие дни [5]. Проблеме оплаты нерабочих дней посвящена также статья Н. М. Саликовой и Ю. А. Кучиной [5]. С. Ю. Головина [7] и С. Н. Еремина [8] в целом говорят о проблемах правового регулирования в данный период.

В данной статье сделана попытка рассмотреть проблемы реализации работодателями нерабочих дней с различных сторон. Стоит согласиться с утверждением С. Ю. Головиной о том, что, как показала практика борьбы с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), существующих сегодня правовых средств реагирования на подобные ситуации в трудовом праве недостаточно [7].

Одной из ярко выраженных проблем реализации «нерабочих дней» встал вопрос об оплате труда в такие дни, т. к. в указах Президента нерабочие дни рассматриваются как оплачиваемые дни. Поскольку Трудовой кодекс РФ не оперирует таким понятием, как «нерабочие дни», то соответственно, не определяет и механизм их оплаты. Исходя из принципа равенства прав и возможностей работников, справедливо заметить, что положение работников, работающих и неработающих в указанные дни, противоречит данному принципу. В соответствии с ч. 2 ст. 22 ТК РФ работодатель обязан обеспечить равную оплату за труд равной ценности. Данную обязанность работодатель также не может выполнить. В результате положение работодателя таково, что, с одной стороны, он обязан обеспечить исполнение указов Президента и всем работникам, работающим и неработающим, выплатить одинаковую зарплату, а с другой стороны, он также обязан обеспечить требование федерального закона об обеспечении права каждого на справедливые условия труда и о запрещении дискриминации в сфере труда. В сложившихся условиях работодателя, имеющие гибкую систему оплаты труда, стали массово прибегать к отмене всякого рода доплат и надбавок в отношении работников, неработающих, но получающих заработную плату в нерабочие дни, выплачивая им только оклад (тарифную ставку). Известная конструкция оплаты времени простоя в данной ситуации более приемлема, по нашему мнению, поскольку сохранение  $\frac{2}{3}$

средней заработной платы в большей степени соответствует реализации принципа справедливости.

В связи с введением «нерабочих дней» появилась масса вопросов по поводу их оформления. В частности, встал вопрос о необходимости издания приказа работодателя об установлении нерабочих дней, или достаточно следовать требованиям указов Президента? Поскольку в самом указе не содержится прямого требования о необходимости издавать работодателем приказ, то его отсутствие не рассматривается как правонарушение. Но отсутствие приказа, по нашему мнению, возможно только в случае, когда работодатель в нерабочие дни сочтет нужным никого не привлекать к работе. Вместе с тем в п. 5 Указа Президента от 20.10.2021 № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре–ноябре 2021 года» дается возможность органам публичной власти, иным органам и организациям определить численность служащих и работников, обеспечивающих в нерабочие дни функционирование этих органов и организаций. Следовательно, работодатель вынужден издать приказ, поскольку в кадровом делопроизводстве, как правило, численность работников определяется письменно.

Одновременно при оформлении нерабочих дней встает вопрос о том, каким образом их отмечать в таблице использования рабочего времени, поскольку такой вид правовой конструкции, как нерабочий оплачиваемый день, ранее в кадровом делопроизводстве не учитывался. В данном случае, по нашему мнению, возможно только введение работодателем дополнительного вида обозначения по своему усмотрению. Специалисты в области кадрового делопроизводства советуют использовать обозначение «НОД», что означает «нерабочий оплачиваемый день».

Проблемой реализации нерабочих дней явился также вопрос установления сроков в отдельных правовых ситуациях. Так, при увольнении работника в период нерабочих дней стоит ли переносить дату его увольнения в соответствии со ст. 14 ТК РФ, которая гласит, что «если последний день срока приходится на нерабочий день,

то днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день»? Но вопреки указанному требованию в «президентские» нерабочие дни нет необходимости переносить день увольнения работника, поскольку работодатель, обеспечивая функционирование организации в соответствии с п. 5 Указа от 20.10.2021, обязан обеспечить также соблюдение прав работников. Так как нормы Указа не содержат жесткого запрета на работу в эти дни, то работодателю необходимо организовать присутствие на работе сотрудников, отвечающих за оформление кадровых документов при увольнении работника и выдачу расчета.

Закономерно встал вопрос и о необходимости переноса отпусков, ранее запланированных на период «президентских» нерабочих дней. Работники заинтересованы в том, чтобы отдохнуть в объявленные нерабочие дни, не используя для этого дни очередного оплачиваемого отпуска, и потому обращаются к работодателю об их переносе на другое время. Возникает ли в связи с этим обязанность работодателя удовлетворить обращения работников, используя по аналогии положения ст. 120 ТК РФ, предусматривающей правило о невключении нерабочих праздничных дней в число календарных дней оплачиваемого отпуска? Поскольку трудовое законодательство не оперирует понятием «нерабочие оплачиваемые дни», то и прямого ответа на данный вопрос в законе не содержится. Но следуя требованиям ч. 2 ст. 123 ТК РФ, где говорится, что «график отпусков обязателен как для работодателя, так и для работника», полагаем, что независимо от того, включает ли отпуск в себя «президентские» нерабочие дни, он должен быть использован строго по графику отпусков. Право требования о предоставлении отпуска в другое удобное для себя время предоставлено только отдельным категориям работников. Ни по желанию работника, ни тем более в связи с нерабочими днями с сохранением заработной платы перенесение отпуска по ст. 124 ТК РФ не предусматривается. Дополнительные основания перенесения отпуска могут предусматриваться только в локальных нормативных актах работодателя.

Спорным является также вопрос о сроках выплаты заработной платы, выпадающих на период «президентских» нерабочих дней. Согласно ч. 8 ст. 136 ТК РФ «при совпадении дня выплаты с выходным или нерабочим праздничным днем выплата заработной платы производится накануне этого дня». Формально действие ст. 136 ТК РФ не распространяется на объявленные нерабочие дни. Но по поводу аналогичной ситуации Минтруд России разъяснил в письме от 31 мая 2021 г. № 14-3/ООГ-4986 «О порядке привлечения к работе и оплаты труда в нерабочие дни в мае 2021 г. в связи с коронавирусной инфекцией» [9]. В частности, Минтруд России указал, что «если срок выплаты заработной платы совпадает с нерабочими днями, рекомендуется выплатить заработную плату до их начала...».

Закономерно возникает вопрос об оплате листков временной нетрудоспособности в период нерабочих оплачиваемых дней. Согласно ч. 8 ст. 6 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ [10] пособие по временной нетрудоспособности выплачивается застрахованному лицу во всех случаях за календарные дни, приходящиеся на соответствующий период, за исключением календарных дней, приходящихся на периоды, указанные в ч. 1 ст. 9 указанного закона. Поскольку «президентские» дни предусматриваются как оплачиваемые, то несмотря на отсутствие этого вида дней в нормах Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ, они подлежат оплате на общих основаниях.

Таким образом, в связи с отсутствием в ряде случаев правового регулирования нерабочих «президентских» дней трудовые отношения, связанные с их применением, регулируются преимущественно путем применения права по аналогии с учетом особенностей введения этих дней.

### **Список литературы**

1. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 // СПС «КонсультантПлюс».

2. О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 28.04.2020 № 294 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре–ноябре 2021 г.: Указ Президента РФ от 20.10.2021 года № 595 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Чашин А. Н. Указные нерабочие дни» в свете конституционного равенства // Евразийская адвокатура. 2020. № 2(45). С. 47–49.

5. Михайлова А. В. Особенности начисления заработной платы в связи с нерабочими днями // Основные пути решения в области бухгалтерского учета, экономического анализа, контроля и аудита в условиях цифровизации экономики РФ: сборник научных трудов I Всероссийской науч.-практ. конф. М., 2020. С. 88–91.

6. Саликова Н. М. Президентские "нерабочие дни": проблемы оплаты / Н. М. Саликова, Ю. А. Кучина // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 45–48.

7. Головина С. Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 3–8.

8. Еремина С. Н. Нерабочие дни в трудовом праве: проблемы правового регулирования // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 40–43.

9. О порядке привлечения к работе и оплаты труда в нерабочие дни в мае 2021 г. в связи с коронавирусной инфекцией: Письмо Минтруда России от 31.05.2021 № 14-3/ООГ-4986 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

*Д. Д. Барамидзе,*

*к. ю. н., доцент кафедры экологического,*

*природоресурсного и трудового права, ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **МЕСТО И РОЛЬ АРКТИЧЕСКОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ**

Использование ресурсного потенциала Арктики определило развитие Арктической зоны Российской Федерации в качестве перспективного направления отечественной политики. По оценкам исследователей, в Арктике залегают 13 % мировых запасов нефти и газа, и практически 90 % углеводородов расположены в пределах исключительных экономических зон и континентального шельфа Российской Федерации и США [1].

Основные направления государственной арктической политики устанавливаются в Основах государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 г. [2] и Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. [3]. Весомое значение в определении направлений государственной арктической политики имеет Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 г. [4], закрепившая в качестве существенной опасности возможность попадания нефти и нефтепродуктов в природную среду Арктики. В Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. [5] отмечено, что происходящие глобальные климатические изменения способны вызывать резкий дефицит продовольствия и обострить конкуренцию за доступ к ресурсам, в том числе арктического региона.

Несмотря на значимость государственных арктических программ, закрепивших национальные интересы, стратегические цели и задачи в Арктике, российское «арктическое» законодательство пополнилось нормами федерального законодательства. Так, первый подобный закон в Российской Федерации, принятый 13 июля 2020 г., № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринима-

тельской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [6] направлен на правовое регулирование осуществления государственной поддержки в Арктике. Не вызывает сомнений практическая необходимость появления законодательства, способного закрепить правовые основы развития арктической инфраструктуры.

Однако необходимо учитывать, что социально-экономическое развитие арктического макрорегиона неминуемо приведет к повышению антропогенной нагрузки и увеличению экологических рисков возникновения природных и техногенных катастроф [7]. Осуществление хозяйственной и иной деятельности осложнено природно-климатическими условиями и наличием объектов накопленного вреда окружающей среде. Кроме того, согласно результатам исследования Арктического и Антарктического научно-исследовательского института Арктика оказывает стабилизирующее воздействие на природно-климатические процессы и опасные погодные явления, на ликвидацию последствий которых Российская Федерация тратит порядка 30–60 млрд рублей ежегодно [8]. Природные компоненты Арктической зоны обладают крайне низкой способностью к самоочищению, и загрязнения могут принять хронический характер. Нельзя забывать, что население Российской Арктики составляет порядка 2,5 млн человек, включая 250 тыс. представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, Арктическая зона России характеризуется как высокоперспективный макрорегион, освоение и развитие которого связано с повышенными экологическими рисками и суровыми природно-климатическими условиями.

Становление полноценной арктической политики России и «арктического» законодательства позволяет говорить о формируемой тенденции к обособлению арктического права в рамках самостоятельного научно-правового явления. Затруднительно однозначно заявлять о самостоятельной отрасли или месте арктического права в системе российского права вообще [9], тем не менее прослеживаются отдельные неотъемлемые признаки. Так, по мнению А. П. Анисимова, современный подход к отраслевой диф-

ференциации в России характеризуется наличием совокупности некоторых элементов – «существует определенная сфера общественной жизни, достаточно обширная, обладающая ярко выраженной качественной спецификой и социальной значимостью, причем в данной сфере действует достаточно большое число правовых норм, в основном не вписывающихся ни в одну из традиционных отраслей права, но составляющих единую систему со своей внутренней структурой, собственными источниками, принципами и правовым режимом, – есть все основания ставить вопрос о формировании новой отрасли права» [10].

Действительно, общественная, публичная значимость регулирования общественных отношений, возникающих и прекращающихся относительно развития и продолжающегося освоения арктических пространств, несомненна. Положения вышеназванных и прочих государственных программ позволяют предположить значимость социально-экономического развития Арктики не только в России и арктических государствах, но и за пределами арктического макрорегиона, в государственной политике неарктических государств, например: Китая, Индии, Японии, Германии или Бразилии. Российская Арктика неизменно остается сосредоточением многочисленных государственных устремлений, связанных с отстаиванием геополитических и международных интересов России. В современном мире значимость приобретает охрана окружающей среды Арктики и обеспечение рационального природопользования, составляющие неотъемлемый элемент устойчивого развития арктического макрорегиона. Экономическая заинтересованность в освоении природоресурсного потенциала неразрывно связана с открывающейся возможностью судоходства в Северном Ледовитом океане посредством Северного морского пути – перспективной национальной транспортной артерии России. Таким образом, многогранные проявления «арктической проблематики», связанной с экономикой, экологией, социальным развитием, обеспечением национальной безопасности и международными отношениями с арктическими и неаркти-

ческими государствами, представляют самостоятельную крупную группу общественных отношений.

Обращает внимание продолжающееся становление в системе российского законодательства системы взаимосвязанных правовых актов, выступающих предметной основой «арктического права». В первую очередь, многочисленные государственные программы, заложившие основы государственной арктической политики в России и определившие векторы развития законодательства. Несмотря на отсутствие юридически обязательных норм, положения государственных программ нельзя назвать простыми декларациями, содержащими пожелания или только обозначающими проблематику. К анализу положений государственных программ, отражающих арктическую политику, следует относиться как к нормам-принципам или нормам-идеям, закладывающим основные направления (цели и задачи) существования правового режима Арктической зоны РФ.

В этой связи весьма примечательно принятие в качестве системообразующего арктического закона – Федерального закона от 13 июля 2020 г. «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [6]. Социально-экономическое развитие отдаленных северных регионов России, оставленных без необходимого внимания после развала СССР, находится в заметном упадке. Сегодня Россия стремится восстановить отдельные инфраструктурные объекты Севера, включая транспортную доступность и возможность круглогодичного проживания и осуществления хозяйственной или иной деятельности. Реализуется программа предоставления земель сельскохозяйственного назначения с выгодными условиями использования – «арктический гектар». Несмотря на социально-экономическую значимость, обеспокоенность принятием подобного федерального закона вызывается отсутствием упоминаний природно-климатических особенностей Арктической зоны России, суровых условий осуществления предпринимательской деятельности, значительно повышающих не только экономические издержки, но и экологические риски.

О возможности и необходимости принятия системообразующего нормативно-правового акта (не обязательно федерального закона), отображающего отличительные черты, присущие Арктической зоне, говорилось неоднократно. Российским законодателем и научными деятелями предпринимались неоднократные попытки принятия законопроекта. Первый законопроект, подготовленный в 1998 г., закреплял понятие и состав Арктической зоны и устанавливал особенности правового регулирования отдельных видов деятельности в макрорегионе [11]. Несмотря на обоснованную критику, в законопроекте, помимо регулирования отношений налогообложения и трудовых правоотношений, содержались требования к осуществлению хозяйственной деятельности в Арктике, тем самым придавая статус поистине системообразующего правового документа. Так, ст. 11 предусматривала установление «особых» требований при осуществлении хозяйственной деятельности в Арктической зоне России в целях охраны окружающей среды, сохранения природных комплексов и обеспечения наилучших условий жизни населения и охраны здоровья граждан, в отличие от действующего Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», определившего исключительно экономические цели и задачи. Поскольку ст. 1 названного Закона предусматривает «определение правового режима Арктической зоны России», закрепляя статус системообразующего, правовой режим – комплексная правовая категория – включает разнообразные перспективные задачи, включая экологические, социальные и геополитические, в совокупности обеспечивающие устойчивое развитие России и Арктики.

Сложнее определить совокупность общественных отношений, составляющих предмет явления, называемого «арктическое право». Как отмечает С. А. Боголюбов, «поиски самостоятельного предмета правового, законодательного регулирования в Российской Арктике могут проводиться с разных позиций и по различным основаниям, но охватывать наиболее существенные общественные отношения, заслуживающие регулирования на федеральном, региональном

уровнях» [12]. В последующих после 1998 г. законопроектах в качестве предмета правового регулирования предлагались «отношения между субъектами права, складывающиеся в процессе реализации основных целей и направлений государственной политики Российской Федерации на территории Арктической зоны...» [13]. Предмету правового регулирования следует отличаться стабильностью и определенностью, т. к. он отражает непосредственно имеющие место общественные отношения. Зависимость регулирования отношений от политики государства, выраженной многочисленными актами, не предполагает наличие постоянства.

Несмотря на наличие противоречивого системообразующего Федерального закона, арктическое законодательство продолжает развиваться на подзаконном уровне. Так, в 2014 г. Указом Президента РФ утверждены сухопутные территории Арктической зоны России [14]. Кроме того, невзирая на совокупность отличительных свойств, Арктическая зона выступает неотъемлемой частью юрисдикции российского государства. Отношения охраны окружающей среды, осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности регламентированы множеством нормативно-правовых актов правовой системы РФ. Тем не менее, многочисленные отношения требуют дополнительной правовой регламентации, особых требований к осуществлению привычных для «остальной части» России видов деятельности.

Таким образом, арктическое право, не обладая сегодня достаточными признаками для обозначения правового явления в качестве самостоятельной отрасли отечественного права, обладает предпосылками для становления такового при наличии развитой системы законодательства, появления поистине системообразующего Федерального закона и совокупности подзаконных актов, дополняющих его положения. Специфика, а также социальная, экологическая, экономическая и международная значимость регулирования «арктических» правоотношений обозначены не первое десятилетие разнообразными государственными программами. Тем не менее, эффективная реализация названных долгосрочных и отдельных краткосрочных целей и задач, так же как и полноценное формирование аркти-

ческого права в качестве неотъемлемой самостоятельной отрасли российской правовой системы требуют выработки качественного нормативно-правового регулирования.

### **Список литературы**

1. Lars Lindholt. Arctic resources in a global perspective // The Economy of the North. 2008. P. 27.

2. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10. Ст. 1317.

3. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.

4. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

5. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

6. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 29. Ст. 4503.

7. Риски в праве: монография / Д. Д. Барамидзе, З. З. Зинатуллин, Н. В. Кузнецова [и др.]; под ред. Л. Г. Татьяниной. М.: Изд. «Юрлитинформ», 2020. 160 с.

8. Гидрометеорологическое обеспечение Арктики: Отчет научно-исследовательской работы Арктического и Антарктического Научно-исследовательского Института. 2013.

9. Пермиловский М. С. Очерк основных определений понятия «арктическое право» // История государства и права. 2020. № 2. 80 с.

10. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов [и др.]; под общ. ред. А. П. Анисимова. М. : Юстицинформ, 2020. 800 с.

11. Об арктической зоне Российской Федерации: О проекте федерального закона // Сайт Совета Федерации РФ. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/4335/>

12. Боголюбов С.А. Каков предмет полярного (арктического) права? // Арктика – территория устойчивого развития и сотрудничества. Правовые проблемы социально-экономического и инновационного развития Арктического региона России: материалы науч.-практ. конф. и круглого стола / отв. ред.: А. Н. Савенков, М. М. Бринчук, Т. В. Редникова [и др.]. М.: «Норма», 2018. 256 с.

13. Об Арктической зоне Российской Федерации: Проект федерального закона. URL: <https://crowd.fom.ru/files/solution/252/a8c/b65/edda589360892eba4356a95.pdf>

14. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (Ч. I). Ст. 2136.

*А. В. Любовицкий,*  
*зав. научно-учебно-практической лабораторией*  
*судебных экспертиз ИПСУБ*  
*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **25 ЛЕТ НАУЧНО-УЧЕБНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ИПСУБ УДГУ (ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ)**

В июне текущего 2022 г. исполнилось 25 лет создания и деятельности Научно-учебно-практической лаборатории судебных экспертиз ИПСУБ УдГУ (в дальнейшем – лаборатория НУПЛСЭ).

Со дня основания и по настоящее время НУПЛСЭ является некоммерческой автономной организацией, ее статус юридического лица предусмотрен Положением, утвержденным Ученым Советом Удмуртского государственного Университета. Сама идея преобразования (НЦЮО (Национальный центр юридического образования) УдГУ) и ее трансформации в НУПЛСЭ ИПСУБ УдГУ принадлежит профессору Марату Константиновичу Каминскому, бывшему в то время заведующему кафедрой криминалистики, а также заместителю директора ИПСУБ УдГУ. При его активном участии была создана организационная структура НУПЛСЭ и определены основные направления ее деятельности. Прежде всего необходимо было определиться с целями и задачами, исходя из самого названия лаборатории, а также с путями ее развития в системе юридического образования в Удмуртской Республике.

Насущной проблемой в то время существования лаборатории являлось создание материально-технической базы, утверждение штатного расписания, а также сама организация и планирование работы на перспективу. Что касается вопросов материально-технического обеспечения работы НУПЛСЭ, то их решение осуществлялось в зависимости от выбора приоритетных направлений в деятельности лаборатории. Неоценимая роль в решении этих задач

принадлежит проф. М. К. Каминскому. Будучи известным научным деятелем и разработчиком теории криминалистики, а также высококвалифицированным экспертом-криминалистом, М. К. Каминский возглавил одно из ведущих направлений в деятельности НУПЛСЭ – производство криминалистических судебных экспертиз в системе уголовного и гражданского судопроизводства.

Эксперт-криминалист, профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ – М. К. Каминский за весь период существования лаборатории произвел более трех тысяч экспертных исследований и заключений специалиста, которые отличались высоким профессионализмом и безупречной научной аргументированностью. Заслуги М. К. Каминского в области экспертологии всегда имели высокую оценку со стороны руководства и правительства УР, силовых структур и судейского корпуса вплоть до выхода на заслуженный отдых.

Криминалистическая экспертизология и ее практическое применение позволило создать систематизированный экспертный архив лаборатории, который является межкафедральным в ИПСУБ УдГУ, а его использование в качестве учебно-методического материала является востребованным в процессе юридического образования на всех его уровнях.

При производстве традиционных видов криминалистических экспертиз, таких как трасологических, почерковедческих, технико-криминалистических экспертиз документов М. К. Каминским применялись, а в ряде случаев научно разрабатывались и опробовались методы экспертного исследования, в частности, метод кубического сплайна, методика определения родства по дактилоскопическим признакам родителей, компьютерной графики и сравнительного исследования. Только в условиях НУПЛСЭ осуществлялись сложные технико-криминалистические экспертизы по установлению давности изготовления документов. Последние зачастую сопровождалась допросами эксперта в судебном заседании, особенно в арбитражном суде, с целью обоснования выбора эксперта по примененной и выработанной им компьютерной технологии. Следует заметить, что

за всю историю производства криминалистических экспертиз в адрес лаборатории и ИПСУБ УдГУ не было представлено обоснованных претензий и возражений по качеству проведенных экспертиз от правоохранительных и судебных органов.

Но не только производство традиционных криминалистических экспертиз являлось предметом деятельности лаборатории НУПЛСЭ. Широкой палитрой классов и видов судебных экспертиз была представлена экспертная деятельность лаборатории, включая производство автотехнических, экологических, бухгалтерско-экономических, инженерно-строительных, пожарно-технических, лингвистических, судебно-медицинских, токсикологических и даже только нарождающихся геномно-молекулярных экспертиз. В этой связи в адрес руководства ИПСУБ УдГУ в 2008 г. была направлена служебная записка с финансовым обоснованием необходимости создания собственной приборной базы для производства геномно-молекулярных экспертиз в случаях спорного отцовства. Однако это предложение не встретило должного понимания и отклика. К слову сказать, в истории развития и деятельности лаборатории была ситуация, когда на повестке стоял вопрос о рентабельности ее работы. В этой связи со стороны ректората УдГУ был осуществлен ряд проверок с отчетами итогов деятельности всех лабораторий УдГУ. При этом работа НУПЛСЭ ИПСУБ получила положительную оценку. В 2021 году была предпринята очередная попытка оптимизации деятельности лаборатории путем ее объединения с лабораторией цифровых технологий ИПСУБ, а по сути – упразднения лаборатории НУПЛСЭ как таковой. Решение данной проблемы в настоящий момент, очевидно, отложено на неопределенное время. Итоги финансово-хозяйственной деятельности лаборатории содержатся в ежегодных отчетах ее деятельности.

Производство выше обозначенных классов и видов судебных экспертиз осуществлялось высококвалифицированными научными специалистами УдГУ, такими как: А. С. Карачев, Ю. Н. Поляков, М. Т. Милютин, М. М. Лобаскова, М. К. Кириллова, Н. И. Чиркова, С. Г. Бутолин, С. Ф. Сиртокин, В. А. Байметов, Н. Г. Ильминских,

Л. Б. Ионов, Ю. М. Палей; а также профессорами Ижевской государственной медицинской академии: М. Б. Колесниковой, Ф. К. Телициной, А. Л. Ураковым, А. С. Осетровым, И. С. Рединовым, В. И. Витером как главными специалистами Министерства здравоохранения УР.

Не менее высоким профессиональным уровнем всегда отличались заключения экспертов-автотехников, тесно сотрудничавших с НУПЛСЭ, в лице Н. Н. Зарубея и С. Н. Бызова, к сожалению, уже ушедших от нас. Светлая им память!

Инициаторами назначения различных видов судебных экспертиз в конце 90-х и в начале 2000 годов были в основном суды УР, прокуратура и СК УР, а также суды и правоохранительные органы соседних регионов РФ (Татарстан, Башкортостан, Пермский край).

Деятельность НУПЛСЭ всегда осуществлялась в тесном сотрудничестве с другими судебно-экспертными организациями системы ЭКУ МВД УР, Министерства здравоохранения УР – Бюро судебно-медицинской экспертизы и кафедрой судебной медицины ИГМА.

В качестве экспертов НУПЛСЭ были задействованы ведущие специалисты строительных организаций Удмуртии (Г. П. Брижан), физико-технического института Уральского филиала РАН (В. В. Забильский), а также ИжГТУ.

Между Удмуртской оценочной компанией и НУПЛСЭ имеется соглашение о взаимном сотрудничестве по вопросам проведения оценочных экспертиз и обучения студентов ИПСУБ УдГУ.

Сотрудники НУПЛСЭ всегда были активными участниками и организаторами студенческих конференций, а также традиционных всероссийских криминалистических чтений. Итоги деятельности НУПЛСЭ были представлены в виде публикаций в различных научно-практических изданиях.

Специалисты НУПЛСЭ принимали активное участие по оказанию консультативной помощи в вопросах подготовки, назначения и проведения судебных экспертиз судами УР (проведение совместных семинаров с помощниками судей). Существенным образом

складываются профессиональные взаимоотношения с коллегией адвокатов УР и их коллегами из соседних регионов РФ.

В основном речь идет о производстве Заключений специалистов по запросам и обращениям адвокатов в адрес НУПЛСЭ. Как правило, итогами этого вида взаимодействия становятся вызовы специалистов НУПЛСЭ в суд по ходатайству адвоката, допроса специалиста и оценки его Заключения заинтересованными сторонами судебного процесса. Нередко подобного рода инициатива, проявленная со стороны защиты, вызывает процедуру состязательности сторон, что дает возможность суду дать объективную оценку имеющегося в деле заключения эксперта и заключения специалиста, озвученного в суде. Однако такое происходит не всегда, а если и случается, то носит чисто декларативный характер. Особенно это касается случаев оценки некоторых заключений государственных судебно-медицинских экспертов, которые априори считались непогрешимыми, учитывая долго существовавший обвинительный уклон в судопроизводстве.

В этой связи в судах даже существовало сакраментальное суждение, которое выражалось следующим образом: «...у суда нет оснований сомневаться в правильности имеющегося в деле экспертного заключения, полученного на стадии предварительного следствия...» О чем это может свидетельствовать? Вопрос сугубо риторический.

В текущий период дальнейшей деятельности НУПЛСЭ наметилась тенденция резкого снижения количества экспертиз различных видов, проводимых лабораторией по инициативе судов и правоохранительных органов. Чаще всего в адрес НУПЛСЭ назначается проведение психологических экспертиз по делам, связанным с бракоразводным процессом. Эти весьма сложные и достаточно объемные судебные экспертизы выполняют высококвалифицированные эксперты из института психологии и социальных коммуникаций УдГУ, в частности, доценты Р. К. Махмутова и Е. А. Молчанова.

Производство уже редко назначаемых в НУПЛСЭ автотехнических экспертиз в последнее время осуществляет профессор кафедры автомобилей и техобработки ИжГТУ – эксперт Н. М. Филькин на хоздоговорной основе.

Также заметно уменьшилась обращаемость адвокатов УР за консультативной помощью по вопросам качества проведенных ранее криминалистических и судебно-медицинских экспертиз. Данные обстоятельства вызывают озабоченность и имеют, на наш взгляд, следующие причины своего проявления.

Во-первых, это частично связано с последствиями пандемии COVID-19, которая нарушила привычный уклад жизни нашего общества, включая правовые и социальные отношения.

Во-вторых, продолжающаяся реформа судебной системы и связанная с ней смена судейского корпуса оказали влияние на деятельность судебно-экспертных организаций. Свидетельством того явилось возросшее количество негосударственных, некоммерческих экспертных организаций и частных фирм в плане разрешительной деятельности конкурирующих субъектов в сохранившихся условиях рыночной экономики. При этом появилась возможность выбора экспертных организаций для юридических и физических лиц.

В-третьих, продолжающиеся существенные изменения уголовно-процессуального, гражданского, административного и налогового законодательства внесли свои коррективы в работу органов управления, реальную экономику, предпринимательство, сферы образования и научно-практической деятельности. При этом меняется и структура, и порядок деятельности правоохранительных органов, следственного комитета и судов России. Эти системные преобразования в современных условиях существования предъявят повышенные требования и ответственность в деятельности судебно-экспертных организаций и учреждений страны. Что же касается вопроса перспективы дальнейшего существования и развития НУПЛСЭ ИПСУБ УдГУ, то его решение будет определяться сменой парадигмы высшего юридического образования в России.

**М. В. Новгородцев,**  
*старший преподаватель*  
*кафедры гражданского права ИПСУБ*  
*ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный Университет»*

## **К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФИЛИАЛА (ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА) В ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО**

Летом этого года в рамках борьбы с санкциями, которые вводились в отношении Российской Федерации недружественными государствами, был принят Федеральный закон от 14.07.2022 № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества», отдельные законодательные акты Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений»<sup>96</sup>. Указанным законом, в частности, устанавливается порядок преобразования в хозяйственное общество в форме общества с ограниченной ответственностью филиала (представительства) иностранного юридического лица, при наличии ряда условий<sup>97</sup>.

---

<sup>96</sup>URL: <http://pravo.gov.ru>

<sup>97</sup>При условии, что такое иностранное юридическое лицо одновременно соответствует следующим требованиям:

- а) имеет не более пятидесяти участников (акционеров);
- б) не менее чем 25 процентами долей в уставном капитале (акций) указанного иностранного юридического лица владеют участники (акционеры) при условии, что каждый такой участник (акционер) соответствует хотя бы одному из следующих условий:
  - является гражданином Российской Федерации;
  - является российским юридическим лицом, контролирующими лицами которого либо лицами, распоряжающимися в совокупности прямо или косвенно не менее чем 25 процентами голосов в высшем органе управления которого, не являются иностранные лица (в том числе несколько таких лиц, не аффилированных друг с другом), которые связаны с иностранным государством, совершающим в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия (в том числе если такие

Данным законом устанавливается и процедура такого преобразования, происходящая в судебном порядке, по заявлению ряда названных в Законе лиц (в сущности, российских участников иностранного юридического лица); заявление рассматривается Арбитражным судом Московской области с процессуальными особенностями, также установленными названным законом. На основании решения суда в Единый государственный реестр юридических лиц вносится запись о создании нового юридического лица<sup>98</sup>.

Так, решением Арбитражного суда Московской области от 29.08.2022 г. по делу № А41-54894/22 был преобразован филиал Компании Salym Petroleum Development N. V. («Салым Петролеум Девелопмент Н. В.») – Нефтеюганский филиал Компании «Салым Петролеум Девелопмент Н. В.» в Общество с ограниченной ответственностью «Салым Петролеум Девелопмент». Решением также утверждены устав, размер уставного капитала, состав участников, единоличный исполнительный орган вновь созданного юридического лица.

С точки зрения непосредственно текста закона – все достаточно ясно: вводится новая процедура («преобразование филиала

---

иностранцы имеют гражданство этого государства, местом регистрации таких иностранных лиц, местом преимущественного ведения ими хозяйственной деятельности или местом преимущественного извлечения ими прибыли от деятельности является это государство);

является юридическим лицом, находящимся под контролем российского юридического лица, право прямо или косвенно распоряжаться не менее чем 25 процентами голосов в высшем органе управления которого принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или гражданину Российской Федерации;

в) не является публичной компанией, акции которой находятся в свободном обращении или торгуются на организованных торгах;

г) обладает правом (лицензией) на пользование недрами на территории Российской Федерации или владеет объектами трансконтинентальной газотранспортной инфраструктуры на территории Российской Федерации.

<sup>98</sup> В связи с этим, Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» был дополнен статьей 12.1. – «Государственная регистрация юридического лица при его создании на основании судебного акта».

(представительства) в хозяйственное общество»)), порядок регулирования которой подробно в Законе указан. Отсюда возникает закономерный вопрос о правовой природе такого явления.

Российское законодательство до настоящего времени знало преобразование только как одну из форм реорганизации юридического лица, а именно – изменение его организационно-правовой формы (п. 5 ст. 58 ГК РФ). Также известно, что согласно п. 3 ст. 55 ГК РФ представительства и филиалы не являются юридическими лицами. Соответственно, исходя из буквального смысла Закона, филиал (представительство) никак не может быть преобразован в юридическое лицо, поскольку и сам юридическим лицом не является. Сама правовая природа реорганизации юридического лица остается в российской правовой науке весьма дискуссионным вопросом<sup>99</sup>.

Однако термин «преобразование» используется законодателем явно не случайно. Согласно п. 9 ст. 12 упомянутого выше Федерального закона № 320-ФЗ *«права и обязанности, вытекающие из деятельности филиала (представительства) иностранного юридического лица в Российской Федерации, в том числе права и обязанности по любым соглашениям, стороной которых являлось иностранное юридическое лицо и которые связаны с ведением деятельности на территории Российской Федерации, а также права на объекты гражданских прав, использовавшиеся в связи с деятельностью на территории Российской Федерации (с сохранением установленных в отношении имущества (имущественных прав) залогов и иных обременений), переходят к вновь образованному хозяйственному обществу в порядке универсального правопреемства»*.

---

<sup>99</sup> Подробный обзор точек зрения см.: например, Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянцеv [и др.]; отв. ред. А. В. Габов. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. 280 с.

При этом такое «универсальное правопреемство» имеет ряд ограничений, также его объем может зависеть от решения суда<sup>100</sup>.

Отметим, что до недавнего времени универсальное правопреемство было возможно только в случае реорганизации юридического лица, а также при наследовании, на что прямо указывает п. 1 ст. 129 ГК РФ<sup>101</sup>. Более того, относительно случая преобразования юридического лица согласно п 5 ст. 58 ГК РФ *«права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией»*, т.е. универсального правопреемства не происходит, поскольку здесь, в сущности, не происходит смены субъекта правоотношений.

---

<sup>100</sup> См.: п. 10. ст. 12 ФЗ № 320-ФЗ: «Обязательства иностранного юридического лица перед кредитором, являющимся российской кредитной организацией либо российским хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, переходят от иностранного юридического лица к вновь образованному хозяйственному обществу только при условии, если такой кредитор не направил заявление об отказе от включения его прав требования в состав обязательств хозяйственного общества в соответствии с частью 15 настоящей статьи».

Пункт 11. той же статьи: «В случае, если стоимость имущества (иных объектов гражданских прав) и сумма обязательств, переходящих к хозяйственному обществу при преобразовании филиала (представительства) иностранного юридического лица, явно не соразмерны с общей стоимостью имущества (иных объектов гражданских прав) и суммой обязательств такого иностранного юридического лица, арбитражный суд вправе своим решением установить, что к такому хозяйственному обществу переходят отдельные (указанные в решении арбитражного суда) обязательства иностранного юридического лица в дополнение к обязательствам иностранного юридического лица, переходящим к хозяйственному обществу в силу положений частей 9 и 15 настоящей статьи».

<sup>101</sup> «Объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте».

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что так называемое «преобразование» по Федеральному закону № 320-ФЗ – это не преобразование именно в том смысле, в котором данный термин использует Гражданский кодекс РФ. Это совершенно новое правовое явление, ранее неизвестное законодательству и практике. В действительности же, речь идет о принудительном изъятии по решению суда имущества иностранного юридического лица, фактически обособленного в виде имущества филиала или представительства, и передаче этого имущества вновь созданному на территории РФ юридическому лицу. При этом формально права участников иностранной компании не нарушаются, т. к. согласно п. 1 ст. 13 ФЗ № 320-ФЗ участниками вновь созданного хозяйственного общества являются участники иностранного юридического лица с сохранением доли участия аналогично участию соответствующих лиц в уставном капитале иностранного юридического лица.

Если законодатель все же имел намерение применить в указанной ситуации именно институты преобразования и универсального правопреемства в их классическом виде, то это неизбежно требовало бы внесения соответствующих изменений в Гражданский кодекс.

В целом описанное явление напоминает принудительное разделение либо выделение как форму реорганизации. Причем такой институт известен российскому праву и применяется, например, как способ контроля за экономической концентрацией<sup>102</sup>. Очевидно, что законодатель не мог прибегнуть к данному институту, поскольку иностранное юридическое лицо находится вне юрисдикции российских судов и иных государственных органов. Поэтому был выбран иной вариант.

---

<sup>102</sup> Например, ст. 34 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

### **Список литературы**

1. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянцеv [и др.]; отв. ред. А. В. Габов. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. 280 с.

2. Каширский С. С. Универсальный характер правопреемства при реорганизации юридических лиц // Юрист. 2014. № 6. С. 9–13.

***И. В. Матвеева,***

*ст. преподаватель кафедры гражданского права ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ**

В настоящее время сфера услуг стремительно развивается. Однако потребитель, надежно защищенный законодательством, при покупке товаров и выполнении работ испытывает некоторые сложности с защитой своих нарушенных прав при оказании услуг. Это связано с тем, что услуги – довольно специфическая категория гражданского права, имеющая ряд признаков, объективно затрудняющих защиту прав потребителей, например, невещественность результата и одновременность предоставления и потребления услуги. Повышение качества юридических услуг и правовое регулирование критериев качества этих услуг является одной из самых востребованных и сложных проблем правового регулирования России.

Требуется определить некоторые основные понятия.

На основе ст. 779 ГК РФ [1], преамбулы ФЗ «О защите прав потребителей» [2] (далее закон «О защите прав потребителей») услугу можно определить как совершение за плату определённых действий или деятельности по заданию гражданина для удовлетворения его личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В праве и юридической науке нет единого взгляда на соотношение терминов «юридические услуги», «правовые услуги», «правовая помощь». Некоторые ученые разделяют эти понятия, другие же считают их практически тождественными. Однако определение этих понятий выходит за рамки данной статьи.

Юридические услуги можно определить как «правомерные действия исполнителя, основанные на его правовых знаниях в области юриспруденции и направленные на удовлетворение правового интереса заказчика». [4]

Необходимо уточнить, что под потребителем в преамбуле закона «О защите прав потребителей» понимается гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести, либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Потребитель может обратиться за юридическими услугами в любой сфере – гражданское (наследственное, потребительское), трудовое, семейное право и пр., но при этом не должен иметь цели осуществления предпринимательской деятельности. Таким образом, консультирование индивидуального предпринимателя по вопросам ведения, налогообложения предпринимательской деятельности, инвестирования с целью получения систематического дохода не будет защищаться нормами потребительского законодательства.

Следует помнить, что в отношении потребителей действует презумпция отсутствия специальных познаний (п. 4. ст. 12 ФЗ о ЗПП).

Со стороны же исполнителя должны быть лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность как индивидуальные предприниматели или юридические лица.

К отношениям по совершению нотариусом нотариальных действий, а также к отношениям по оказанию профессиональной юридической помощи адвокатами законодательство о защите прав потребителей не применяется [3], равно как и закон «О защите прав потребителей» не распространяется на консультирование и предоставление иной правовой помощи со стороны Роспотребнадзора, органов муниципальной власти, безвозмездной помощи различных общественных организаций.

Варианты оказания юридических услуг (деятельность в области права) в самом общем виде названы в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности [5] и национальном стандарте РФ «Руководство по оказанию правовой помощи потребителям» [6]:

- предоставление рекомендаций и консультаций по общим вопросам, включая подготовку юридических документов;
- представление интересов одной стороны против другой стороны в судах или других судебных органах и представительство в гражданских делах.

Таким образом, потребителям юридические услуги могут быть предоставлены в виде:

- юридической консультации (лично, по видео или телефонной связи, устно или письменно, посредством переписки). В результате консультации гражданину разъясняются его права и указываются возможные пути решения возникшей проблемы. Либо потребитель понимает, что нарушения прав не произошло. Для защиты прав потребителей консультация должна быть предоставлена письменно, т. е. иметь носитель;

- составления документов – договоров, претензий, обращений, заявлений, исковых заявлений и других процессуальных документов от имени и в интересах потребителей;

- процессуального представительства в суде (на основе доверенности, выданной потребителем).

В процессе получения юридических услуг потребитель может столкнуться со следующими нарушениями (не всегда понимая, что это нарушения ввиду отсутствия у него познаний в области юриспруденции):

- навязывание платных юридических услуг, предложения по оформлению «пакетов документов» и сопровождению, в которых он не нуждается – нарушение ст. 16 ФЗ «О защите прав потребителей»;

- введение в заблуждение относительно нарушений прав и перспектив их восстановления: совершение бесполезных действий, не представляющих ценности для защиты прав и интересов заказчика (имитация исполнения юридических услуг);

- включение в договор с потребителями условий, ограничивающих их права по сравнению с нормами закона «О защите прав потребителей» (напр.: включение в договор условия о невозможности

сти одностороннего отказа от заключенного договора в противоречии со ст. 32 закона «О защите прав потребителей»);

- не доведение до потребителей при заключении договора необходимой информации, предусмотренной статьями 8–10 закона «О защите прав потребителей»;

- гарантирование положительного решения вопроса, выигрыша дела в суде, что является введением потребителя в заблуждение;

- односторонний отказ исполнителя от выполнения условий договора без выплаты соответствующих сумм потребителю в нарушение правил гл. 39 ГК РФ;

- передача потребителю некорректной, ошибочной, неактуальной, неполной информации, что является оказанием некачественной услуги и нарушает ст. 4 закона «О защите прав потребителей»;

- разглашение данных потребителя, утрата переданных документов, передача дела другому исполнителю без согласования с потребителем, пропуск сроков, неявка в судебное заседание без уважительных причин и другие нарушения;

- несоответствия результата оказанной услуги ожиданиям потребителей – об этом будет сказано ниже.

В связи с вышесказанным важным является вопрос: что же является результатом оказания юридической услуги и каковы критерии его качества?

Результатом консультирования является перечень рекомендаций юридического характера с алгоритмом последовательных действий – варианты того, как следует поступить в рамках существующих правовых реалий, желательно составленных на бумажном носителе. То есть это некая совокупность актуальной информации.

Результатом представления интересов в суде является деятельность представителя в судебных инстанциях, однако не исчерпывается именно посещением судебных заседаний. Включает в себя также подготовку, изготовление необходимых документов, сбор доказательств, оценивание судебной перспективы, изучение практики разрешения аналогичных дел, детальный правовой анализ ситуации

с учетом судебной практики, своевременное совершение процессуальных действий и пр.

Потребитель как неспециалист часто считает, что результатом предоставления юридической услуги является выигрыш дела в суде или положительное решение вопроса в иных инстанциях, куда будет обращаться потребитель после консультации с юристом и составления необходимых документов.

Важно понимать, что выигрыш дела как результат оказания юридической услуги, по сути, выходит за пределы предмета договора. Предмет договора – оказание юридических услуг, т. е. совершение действий (консультирование, составление документов, представительство в суде), которые могут привести к определенному результату, но не гарантировать его достижения. При оказании юридических услуг оплачивается именно деятельность по предоставлению юридических услуг, а не результат, к которому эта деятельность привела.

Сам по себе выигрыш дела зависит не только от действий юридической направленности, совершенных юристом, но и от массы других факторов, таких как: усмотрение судьи, фактические данные дела, сведения о которых мог умолчать потребитель во время консультации и др. Поэтому выигранное дело не может объективно являться результатом правовой услуги.

Это подтверждается правовой позицией судебной практики: «Нереализованные ожидания истца о том, что результатом оказания юридических услуг по соглашениям об оказании юридической помощи станет удовлетворение его требований, не могут сами по себе являться основанием, указывающим на то, что услуги были оказаны некачественно, не в полном объеме или не оказаны, поскольку реализация гражданских прав и обязанностей не может предопределять конкретные решения и действия органов государственной власти и должностных лиц» (Решение Октябрьского районного суда г. Иваново № 2-984/2019 2-984/2019~М-843/2019 М-843/2019 от 15 июля 2019 г. по делу № 2-984/2019).

«Кроме того, качество юридических услуг не может оцениваться в зависимости от результатов разрешения спора судом. Конституционный Суд РФ разъяснил, что оказание платных юридических услуг не предполагает оплату за результат таких услуг, так как при одинаковом количестве оказываемых услуг может быть достигнут разный результат в зависимости от обстоятельств. Цель оказания юридических услуг, равно как и предмет договора не может определяться результатом деятельности государственного органа, выносящего решение. Это противоречит содержанию главы 39 ГК РФ, регулирующей отношения оказания возмездных юридических услуг» (Решение Пресненского суда г. Москвы от 27 апреля 2017 г. по делу № 02-0171/377/2017, по делу о взыскании денежных средств по договору об оказании юридических услуг).

Что же касается критериев качества юридической услуги, то в праве такие критерии не разработаны, что также осложняет защиту прав потребителей.

В теории есть немало работ, посвященных этому вопросу [7].

Критерии качества предлагается делить на три группы: профессиональные, процедурные и критерии с точки зрения клиентов.

1. К профессиональным критериям относятся: высшее юридическое образование услугодателя, опыт работы, знание информационно-правовых систем, знание иностранных языков и пр.

2. Процедурные: соблюдение конфиденциальности предоставленной информации, отказ принять поручение на ведение дела клиента, когда для этого нет оснований, оказание услуг в соответствии с законодательными нормами и актуальными изменениями норм, разработка всех возможных вариантов решения проблемы и информирование об этом клиента, знание судебной практики и пр.

3. Критерии с точки зрения клиентов: положительные рекомендации, профессиональная уверенность юриста, оперативность работы юриста, достижение результата, устраивающего клиента, честное отношение к клиенту: добросовестное изложение возможных результатов работы и последствий достигнутого результата, подробное описание этапов процесса работы, соответствие заявленной и договорной цены на услугу и пр.

Наиболее важными критериями, безусловно, являются процедурные, далее профессиональные и потребительские.

Как правило, юридические услуги оказываются потребителю на основании договора оказания юридических услуг. В зависимости от характера оказываемых услуг договор по своей сути может быть договором возмездного оказания услуг, договором поручения либо содержать элементы обоих видов договоров (п. 3 ст. 421, п. 1 ст. 779, п. 1 ст. 971 ГК РФ).

Исполнитель обязан оказать юридические услуги, качество которых соответствует договору. Если условия о качестве в договоре отсутствуют, услуги должны соответствовать обычно предъявляемым к ним требованиям и быть пригодными для целей, для которых они предназначены (ст. 4 закона «О защите прав потребителей»).

Таким образом, важнейшими критериями качества является:

- знание действующего законодательства;
- достоверность, полнота, своевременность предоставляемых сведений.

Если потребитель столкнулся с некачественным оказанием юридических услуг, то он может обратиться за защитой в Роспотребнадзор и в суд.

Последствия нарушения сроков оказания услуг предусмотрены ст. 28 закона «О защите прав потребителей». Ненадлежащее качество услуги порождает возможность предъявить требования по ст. 29 закона «О защите прав потребителей». Также потребитель может взыскать неустойку и штраф по правилам ст. 13 закона «О защите прав потребителей» и моральный вред, если судом будет подтверждено, что нарушение прав потребителя при оказании юридических услуг имело место быть – ст. 15 закона «О защите прав потребителей».

Потребителю необходимо помнить, что суды при разрешении дел о качестве оказанных юридических услуг большое внимание уделяют формальным признакам: факту составления документов, срокам оказания услуги и подписанным актам приёмки: «Все доку-

менты, согласно заключенному договору об оказании юридических услуг были изготовлены, а юридическая консультация оказана, и истец претензий по объему и качеству оказанных услуг не имел, что отражено в акте приема-сдачи выполненных работ по Договору, расписке о проведении консультации» (Решение от 27 июня 2017 г. по делу № 02-0239/337/2017, Судебный участок № 337 Тимирязевского судебного района (Город Москва) дело о защите прав потребителя).

Таким образом, сложности при защите прав потребителей при оказании юридических услуг сводятся к следующему:

1. Потребитель является неспециалистом, поэтому не всегда понимает, что услуга оказывается с недостатками или навязывается.

2. Услуга не овеществлена и потребляется одновременно с её оказанием (именно поэтому так важен письменный носитель, фиксирующий информацию, передаваемую заказчику).

3. Потребитель подписывает акт приемки услуг, не указывая того, что он считает недостатками оказанной услуги, и суд в дальнейшем считает, что он выразил однозначное согласие с качеством предоставленных услуг.

4. Потребитель неверно полагает, что результат услуги – положительное решение его вопроса в какой-либо инстанции или выигрыш дела в суде; этим часто пользуются нечестные юристы, навязывая свои услуги потребителю, вводя его в заблуждение при заключении договора.

5. Для защиты своих прав потребителю чаще всего необходимо вновь обратиться к юристу.

6. Отсутствие стандарта качества оказания юридических услуг не позволяет единообразно оценивать качество предоставляемой услуги, необходимый объем действий юриста; остается слишком много свободы усмотрения для исполнителя в ущерб интересам потребителя-неспециалиста.

### Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ, часть 2: Федеральный закон № 14-ФЗ от 26 января 1996 г. (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. О защите прав потребителей: Федеральный закон № 2300-1 от 07.02.1992 (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

3. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 28.06.2012 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Молостолова Е. М. Понятие и признаки юридической услуги // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3 (147). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-yuridicheskoy-uslugi/viewer>

5. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: Приказ Росстандарта № 14-ст от 31.01.2014 (ред. от 21.06.2022).

6. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 56877-2016 «Руководство по оказанию правовой помощи потребителям. Общие требования»: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии № 83-ст от 26 февраля 2016 г.

7. Полякова Н. В., Поляков В. В., Баранова Ю. О. Критерии качества юридических услуг, предоставляемых гражданам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-kachestva-yuridicheskikh-uslug-predostavlyaemyh-grazhdanam>

***Р. М. Хуснутдинов,***

*ст. преподаватель кафедры УПД*

*Ижевского юридического института (филиала)*

*ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет  
юстиции (РПА Минюста России)»*

## **О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСУДНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СУДОМ ВОПРОСА О НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ЦЕННЫЕ БУМАГИ**

В уголовном судопроизводстве имущество, на которое налагается арест, в том числе ценные бумаги, рассматривается в качестве либо источника финансирования исполнения приговора в части различного рода взысканий, либо в качестве предмета конфискации имущества [8, с. 1093]. Уголовно-процессуальным законом предусмотрено также наложение ареста на имущество, включая ценные бумаги, в целях, прямо не предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [7] (далее – УПК РФ), а именно для обеспечения хранения вещественных доказательств в порядке п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ.

Сущность наложения ареста на ценные бумаги, как и на всякое другое имущество, состоит во временном ограничении правомочий собственника имущества с тем, чтобы до разрешения уголовного дела по существу и исполнения итогового решения по уголовному делу исключить возможность сокрытия имущества собственником, повреждения или уничтожения имущества, использования имущества в противоправных целях. Конституционные гарантии права собственности и конституционно-правовой статус собственника имущества, на которое в уголовном судопроизводстве налагается арест, обуславливают принятие решения о наложении ареста на имущество не иначе как судом, на что неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации [4; 5].

Проблемы наложения ареста на ценные бумаги можно разделить на те, что связаны с исполнением решения о наложении ареста

на ценные бумаги, и проблемы принятия такого решения. К числу последних следует отнести проблему определения территориальной подсудности при возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на ценные бумаги.

Н. С. Каштанова и М. В. Соколова указывают на наличие серьезных противоречий в вопросе толкования нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 116 УПК РФ, – «арест на ценные бумаги либо их сертификаты налагается по месту нахождения имущества либо по месту учета прав владельца ценных бумаг» [3, с. 1097; 6, с. 137–138]. По мнению данных авторов, «непонятен истинный смысл», вкладываемый законодателем в указанную норму: «либо в указанной статье речь идет о правилах определения территориальной подсудности при возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на ценные бумаги, либо же правотворец имеет в виду место, куда должны быть направлены копии постановления суда, а также протокола следователя (дознателя) о наложении ареста на ценные бумаги» [3, с. 1097].

На существование данной проблемы указывает также и противоречивая судебная практика по вопросу определения территориальной подсудности разрешения судом ходатайства следователя о наложении ареста на ценные бумаги [1; 3, с. 1098-1099; 6, с. 138-140].

Проблема связана с тем, что в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ суд рассматривает ходатайство следователя о наложении ареста на имущество в порядке ст. 165 УПК РФ. То есть в силу ч. 1 ст. 115 УПК РФ территориальная подсудность разрешения судом вопроса о наложении ареста на имущество определяется ч. 2 ст. 165 УПК РФ: ходатайство следователя подлежит рассмотрению «судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия». Следует ли так толковать ч. 1 ст. 116 УПК РФ, что для решения судом вопроса о наложении ареста на ценные бумаги закон устанавливает специальную территориальную подсуд-

ность: «по месту нахождения имущества либо по месту учета прав владельца ценных бумаг»)?

Н. С. Каштанова предлагает устранить такие «противоречия» путем либо внесения изменений в ч. 2 ст. 165 УПК РФ, в соответствии с которыми предусмотреть в данном положении закона исключение из общих правил территориальной подсудности при решении судом вопроса о наложении ареста на ценные бумаги в порядке ст. 116 УПК РФ, либо путем внесения изменений в ч. 1 ст. 116 УПК РФ, в соответствии с которыми предусмотреть прямую отсылку к правилам территориальной подсудности, установленным ч. 2 ст. 165 УПК РФ [3, с. 1101–1102], и таким образом устранить все сомнения применимости общих правил территориальной подсудности к решению судом вопроса о наложении ареста на ценные бумаги. Аналогичной позиции придерживается и М. В. Соколова [6, с. 140–141].

Представляется, что внесение изменений в уголовно-процессуальный закон не является единственно возможным способом решения обозначенной проблемы. По нашему мнению, указанное «противоречие» возникло вследствие отсутствия устойчивых представлений о том, что следует понимать под формулировкой «наложение ареста на ценные бумаги либо их сертификаты» в ч. 1 ст. 116 УПК РФ. Речь идет о судебном санкционировании ареста ценных бумаг, т.е. деятельности суда по рассмотрению ходатайства и принятию судебного решения о наложении ареста? Либо речь идет о действиях по составлению протокола о наложении ареста на ценные бумаги?

Системная связь между ст. 115 и 116 УПК РФ вытекает из структуры уголовно-процессуального закона, названий данных статей, а также прямо установлена в ч. 1 ст. 116 УПК РФ, которая указывает на необходимость налагать арест на ценные бумаги с соблюдением требований ст. 115 УПК РФ.

В ч. 1 ст. 115 УПК РФ, содержащей бланкетную норму со ссылкой на ст. 165 УПК РФ, говорится о ходатайстве следователя о наложении ареста на имущества и решении судом данного вопро-

са. При этом что понимать под собственно «наложением ареста на имущество», законодатель раскрывает в ч. 2 ст. 115 УПК РФ: «наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение». Следует заметить, что положения УПК РФ не предусматривают участия собственников или иных законных владельцев имущества в процессе принятия решения о наложении ареста на имущество. Соответственно, хотя решение суда о наложении ареста на имущество и содержит запрет собственнику или владельцу имущества распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, объявление этого запрета данным лицам выносится за рамки судебной процедуры и осуществляется путем составления протокола, о чем говорится в ч. 8 ст. 115 УПК РФ, применительно к ценным бумагам – в ч. 3 ст. 116 УПК РФ. Кроме того, наложение ареста на имущество состоит в «изъятии имущества и передаче его на хранение», что также, очевидным образом, происходит вне процедуры судебного рассмотрения вопроса о наложении ареста. Следовательно, «наложение ареста на имущество», а равно и «наложение ареста на ценные бумаги» не следует отождествлять с деятельностью суда по рассмотрению ходатайства и принятию судебного решения о наложении ареста.

В пользу именно такого толкования формулировки «наложение ареста на ценные бумаги» свидетельствует и норма ч. 4 ст. 165 УПК РФ: «судья выносит постановление *о разрешении производства* (курсив авт.) следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа». То есть в системе действующего уголовно-процессуального регулирования судья может разрешить произвести наложение ареста ценные бумаги, но не наложить такой арест самостоятельно.

Анализ судебной практики показывает, что судьи, следуя норме ч. 4 ст. 165 УПК РФ, в резолютивной части постановлений о наложении ареста на ценные бумаги практически всегда используют формулировку «разрешить наложение ареста на...», далее ука-

зываются идентификационные данные ценных бумаг или иного имущества. К примеру, постановлением Преображенского районного суда г. Москвы от 19 февраля 2019 г. *разрешено наложение ареста* (курсив авт.) на 19,02 % акций ПАО «Страховая акционерная компания «Энергогарант» (государственный регистрационный номер выпуска 1-03-10218-Z от 16.08.2013) в количестве 16 164 280 штук [2].

Системное толкование ст. 115, 116, 165 УПК РФ позволяет прийти к выводу, что наложение ареста на ценные бумаги состоит в исполнении судебного решения о наложении ареста на ценные бумаги, а не в принятии судом такого решения. Часть 1 ст. 116 УПК РФ не устанавливает специальных правил территориальной подсудности разрешения судом вопроса о наложении ареста на ценные бумаги, а предусматривает место, в котором должен быть объявлен запрет распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться ценными бумагами, а также может быть произведено изъятие ценных бумаг и передача их на хранение.

Изложенное позволяет заключить, что уголовно-процессуальный закон не устанавливает специальных правил территориальной подсудности разрешения судом ходатайства следователя о наложении ареста на ценные бумаги. Такое ходатайство следователя должно разрешаться судом с соблюдением территориальной подсудности, установленной ч. 2 ст. 165 УПК РФ.

### **Список литературы**

1. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-17914/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.2022).

2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 06.04.2021 по делу № 10-6402/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.2022).

3. Каштанова Н. С. О необходимости совершенствования правовой регламентации наложения ареста на имущество в виде ценных

бумаг как иной меры уголовно-процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Синергия наук. 2017. № 11. С. 1098.

4. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена: постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.

5. По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»: постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

6. Соколова М. В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 216 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.2022).

8. Хуснутдинов Р. М. Некоторые вопросы наложения ареста на ценные бумаги в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и Право. 2021. Т. 31, вып. 6. С. 1092–1097.

*П. В. Мунтяну,*  
*ассистент кафедры экологического,*  
*природоресурсного и трудового права ИПСУБ*  
*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **САНИТАРНО-ЗАЩИТНАЯ ЗОНА КАК ИНСТРУМЕНТ САНИТАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**

Санитарно-защитные зоны призваны обеспечить отсутствие вредного химического, физического и биологического воздействия загрязняющих веществ на здоровье человека за пределами их границ. Законодательное регулирование стимулирует собственников производственных объектов не допускать включение в санитарно-защитную зону жилую застройку, парки, скверы, школы, больницы и другие социальные объекты. Использование решений экологического законодательства, позволяющих сократить размер санитарно-защитных зон, непосредственным образом улучшает качество окружающей природной среды. При этом санитарно-защитные зоны остаются инструментом санитарного законодательства по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

В законодательстве разграничение сфер действия санитарного и экологического законодательства урегулировано следующим образом.

Отношения, возникающие в области охраны окружающей среды, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, регулируются законодательством РФ об охране окружающей среды и Законом о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения (абз. 2 ст. 4 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения).

Согласно п. 6 ст. 2 Закона об охране окружающей среды отношения, возникающие в области охраны окружающей среды, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения санитарно-

эпидемиологического благополучия населения, регулируются законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения и законодательством об охране здоровья, иным направленным на обеспечение благоприятной для человека окружающей среды законодательством.

Таким образом, по мнению автора, законодательный подход таков: санитарное законодательство основывается на совместном применении экологических и санитарных требований в целях охраны здоровья человека, а экологическое законодательство говорит об обратном и полностью перекладывает механизм охраны здоровья человека на санитарное законодательство. Однако заметим, что формулировка «иным направленным на обеспечение благоприятной для человека окружающей среды законодательством» п. 6 ст. 2 Закона об охране окружающей среды позволяет усомниться в этом выводе. Законодатель в этой части, по сравнению с формулировкой абз. 2 ст. 4 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии, неясно выразил свою позицию. В связи с чем о категоричном отрицании в экологическом законодательстве применения экологических требований для охраны здоровья человека говорить не приходится. Так, например, Н. В. Ласкина, комментируя названные положения нормативных актов, говорит об их тождественности [1].

Закон об охране окружающей среды в буквальном смысле направлен на охрану атмосферного воздуха и других компонентов природной среды. Весь понятийный аппарат, нормирование, плата за негативное воздействие на окружающую среду, ответственность, размеры и порядок возмещения за причинённый вред, система государственного экологического надзора и другие элементы правового механизма регулируют непосредственно охрану компонентов природной среды. Но целью Закона об охране окружающей среды является охрана окружающей среды ради человека, что следует из его преамбулы.

Рассматривая вопросы совершенствования экологической политики, М. И. Васильева отмечала, что «исторически природоохранное законодательство создавалось с целью минимизации

и предотвращения вреда окружающей среде и человеку, на это так или иначе направлены все нормы, относимые к экологическому праву» [2].

Опираясь на основные принципы экологического права, закреплённые в Законе об охране окружающей среды, С. А. Боголюбов указывает, что «сама охрана окружающей среды не является самоцелью – ее главная задача заключается в обеспечении реальных гарантий прав человека и гражданина на здоровую и благоприятную для жизни окружающую среду, экологических условий для жизни, труда и отдыха населения... Жизнь и здоровье человека – основная цель охраны окружающей природной среды, всего экологического права» [3].

М. М. Бринчук справедливо указывал на то, что «экологическое законодательство, ориентированное на охрану окружающей среды, имеет своей задачей не только сохранение растительного и животного мира, объектов неживой природы, но и охрану человека от неблагоприятных воздействий окружающей среды. Причем в соответствии с предусмотренными законодательными мерами человек охраняется одновременно с охраной животного и растительного мира и иных объектов. Весь механизм экологического права направлен на решение этой задачи» [4].

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что понятийно Закон об охране окружающей среды направлен на решение задачи по сохранению природы, успешная реализация которой обеспечивает благоприятные условия жизнедеятельности человека, его здоровья.

С другой стороны, санитарное законодательство, задействовав весь комплекс мер, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, опосредованно способствует сохранению, улучшению качества природной среды. К таким мерам согласно ст. 2 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения относятся, в частности, санитарно-эпидемиологическое нормирование, контроль за выполнением сани-

тарных правил, федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор и др.

Разъясняя абз. 2 ст. 4 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, авторы признают, что «посредством осуществления предусмотренных комментируемым Законом механизмов обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (элементом которого является и состояние окружающей среды) достигаются также цели охраны окружающей среды» [5].

Н. В. Ласкина приводит аналогичную позицию, указывая, что предусмотренная Законом о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения «обширная система организационно-правовых и иных средств обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, существенным элементом которого является состояние окружающей среды, также распространяется и на охрану окружающей среды» [1].

В целях оценки действительного воздействия того или иного загрязняющего вещества, физического или биологического воздействия на состояние здоровья человека в санитарном законодательстве применяются гигиенические нормативы. Данные нормативы являются составной частью государственного санитарно-эпидемиологического нормирования (ст. 37 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения). Так, постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 2 утверждены санитарные правила и нормы СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания». Указанным постановлением определены нормативы химических, физических и биологических факторов воздействия на атмосферный воздух, воду и почвы в населённом пункте, жилой и производственной зоне.

Экологическое нормирование основывается на установлении нормативов качества окружающей среды и нормативов допустимого воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и (или) иной деятельности.

Относительно нормативов качества окружающей среды необходимо отметить, что данные нормативы устанавливаются для оценки состояния окружающей среды в целях обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека, рационального использования природных ресурсов, сохранения естественных экологических систем, генетического фонда растений, животных и других организмов (п. 1 ст. 20 Закона об охране окружающей среды).

Экологические нормативы качества, так же как и санитарные нормативы определяются для каждого компонента природной среды: атмосферного воздуха, вод (поверхностных и подземных), почв. Для оценки качества атмосферного воздуха предусмотрено два вида нормативов: гигиенический и экологический. Поверхностные водные объекты, почвы также имеют гигиенические и экологические нормативы. Для подземных водных объектов применяются только гигиенические нормативы.

Таким образом, из данного анализа положений законодательства можно сделать вывод о том, что экологическое законодательство для оценки состояния компонентов природной среды использует экологические нормативы, направленные на состояние флоры и фауны, и гигиенические нормативы, направленные только на здоровье человека. При этом разграничение данных нормативов происходит не только по объекту оценки (как влияет на растения, животных или человека), но также и по месту их нахождения и видам использования (вода хозяйственно-бытового, рыбохозяйственного назначения, культурно-бытового водопользования; воздух поселений, закрытых помещений, курортных зон).

Отсюда следует, что воздействовать на улучшение качества окружающей среды в городе возможно через повышение требований к гигиеническим нормативам. Однако нельзя не учитывать, что гигиенические нормативы не разрабатывались для оценки состояния растений, животных и других организмов. Какие-либо виды флоры и фауны могут быть более устойчивы к тому или иному негативно-му воздействию, чем человек, и наоборот.

В литературе некоторые авторы критически относятся к действующей системе экологического нормирования. Е. М. Андреева справедливо отмечает, что по критерию физического воздействия «во всех нормативах в большей своей части предусматривается защита здоровья человека и редко – других обитателей нашей планеты. Физические нормативы в области флоры и фауны практически отсутствуют» [6]. Ю. Г. Максимова указывает, что установление нормативов отдельно по каждому компоненту окружающей среды «не учитывает перемещения загрязняющих веществ из одной среды в другую, их накопления и суммарной концентрации в окружающей среде» [7].

Относительно нормативов допустимого воздействия на окружающую среду следует указать лишь то, что положительных оценок со стороны учёных по ним практически нет. Например, М. И. Васильева указывает, что «практика установления нормативов предельно допустимых воздействий (нормативов выбросов, сбросов, лимитов размещения отходов) показывает, что они все более утрачивают непосредственную связь с нормативами качества окружающей среды, на которых должны основываться, и фактически исходят из реальных возможностей хозяйствующих субъектов» [2].

Тем не менее очевидно, что за пределами санитарно-защитных зон качество окружающей среды выше. Размер санитарно-защитной зоны для крупных производственных объектов может достигать более 500 м по всем сторонам. Соответственно в пределах санитарно-защитной зоны могут находиться огромные по площади территории с разным количественным составом компонентов природной среды.

Таким образом, сокращение размера санитарно-защитной зоны следует рассматривать как положительную процедуру с точки зрения уменьшения территории с вредным воздействием на окружающую среду.

### Список литературы

1. Ласкина Н. В. Комментарий к Федеральному закону от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Специально для системы ГАРАНТ, 2013. // СПС «Гарант».

2. Васильева М. И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. 2007. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

3. Боголюбов С. А. Экологическое право: Учебник. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 482 с.

4. Бринчук М. И. Практика экологизации законодательства // Экологическое право. 2008. № 6. СПС «КонсультантПлюс».

5. Шашкова О. В., Хлистун Ю. В., Савина Л. В., Кайль А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (постатейный) / под ред. О. А. Слепенковой. Специально для системы ГАРАНТ. 2015. // СПС «Гарант».

6. Андреева Е. М. Состояние экологического законодательства о нормативах качества окружающей среды // Экологическое право. 2020. № 6. СПС «КонсультантПлюс».

7. Максимова Ю. Г. Создание системы экологического нормирования в условиях развития экологического законодательства Российской Федерации // Экологическое право. 2012. № 6. СПС «КонсультантПлюс».

*Д. Ю. Наговицын,  
ассистент, преподаватель кафедры уголовного  
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 205.6 УК РФ**

В современном мире терроризм превратился в одну из главных угроз для общества и государства, в связи с чем несообщение о преступлениях террористического характера приобрело более высокую степень общественной опасности. Глобализация террористических угроз поставила, в том числе перед нашим государством, задачу расширить круг уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с терроризмом, одной из которых стала введённая Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации норма о несообщении о преступлении – статья 205.6 «Несообщение о преступлении».

Согласно данной статье введена уголовная ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.

В соответствии с примечанием к рассматриваемой статье лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником.

Кроме того, не подлежит уголовной ответственности за несообщение о преступлении также лицо, которое выступало в качестве соучастника одного из указанных в диспозиции преступлений либо было прикосновенно к нему и привлекается к уголовной ответственности по ст. 174–175, 316 УК РФ.

В числе особенностей, характерных для расследования уголовных дел рассматриваемой категории, можно отметить необходимость установления лица, готовящего, совершающего или совершившего преступления террористической направленности, о котором проверяемое лицо не сообщило в органы власти, уполномоченные рассматривать данные сообщения; проведения комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и закрепление факта осведомленности проверяемого лица о подготовке либо совершении преступлений террористической направленности; установления характера взаимоотношений фигурантов рассматриваемого уголовного дела и основного уголовного дела террористической направленности, наличие у них близкого родства.

В отдельных случаях при расследовании уголовных дел возникали проблемы, связанные с наличием в диспозиции ст. 205.6 УК РФ понятий, не имеющих конкретного правового содержания.

Так, в связи с неопределенностью понятия «достоверно известные сведения» остается неясным, каким способом такие сведения могут быть получены, в каком виде или объеме; должны ли сведения содержать конкретные установочные данные лица, которое готовит, совершает или совершило преступление террористической направленности; являются ли сведения, полученные в ходе просмотра новостных сюжетов на федеральном телеканале, достоверными и подлежащими сообщению получившим их лицом в уполномоченные органы власти.

Кроме того, в диспозиции статьи не содержится четкого указания на то, должно ли лицо, обладающее соответствующими сведениями, быть уверено в их достоверности; когда именно человек, получивший такие сведения, должен обратиться с заявлением в уполномоченные органы власти.

Понятие достоверности является оценочным, и в каждом конкретном случае необходимо устанавливать источник получения субъектом преступления сведений о лице, совершающем преступление, объем и реальную способность лица понимать характер извест-

ной ему информации о преступлении террористической направленности.

Для оценки достоверности информации необходимо установить источник получения сведений о преступлении. Источником получения сведений могут быть собственные наблюдения лица (например, лицо являлось очевидцем преступления), голосовые и текстовые сообщения от участника преступления и т. п.

Не могут быть признаны достоверными сведения, полученные отпосторонних лиц, не имеющих отношения к совершаемому преступлению, догадки и предположения.

Помимо этого, в настоящее время в судах отсутствует единый подход относительно возможности изучения по существу уголовного дела рассматриваемой категории до вступления в законную силу приговора по основному уголовному делу террористической направленности.

К тому же в связи с тем, что срок, в течение которого необходимо сообщить известные сведения о совершении преступления террористического характера, УК РФ не определён, в ходе предварительного следствия необходимо установить, что лицо имело реальную возможность действовать определённым образом, а именно – сообщить имеющуюся у него информацию в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщение о преступлении.

Поэтому при расследовании и рассмотрении судами данной категории уголовных дел сторона защиты нередко поднимает вопрос определения времени начала и окончания преступления, что может повлиять на исчисление срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Так, в приговоре по одному из уголовных дел (Ивановская область) судом, в том числе апелляционной инстанции, указано, что несообщение сведений о лице, готовящем или совершающем преступление из числа указанных в ст. 205.6 УК РФ, относится к делящимся преступлениям. В данном приговоре суд сослался на Постановление Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. (в ред. от 14 марта 1963 г.) «Об условиях применения давности

и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям», в соответствии с которым делящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и кончается вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти).

За последние три года правоохранительными органами возбуждено более 100 уголовных дел рассматриваемой категории.

Факты несообщения о преступлении в большинстве случаев выявлялись в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий: «опрос», «наведение справок», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «исследование предметов и документов», «снятие информации с технических каналов связи», «наблюдение», «прослушивание телефонных переговоров», «отождествление личности». В частности, в ходе указанных ОРМ исследовались переписка лиц в социальных сетях и мессенджерах, фото- и видеоматериалы, содержащиеся в мобильных телефонах; сведения о соединениях между абонентами; опрашивались лица, причастные к террористической деятельности, а также осведомленные о противоправной деятельности данных лиц.

В процессе производства предварительного следствия по уголовным делам факты несообщения о преступлении выявлялись в основном в ходе допросов свидетелей и обвиняемых, проведения очных ставок, осмотров предметов и документов, производства обысков и выемок, а также в отдельных случаях в ходе производства различных видов судебных экспертиз (компьютерных, лингвистических).

Так, в ходе расследования одного из уголовных дел (Ставропольский край) в результате проведенной компьютерной экспертизы удалось восстановить удаленную с мобильного телефона информацию, подтверждавшую факт переписки фигурантов данного уголовного дела с обвиняемым по другому уголовному делу о преступлении террористической направленности в мессенджере

«WhatsApp», где последний сообщал о своем участии в боевых действиях на территории Сирии. При этом на первых допросах фигуранты названного уголовного дела отрицали свое знакомство с обвиняемым по основному уголовному делу террористической направленности, а также факт их осведомленности о его выезде в Сирию.

По другому уголовному делу (Карачаево-Черкесская Республика) установлено, что обвиняемый посредством мессенджера «Telegram» в сети «Интернет» поддерживал связь со своим знакомым, отправлявшим ему текстовые и голосовые сообщения с информацией о своем участии в деятельности террористической организации «Исламское государство», обращавшимся с просьбой об их распространении на различных ресурсах сети «Интернет» и указывавшим реквизиты для перечисления денежных средств. Таким образом, обвиняемому стало достоверно известно об участии своего знакомого в деятельности террористической организации «Исламское государство», а также организации им финансирования терроризма.

Основными доказательствами по этому делу, подтверждающими совершение обвиняемым преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, стали результаты осмотра предметов и документов, а также заключение лингвистической судебной экспертизы, установившее содержание и смысловую направленность представленной на исследование переписки, роль каждого участника диалога и речевую реакцию собеседника на определенные высказывания.

Чаще всего мотивами несообщения в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице, которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило преступления террористической направленности, у рассматриваемых лиц являлись: опасение быть привлеченным к уголовной ответственности; боязнь мести со стороны обвиняемого по основному уголовному делу террористической направленности; чувство религиозного единства; наличие дружеских связей с лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности по основному уголовному делу террористической направленности; чувство земляче-

ства; оправдание действий по совершению террористического акта, поддержка террористической деятельности.

С точки зрения характеристик субъектов рассматриваемых преступлений лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности по ст. 205.6 УК РФ, как правило, являлись граждане Российской Федерации, мужского пола в возрасте от 21 года до 40 лет, уроженцы Средней Азии и Северного Кавказа, имеющие среднее образование, исповедующие ислам, не имеющие постоянного места работы.

Рассматриваемые лица во всех случаях не состояли в близком родстве с лицом, привлекаемым к уголовной ответственности по основному уголовному делу террористической направленности, 86 % из них являлись свидетелями по основному уголовному делу террористической направленности.

Необходимо отметить, что в практической деятельности правоохранительных органов статья 205.6 УК РФ стала эффективным инструментом для выявления, пресечения и раскрытия преступлений террористической направленности, а в связи с возбуждением уголовных дел рассматриваемой категории нередко удавалось получить дополнительные важные доказательства вины лиц, совершивших преступления террористической направленности.

**А. В. Сентябова,**

*ассистент кафедры теории*

*и истории государства и права ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ПО ОКАЗАНИЮ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СУДЕ**

Конституция Российской Федерации в п. 1 ст. 48 гарантирует право каждого на бесплатную, квалифицированную, юридическую помощь. Несмотря на то, что данное право закреплено в Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории России, встречаются проблемы в правоприменении, которые, в свою очередь, заключаются в отсутствии законодательного закрепления понятия «квалифицированной юридической помощи», не определены субъекты, которые имеют право оказывать данную помощь, а также критерии квалифицированности, которые также не установлены законодательством. В связи с этим многие ученые высказывают свои мнения по установлению понятия, критериев, субъектов. Так, одни авторы рассматривают юридическую помощь как профессиональную юридическую поддержку самой правовой деятельности конкретного лица по реализации его прав, свобод, законных интересов в формах его полного или частичного замещения либо подготовки к ней<sup>103</sup>. Другие считают, что квалифицированной юридической помощью является профессиональная деятельность адвоката, которая направлена на защиту потенциально нарушаемых прав, свобод и правоохраняемых интересов физических и юридических лиц<sup>104</sup>. Третьи под квалифицированной юридической помощью понимают деятельность лиц, обладающих специальными

---

<sup>103</sup> Амельков Н.С. Понятие квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России // Молодой ученый. 2013. № 6. С. 525–529.

<sup>104</sup> Печерский В.В. Юридическая помощь и юридическая услуга // Юридическая наука и практика: вопросы теории и истории: сборник КГУ. К., 2004. С. 27.

знаниями в области права, по оказанию качественных правовых услуг<sup>105</sup>.

Автор понимает под квалифицированной юридической помощью правозащитную деятельность уполномоченных субъектов, направленную на защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, когда реализация их прав затруднена или когда права уже нарушены, с обеспечением им доступа к примирительным процедурам и правосудию с целью восстановления надлежащего положения субъекта права. Анализ законодательства позволяет говорить о содержании юридической помощи, включая в нее консультирование по правовым вопросам, составление процессуальных документов, защиту и представительство физических и юридических лиц в правоохранительных органах и суде.

Что касается субъектов, имеющих право оказывать квалифицированную юридическую помощь, то позиции авторов в этом вопросе неоднозначны. Так, среди таких субъектов называют и адвоката, и прокурора, и суд, а также специализированные общественные и государственные организации (например, общественные объединения потребителей, антимонопольные органы), юридические службы в учреждениях, предприятиях, организациях, частные детективные службы<sup>106</sup>. По мнению Г. М. Резника, «квалифицированной в соответствии с мировой практикой может считаться помощь, оказываемая специалистами по праву – как минимум лицами, имеющими юридическое образование, при обязательном соблюдении профессиональных стандартов и этических норм, поддерживаемых профессиональным контролем. Вне этих стандартов и норм юридическая помощь квалифицированной быть не может»<sup>107</sup>.

---

<sup>105</sup> Кашковский В. С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление: вопросы теории и практики: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 24 с.

<sup>106</sup> Богатырев В. Н., Барзилова Ю. В. Право граждан на юридическую помощь в условиях реформирования российского нотариата // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 69–73.

<sup>107</sup> Резник Г. М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4. С. 25–27.

Следует отметить, что для реализации конституционного права, закрепленного в ст. 48 Конституции РФ, важно выделять и гарантировать критерии квалифицированности оказываемой юридической помощи. Такими критериями прежде всего являются: во-первых, профессионализм, т.е. оказывать квалифицированную юридическую помощь на должен профессионал (практик) – особый субъект, обладающий специальными знаниями и опытом работы в области права, квалификация которого подлежит подтверждению коллегиальным решением специализированного органа (к примеру, в соответствии с Федеральным законом № 63-ФЗ от 31.05.2002<sup>108</sup> таким органом является квалификационная комиссия, созданная для приема квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на присвоение статуса адвоката); во-вторых, законность, т.е. использование законных средств и способов оказания юридической помощи. Деятельность субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, должна регулироваться законом; в-третьих, этичность поведения, т.е. соблюдение норм профессиональной этики и профессиональных стандартов. Комиссия по этике и стандартам, которая является коллегиальным органом Федеральной палаты адвокатов, разрабатывает обязательные для всех адвокатов стандарты оказания квалифицированной юридической помощи и другие стандарты адвокатской деятельности, а также дает разъяснения по вопросам применения Кодекса профессиональной этики адвоката.

Названные критерии в полной мере соответствуют адвокатской деятельности. В соответствии со ст. 1 ФЗ № 63-ФЗ от 31.05.2002 «Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию». Уместно упомянуть также Ко-

---

<sup>108</sup> Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ от 31.05.2002 (по сост. на 01.09.2022) // СПС «Консультант Плюс».

декс профессиональной этики адвоката, который выстраивает определенные стандарты адвокатской деятельности.

В чем же заключается юридическая помощь, оказываемая адвокатом, лицам, участвующим в процессуальных действиях? Адвокат в рамках оказания юридической помощи лицам, участвующим в процессуальных действиях, при проверке сообщения о преступлении вправе давать им краткие консультации по правовым вопросам, задавать вопросы по существу процессуального действия, заявлять ходатайства, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе процессуального действия. Необходимо гл. 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» дополнить новым принципом – «Обеспечение участникам уголовного судопроизводства права на получение квалифицированной юридической помощи», закрепив его в ст. 15.1 УПК РФ, со следующим содержанием:

«1. В уголовном судопроизводстве обеспечивается право на получение квалифицированной юридической помощи. Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, свидетелю, а также лицу, участвующему в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, их право пользоваться услугами адвоката в целях получения квалифицированной юридической помощи и обеспечивают им возможность реализации данного права.

2. Адвокат допускается в уголовное дело в установленном настоящим Кодексом порядке в качестве защитника подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а также лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, участвующего в процессуальных действиях, затрагивающих его права и свободы; представителя потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика; а также участвует в производстве следственных и иных процессуальных действий, проводимых со свидетелем.

3. Квалифицированная юридическая помощь, оказываемая в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом и иными федеральными законами, осуществляется в виде полномочий адвоката: давать участникам уголовного процесса, которые воспользовались услугами адвоката, консультации по правовым вопросам и получать копии документов о принятых процессуальных решениях в отношении этих лиц; задавать вопросы по существу процессуального действия, в котором адвокат участвует, с занесением их в протокол проводимого действия; заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда; делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного или иного процессуального действия; заявлять о нарушении прав и законных интересов лиц, которые воспользовались услугами адвоката, и требовать внесения таких заявлений в протокол следственного или иного процессуального действия.

4. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами, лица, указанные в части первой настоящей статьи, могут пользоваться услугами адвоката бесплатно». Предлагаемая норма, на наш взгляд, в полной мере соответствует конституционным предписаниям о гарантированности каждому права на получение квалифицированной юридической помощи. Особо важно, как это уже ранее отмечалось, в сфере уголовного судопроизводства.

*М. И. Сафронов,*  
*аспирант кафедры уголовного процесса*  
*и правоохранительной деятельности ИПСУБ*  
*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОТВЕТЧИКА В РАМКАХ СТАТЬИ 54 УПК РФ**

Одно из первых упоминаний о форме возмещения вреда, причинённого преступлением, которую мы рассматриваем в настоящей статье в качестве института гражданского ответчика в уголовном процессе, можно встретить, например, в Русской правде: так, допускалось, в случае если произойдет убийство и преступник останется неизвестен, возложение обязанности уплаты штрафа (виры) на общину, в округе которой обнаружен убитый; хозяин платил за холопа, если не хотел его «выдавать головою» потерпевшему<sup>109</sup>.

Кроме того, можно отметить положения, нашедшие свое развитие в отечественном уголовном судопроизводстве в период Судебной реформы 1864 г.

Так, статья 15 Устава уголовного судопроизводства указывает, что возмещение вреда в связи с совершением преступления могут осуществлять иные лица, а не только подсудимый<sup>110</sup>.

В ранних источниках советского уголовно-процессуального законодательства такой термин, как «гражданский ответчик» не ис-

---

<sup>109</sup>Сенин Н. Н. История становления и развития института возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе древней Руси и России до октября 1917 года электронный // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-instituta-vozmescheniya-vreda-prichinennogo-prestupleniem-v-ugolovnom-protsesse-drevney-rusi-i-rossii/viewer> (дата обращения: 17.09.2022).

<sup>110</sup> Устав уголовного судопроизводства // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 17.09.2022).

пользуется (например, Декреты ВЦИК от 12.04.1919, 18.03.1920, 23.06.1921 и т. д.), что, на наш взгляд, вполне закономерно. Вышеназванные документы носили скорее экстренный характер и преследовали иные цели, чем более поздние источники уголовно-процессуального законодательства.

Одновременно с этим, нельзя сказать, что молодое советское государство не понимало (или не знало) о наличии необходимости возложения гражданской ответственности за вред, причинённый преступлением на лиц, которые сами по себе причинителями вреда не являются.

Статья 14 УПК РСФСР 1923 года обращает внимание на то, что: «потерпевший, понесший от преступного деяния вред и убытки, вправе предъявить к обвиняемому и к лицам, несущим ответственность за причиненные обвиняемым вред и убытки гражданский иск, который подлежит рассмотрению совместно с уголовным делом»<sup>111</sup>, при этом не называет таких лиц напрямую «гражданским ответчиком» и не конкретизирует его процессуальные права и обязанности. О необходимости введения в уголовный процесс понятия «гражданский ответчик» говорят и правоведы тех лет<sup>112</sup>, указывая, что соответствующее нормативное регулирование предоставит потерпевшему необходимый минимум прав для возмещения причиненного преступлением вреда.

Советское уголовно-процессуальное законодательство впервые применяет термин «гражданский ответчик» в содержании ст. 55 УПК РСФСР 1960 года, указывая, что в качестве гражданского ответчика могут быть привлечены «родители, опекуны, попечители или другие лица, а также учреждения, предприятия и организации,

---

<sup>111</sup> Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «КонсультантПлюс».

URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1017197626> (дата обращения: 17.09.2022).

<sup>112</sup> Гродзинский М. Гражданский ответчик в советском уголовном процессе // Вестник советской юстиции. 1925. № 20.

которые в силу закона несут материальную ответственность за ущерб, причиненный преступными действиями обвиняемого»<sup>113</sup>.

Современное российское законодательство развивает содержание ст. 4 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г., а также ст. 2, 52 Конституции Российской Федерации, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), а именно в ст. 54.

В свою очередь, необходимо учитывать, что вопрос удовлетворения (отказа в удовлетворении) гражданского иска в рамках действующего УПК РФ находится в тесной связи с гражданским законодательством РФ (Гражданским кодексом Российской Федерации, Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации – далее ГК РФ, ГПК РФ). При изучении их взаимосвязи обнаруживаются некоторые недостатки нормативного регулирования, которые затрудняют доступ к правосудию подсудимым / осужденным (в случае признания их гражданскими ответчиками в порядке ст. 54 УПК РФ).

Так, ст. 34 ГПК РФ в состав лиц, участвующих в деле, относит стороны. При этом ст. 38 ГПК РФ, указывает, что сторонами в гражданском судопроизводстве являются истец и ответчик.

Кроме того, согласно п. 6 ст. 132 ГПК РФ к исковому заявлению должны быть приложены документы, подтверждающие вручение (направление) копии искового заявления другим лицам, участвующим в деле.

В случае если суд установит, что при подаче искового заявления были нарушены требования ст. 131–132 ГПК РФ (в том числе и обязанность истца на передачу (отправку) копии искового заявления ответчику), то суд выносит определение об оставлении заявления без движения.

---

<sup>113</sup> Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960).

Однако, рассматривая ч. 2 ст. 54 УПК РФ, можно обратить внимание, что гражданский ответчик фактически лишен возможности ознакомления с самим текстом искового заявления гражданского истца, поскольку прямое указание на чью-либо обязанность (истца, следователя, дознавателя, государственного обвинителя, суда) предоставить в адрес гражданского ответчика экземпляр гражданского иска отсутствует. Более того, подобный подход уже нашел свое место в правоприменительной практике.

Так, апелляционным постановлением Московского городского суда от 03.06.2019 по делу № 10-9696/19<sup>114</sup> гражданскому ответчику было отказано в ознакомлении с содержанием гражданского иска при следующих обстоятельствах:

«Судом апелляционной инстанции установлено, что, принимая решение об отказе в удовлетворении жалобы заявителя, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, суд строго руководствовался требованиями уголовно-процессуального закона...

21 февраля 2018 года фио предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ.

13 февраля 2019 года в рамках уголовного дела фио признан гражданским ответчиком по делу.

В соответствии со ст. 54 УПК РФ гражданский ответчик вправе знать сущность исковых требований и обстоятельства, на которых они основаны; возражать против предъявленного гражданского иска; давать объяснения и показания по существу предъявленного иска».

Данное право «знать сущность исковых требований и обстоятельства, на которых они основаны» предполагает возложение на следователя обязанности незамедлительно сообщить гражданскому ответчику соответствующие сведения о том, что именно требует гражданский истец, какова сумма гражданского иска.

---

<sup>114</sup> Апелляционное постановление Московского городского суда от 03.06.2019 № 10-9696/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOCN&n=9510131&rnd=9EVeIg#EHcZRLTWmGdUpPsL> (дата обращения: 17.09.2022).

Данную обязанность, как усматривается из представленных материалов уголовного дела, следователь исполнил – копия постановления о признании фио гражданским ответчиком по делу вручена последнему.

**При этом, по смыслу ст. 54 УПК РФ у органа следствия отсутствует обязанность в ходе предварительного следствия вручать копию искового заявления гражданскому ответчику, предъявлять иск ответчику для ознакомления,** поскольку, как правильно отражено в обжалуемом постановлении суда, в тексте постановления о признании фио гражданским ответчиком указана сущность исковых требований и обстоятельств, на которых они основаны.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу, что доводы заявителя фио, изложенные в жалобе, не основаны на требованиях уголовно-процессуального законодательства.

В соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ гражданский ответчик вправе знакомиться по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному гражданскому иску, и делать из уголовного дела соответствующие выписки, снимать за свой счет копии с тех материалов уголовного дела, которые касаются гражданского иска, в том числе с использованием технических средств»<sup>115</sup>.

Согласно изложенным выше обстоятельствам совершенно очевидным представляется тот факт, что ознакомление гражданского ответчика с содержанием гражданского иска является не просто необходимым, а обязательным условием реализации права гражданского ответчика на защиту, справедливое судебное разбирательство, осуществление принципа равноправия сторон, а также доступа к правосудию.

---

<sup>115</sup> Апелляционное постановление Московского городского суда от 03.06.2019 № 10-9696/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOCN&n=9510131&rnd=9EVeIg#EHcZRLTWmGdUpPsL> (дата обращения: 17.09.2022).

В противном случае нарушается очевидная (и необходимая) взаимосвязь норм уголовно-процессуального и гражданского законодательства в части рассмотрения гражданского иска. К примеру, обычном гражданском процессе сложно представить ситуацию, при которой судебное разбирательство будет продолжено и окончено вынесением судебного решения при отсутствии у ответчика экземпляра искового заявления. Гражданский ответчик фактически лишается возможности ознакомиться с доводами гражданского истца в части, например, способа расчета размеров исковых требований (материального и морального вреда), обстоятельств, подтверждающих претерпевание нравственных страданий.

Кроме того, нарушается принцип процессуальной экономии, важность которой отмечает и Конституционный суд РФ<sup>116</sup>. При своевременном ознакомлении подсудимого/осужденного последний будет иметь достаточно времени для формирования правовой позиции по предъявленному гражданским истцом требованию. Это снизит нагрузку на суды в виде, например, уменьшения количества жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, в части ознакомления с содержанием гражданского иска.

Учитывая все вышесказанное, в целях реализации подсудимым/осужденным гарантированного права на защиту, обеспечения беспрепятственного доступа гражданского ответчика к правосудию, дополнительного закрепления и актуализации непосредственной взаимосвязи норм гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства России (в тех случаях, когда происходит их взаимопроникновение в сферы правоотношений, отраслевые границы которых размыты) представляется необходимым

---

<sup>116</sup> По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 17-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_117357/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117357/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/) (дата обращения: 17.09.2022).

внести соответствующие изменения в содержание п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ следующего содержания:

«9) знакомиться по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному гражданскому иску, с содержанием гражданского иска и делать из уголовного дела, гражданского иска соответствующие выписки, снимать за свой счет копии с тех материалов уголовного дела, которые касаются гражданского иска, в том числе с использованием технических средств».

### **Список литературы**

1. Гродзинский М. Гражданский ответчик в советском уголовном процессе // Вестник советской юстиции. 1925. № 20.

2. Сенин Н. Н. История становления и развития института возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе древней Руси и России до октября 1917 года [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».

*А. П. Липинский,*

*аспирант кафедры уголовного процесса*

*и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «УдГУ»*

## **РАЗЪЯСНЕНИЕ НЕДОПУСТИМОСТИ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАНЫХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

Дискуссионным является вопрос о разъяснении недопустимости разглашения данных досудебного производства и предупреждение об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ подозреваемых, обвиняемых, заявивших ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Указанное ходатайство может быть заявлено только подозреваемым или обвиняемым в стадии предварительного расследования, при этом указанному лицу уже должны быть разъяснены положения ст. 161 УПК РФ и оно должно быть предупреждено о возможных последствиях их нарушения.

Законодатель отдал на усмотрение следователя и прокурора решение о рассмотрении указанного ходатайства, наличие которого является одним из основных обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, в чем заинтересован обвиняемый или подозреваемый, а также способствует раскрытию наиболее опасных тяжких и особо тяжких преступлений, в чем заинтересованы сотрудники правоохранительных органов.

Досудебное соглашение о сотрудничестве не является сделкой с правосудием, а выступает в качестве разновидности уголовно-процессуального института диспозитивного характера, входящего в систему согласительных процедур, в рамках которых обвиняемый или подозреваемый берет на себя обязательства по содействию рас-

крытию и расследованию преступления в обмен на смягчения наказания<sup>117</sup>.

Суд при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве не связан позицией прокуратуры при рассмотрении уголовного дела и оценке сотрудничества обвиняемого. Именно при производстве по уголовному делу при наличии ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве возникает большое количество вопросов, связанных с недопустимостью разглашения данных досудебного производства.

Следует учитывать, что заявить ходатайство может несколько обвиняемых, каждый из которых считает, что указанное ходатайство должно рассматриваться как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность, и рассчитывает на заключение с ним соглашения. Однако, невозможно заключить соглашение со всеми обвиняемыми, особенно при противоречивых ходатайствах, поэтому следователь рассматривает все поступившие ходатайства и решает вопрос, с кем следует заключить досудебное соглашение, а кому следует отказать в нем. Хотя соглашение заключает прокурор, но решение он принимает на основании ходатайства следователя, который представляет ему не все имеющиеся ходатайства обвиняемых, а только то, которое он считает необходимым или возможным удовлетворить. Обвиняемому, с которым он не считает целесообразным заключать досудебное соглашение, следователь откажет в удовлетворении ходатайства, о чем вынесет соответствующее постановление. Возникает ситуация, когда в деле имеются несколько равнозначных с позиции уголовного процесса ходатайств, которые в последующем должны рассматриваться как обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность, но только одно из них будет удовлетворено. При этом в отношении лица, с которым будет заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовное дело будет выделено в отдельное производство, соответственно сам факт

---

<sup>117</sup>См.: Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 15.

выделения уголовного дела и проведение следственных действий с участием обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, будет говорить о наличии послед-него, независимо от предупреждения о недопустимости разглашения данных о нем.

Возникает вопрос о том, как быть с остальными обвиняемыми, с которыми не заключили досудебного соглашения, но о котором они просили? Должно ли в материалах уголовного дела оставаться ходатайство, которое представлялось указанными лицами? Полагаем, что ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в которых было отказано в удовлетворении, должны находиться в материалах уголовного дела, ознакомление с ними возможно только при изучении этих дел. Наличие указанного ходатайства, на наш взгляд, позволит более объективно оценить позицию и виновность конкретного лица, его раскаяние или желание противодействовать процессу расследования и может быть оценено в последующем в качестве смягчающего вину обстоятельства при условии, что лицо способствовало процессу раскрытия преступления. Кроме того, наличие неудовлетворенного ходатайства заставит и следователя, и суд более внимательно относиться к позиции лица, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в определенной ситуации поможет правильно оценить имеющиеся доказательства и принять объективное решение.

После направления уголовного дела в суд в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при рассмотрении данного дела фактически снимается запрет на исследование материалов досудебного производства в открытом процессе. Несмотря на то, что уголовное дело в отношении такого лица осуществляется без проведения судебного следствия, могут возникнуть вопросы, связанные с изучением его личности, требующие исследования отдельных доказательств, таким образом, информация может быть разглашена еще в процессе производства предварительного следствия, которое проводится по уголовному делу в отношении

лиц, с которыми не было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

При производстве по основному уголовному делу в отношении обвиняемых, с которыми не было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, возникает вопрос о необходимости разъяснения положений ст. 161 УПК РФ и предупреждения об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ вновь всех участников производства по уголовному делу. Полагаем, что повторное разъяснение положений ст. 161 УПК РФ должно иметь место, поскольку изменился состав обвиняемых, необходимо обеспечить защиту лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

При поступлении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве очень часто в целях оказания психологического воздействия и получения необходимой информации о совершенных иных преступлениях оперативные сотрудники пытаются завербовать лицо для получения от него в последующем информации под угрозой распространения сведений о поступлении от него ходатайства о заключении досудебного соглашения. Указанная ситуация, на наш взгляд, является неприемлемой, следовательно не должен сообщать указанную информацию, ставя под угрозу тех обвиняемых, которые предлагают содействие правоохранительным органам. В то же время необходимость получения оперативной информации о конкретном лице, необходимость оперативного сопровождения приводит к тому, что следователь сообщает оперативным сотрудникам о наличии подобных ходатайств. Полагаем, что следователь вправе сообщить информацию оперативным сотрудникам только в случае, если он безусловно им доверяет и знает, что они не будут использовать недозволенные методы воздействия на обвиняемого. В противном случае вопрос о передаче информации может решаться через прокурора, осуществляющего координацию взаимодействия органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

При производстве по уголовному делу при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве все участники должны быть уве-

домлены о недопустимости разглашения данных досудебного производства и уголовной ответственности в случае их разглашения. Указанное предупреждение должно быть сделано первоначально по возбужденному уголовному делу, после выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение, предупреждение по ст. 310 УК РФ участников уголовного процесса должно проводиться по обоим уголовным делам.

*А. А. Юлбердин,  
аспирант кафедры уголовного процесса  
и правоохранительной деятельности ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **УЧАСТИЕ ПОНЯТЫХ В ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ**

Помимо лица, непосредственно производящего осмотр места происшествия, в данном следственном действии могут принимать участие и другие субъекты уголовного процесса. При этом УПК РФ не содержит перечня лиц, участие которых в ходе следственного действия обязательно, равно как и тех, чье участие не допускается. К числу таких лиц следует отнести понятых.

Понятой – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия<sup>118</sup>.

Требования, предъявляемые к понятым, определены в ч. 2 ст. 60, ст. 170 УПК РФ. М. А. Чернышев предлагает «не привлекать в качестве понятых лиц с физическими отклонениями, которые препятствуют выполнению их функций (например, плохое зрение), излишне впечатлительные лица, малограмотные, а также лица, проживающие в другом населенном пункте, административном округе и т. д.»<sup>119</sup>.

С позицией М. А. Чернышева следует согласиться, однако закрепление подобной нормы может необоснованно усложнить практику привлечения понятых к следственным действиям. Не придется ли следователю перед осмотром места происшествия запрашивать

---

<sup>118</sup> Мамонов В.С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты осмотра места происшествия в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 14.

<sup>119</sup> Чернышев М.А. Осмотр места происшествия как базовая тактическая операция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 149.

справки с медицинских учреждений о состоянии здоровья? Следовательно заинтересован в участии понятых, которые способны понимать суть происходящего. В противном же случае суд может признать следственное действие незаконным в силу того, что понятой на основании ч. 1 ст. 60 УПК РФ не смог удостовериться в факте следственного действия.

Что касается практики не привлечения в качестве понятых лиц, проживающих в другой местности, то здесь складывается достаточно интересная ситуация. В правоприменительной практике действительно не приветствуется привлечение к следственным действиям подобных лиц. Однако это обусловлено не принципами уголовного судопроизводства, а вопросами времени и удобства. Нередко понятых приходится допрашивать в качестве свидетелей или вызывать в суд. Очевидно, что вызов понятых с другого региона может сильно замедлить производство по уголовному делу. Но все же нет процессуальных причин не допускать в качестве понятых лиц, проживающих в другой местности.

Как правило, в производстве осмотра места происшествия, как, впрочем, и в других следственных действиях, принимают участие двое понятых. Для понятых участие в следственном действии не является обязательным, и при желании они могут от этого отказаться.

Нередко со стороны защиты предпринимались попытки признания в суде незаконными следственные действия, проводимые с участием в качестве понятых студентов, проходящих практику в следственных органах, стажеров и т.п. лиц. Свою позицию противники подобной практики мотивируют тем, что данные лица явно заинтересованы в исходе дела и, по сути, представляют интересы следствия. Однако правоприменительная практика остается неизменной, и студенты-практиканты, а также стажеры продолжают принимать активное участие в производстве следственных действий, в том числе и в ходе осмотра места происшествия.

Полагаем, в подобной позиции есть определенная доля истины. Необходимо разграничивать обычных студентов-практикантов,

которые проходят производственную либо учебную практику по направлению ВУЗов, от стажеров, которые претендуют на должность следователя или дознавателя. В первом случае студент ознакомляется с деятельностью органов предварительного расследования. Его интерес – это изучить процесс производства следственных действий и успешно сдать практику, которую он будет защищать у преподавателей в ВУЗе.

Во втором же случае стажер – лицо, которое собирается устроиться на службу в органы предварительного расследования. Во многом успешность его трудоустройства зависит от лояльности к интересам службы, которые не обязательно совпадают с принципами уголовного судопроизводства.

Полагаю необходимым разграничивать данных лиц и запретить стажерам принимать участие в качестве понятых в ходе следственных действий.

Еще одним дискуссионным вопросом является участие одних и тех же понятых в разных процессуальных действиях в рамках одного уголовного дела.

По данному поводу Верховный суд РФ вынес Кассационное определение, изложив однозначную позицию. В рамках кассационного производства рассматривалась жалоба, в котором осужденный Стерхов, адвокат Чувашов заявляли, что в ходе осмотра места происшествия в качестве понятых принимали участие Н., Г., М., С., Б. и другие, которые проходили практику в органах следственного комитета, являлись общественными помощниками следователя, и в настоящее время работают в правоохранительных органах, а К., В., Л. и другие, принимали участие в следственных действиях в качестве понятых неоднократно<sup>120</sup>.

Вынося кассационное определение, Верховный суд указал на следующее: «Несостоятельными являются утверждения кассаци-

---

<sup>120</sup> Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.07.2013 № 43-О13-12 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=347453&dst=100147&date=24.04.2021&demo=2> (дата обращения: 03.07.2022).

онных жалоб о недопустимости как доказательств ряда протоколов следственных действий, в которых в качестве понятых принимали участие лица, ранее проходившие практику в органах следственного комитета, являвшиеся общественными помощниками следователя, и работающие в настоящее время в правоохранительных органах... Как усматривается из материалов настоящего уголовного дела, в них не содержится сведений о том, что указанные в кассационных жалобах лица, участвовавшие в качестве понятых в производстве следственных действий, были заинтересованы в исходе уголовного дела. Не содержится таких сведений и в кассационных жалобах. В уголовно-процессуальном законе не содержится запрета на возможность повторного привлечения лица для участия в качестве понятого при проведении другого следственного действия по тому же уголовному делу»<sup>121</sup>.

Несмотря на твердую позицию суда, правоприменительная практика продолжает исходить из того, что участие одних и тех же понятых в разных следственных действиях означает заинтересованность в уголовном деле. Так или иначе, на практике не всегда удается обеспечить участие понятых в следственном действии. Проблемы могут быть обусловлены ночным временем суток, безлюдной местностью и плохими погодными условиями.

Положения ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ допускают применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия, и если их применение невозможно, то должна быть сделана соответствующая запись. При этом УПК РФ не содержит норм о применяемых технических средствах в ходе осмотра места происшествия. На практике подобными средствами являются фото- и видеокамеры. В данном случае справедливо возникает вопрос: могут ли технические средства полностью заменить понятых в ходе производства осмотра места происшествия?

До недавнего времени вопрос об утрате актуальности участия понятых в правоприменительной практике не поднимал-

---

<sup>121</sup> Там же.

ся. Однако с течением времени, в связи с широким распространением применения технических средств фиксации хода следственного действия, все чаще возникают разговоры об утрате актуальности института понятых и необходимости от их отказа. Одним из таких ярких высказываний являются слова бывшего Президента России Д. А. Медведева в 2011 году, который на встрече с высшим руководством МВД России назвал понятых рудиментом прошлого и предложил Государственной Думе подумать о том, в каких следственных действиях их участие не обязательно<sup>122</sup>. Еще раз следует подчеркнуть, что на тот момент участие понятых в ходе осмотра места происшествия было обязательным.

Одним из сторонников упразднения института понятых является Т. И. Гарипов, который утверждает, что суд самостоятельно должен решать вопрос о достоверности полученных доказательств из соображений совести и морали. Зависимость достоверности полученных доказательств от понятого, который не владеет знаниями в области уголовно-процессуального законодательства и криминалистики – «процессуальный фарс»<sup>123</sup>.

По мнению В. С. Латыпова, «полный отказ от понятых и замена их видеофиксирующими устройствами преждевременны... Более того, в настоящее время ни одно техническое устройство не способно по окончании следственного действия сделать замечание или задать уточняющий вопрос, а современная уголовно-процессуальная деятельность немыслима без участия общественного элемента... Понятой для отечественного уголовного процесса является не уста-

---

<sup>122</sup> Дмитрий Медведев: институт понятых – рудимент прошлого // Эхо Москвы. 2011. 27 октября. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/824559-echo> (дата обращения: 03.07.2022).

<sup>123</sup> Гарипов Т. И. Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: быть или не быть? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 1. С. 126.

ревшим институтом, а достоянием, доставшимся нам практически в неизменном виде, сохранившимся сквозь века»<sup>124</sup>.

С позицией В. С. Латыпова сложно не согласиться. Действительно, технические средства фиксации хода следственного действия не могут гарантировать объективность производства осмотра места происшествия. Ничто не мешает следователю, который заинтересован в деле, переставить объекты, сделать фотографии с нужных ему ракурсов и иным образом создать видимость работы. Кроме того, при распечатывании снимком сильно теряется качество фотографии, а хранить на материальном носителе файлы в высоком разрешении долгое время никто не будет. С другой стороны, ничто не мешает брать на осмотр места происшествия уже заранее «подготовленных» понятых, которые не будут задавать лишних вопросов и заявлять ходатайств, а будут лишь рабочим фоном.

Интересно, что правоприменительная практика давно нашла решение на данный вопрос. Общепринятым считается, что по делам, имеющим некий общественный резонанс либо подсудным Верховному суду РФ, осмотр места происшествия необходимо производить как с участием понятых, так и с применением специальных технических средств. Это дает небольшую, но прибавку к гарантии того, что производимой осмотр места происшествия будет отвечать требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Справедливо заметить, что научная мысль об упразднении института понятых появилась задолго до всеобщей практики применения фото- и видеофиксации в ходе осмотра места происшествия. Л. М. Цимбал еще в 2006 году писал, что «реальной пользы участие понятых в следственных действиях не приносит, негативно влияет на раскрываемость преступлений, не способствует укреплению законности и, как следствие, институт понятых исчерпал себя»<sup>125</sup>.

---

<sup>124</sup> Латыпов В. С. Нужен ли понятой в современном уголовном процессе России? // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 1 (1). С. 57.

<sup>125</sup> Цимбал Л. М. Проблемы участия понятых в производстве следственных действий // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2006. Вып. 1(17). С. 77.

Противоположного мнения придерживается В. С. Мамонов, который подчеркивает, что «участие понятых – это не метод и не средство фиксации. Участие понятых в осмотре – процессуально закрепленная гарантия законности производства следственного действия, объективности и полноты исследования обстановки места происшествия»<sup>126</sup>. С данной позицией, считаю, следует согласиться, но необходимо подчеркнуть, что по смыслу ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ технические средства фиксации хода и результатов следственного действия все же заменяют понятых. Однако это не является научным упущением В. С. Мамонова, ведь на момент написания его работы подобной нормы в УПК РФ еще не было.

В завершении хотелось бы сделать вывод о том, что нет необходимости вытеснять один способ фиксации хода производства осмотра места происшествия другим, так как это не решит проблему объективности и достоверности полученных в ходе следственного действия доказательств. Принявших участие в ходе осмотра понятых при необходимости следует допросить. При наличии сомнений в его показаниях необходимо искать связи между ним и лицом, производившим осмотр. Конечно же, следует внести определенные изменения в уголовно-процессуальное законодательство (как уже было предложено про участие стажеров в ходе осмотра), но полный отказ от института понятых ни к чему хорошему не приведет. Да и в конце концов, нет ничего плохого, что обычный человек может принять участие в ходе следственного действия, ведь таким образом он убеждается в том, что следственные органы объективно и профессионально подходят к своему делу, что, в свою очередь, поддерживает их авторитет и репутацию.

---

<sup>126</sup> Мамонов В. С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты осмотра места происшествия в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 123.

*Л. А. Ватлин,*  
*аспирант кафедры гражданского права ИПСУБ*  
*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ВЛИЯНИЕ СТОРОН И ТРЕТЬИХ ЛИЦ НА ДИНАМИКУ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА**

Отношения по обмену экономическими благами всегда являются показателем развития общества, и чем сильнее такие отношения распространены, тем чаще на их динамике сказываются любые изменения, которые выходят за пределы обоюдной воли сторон.

Обязательство может возникать, быть изменено или прекращено, в частности, вследствие действий одной из его сторон или действий третьих лиц. Эти основания представляют существенный интерес с точки зрения научного исследования, поскольку в любом из этих случаев то, что происходит с обязательством, может не совпасть с волей одной из его сторон или вовсе находиться вне разумного контроля всех участников обязательства. Рассмотрим некоторые случаи изменения динамики обязательства в каждой из обозначенных групп.

В рамках реформы гражданского права статья 310 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] была изложена в новой редакции, в результате чего действующее законодательство позволяет при определенных обстоятельствах обусловить право на односторонний отказ от исполнения обязательства или его изменение необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства.

С точки зрения свободы договора норма абсолютно оправданная: если стороны вправе предусмотреть возможность одностороннего влияния на динамику обязательства, то они также должны быть вправе определить условия такого влияния.

Однако нередко случаи, когда стороны согласовывают только сумму платежа, упуская определение правовых последствий заявления об одностороннем отказе и уплаты денежных средств.

Например, предметом толкования судов в деле № А76-716/2021 стало следующее условие договора подряда: «заказчик не вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора в соответствии со ст. 717 ГК РФ, в ином случае заказчик уплачивает подрядчику штраф в размере 13 000 000 руб.» [2].

В подобных случаях могут возникнуть спорные ситуации, связанные с порядком реализации права на односторонний отказ и определением правовых последствий такой реализации. В частности, является ли необходимым условием для одностороннего отказа *предварительное* внесение предусмотренной соглашением денежной суммы? Или заявление об отказе от исполнения обязательства в данном случае порождает другое обязательство по уплате денежной суммы?

Решение этого вопроса представляется крайне важным, в частности, для определения момента прекращения первоначального обязательства. В зависимости от этого, например, по-разному может определяться судьба исполнения первоначального обязательства одной стороной после заявления об отказе от обязательства другой стороной, но до внесения ею определенной соглашением денежной суммы.

Из грамматического толкования нормы п. 3 ст. 310 ГК РФ в совокупности с положениями ст. 327.1 ГК РФ (обусловленное исполнение обязательства) следует, что внесение оговоренной суммы является *условием* для осуществления соответствующего права.

В толковом словаре С. И. Ожегова под условием понимается обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; требование, предъявляемое одной из договаривающихся сторон [3].

Таким образом, текст закона требует в первую очередь уплату денежных средств, а затем только допускается заявление об отказе от обязательства.

В пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 [4] содержится следующее разъяснение: по смыслу пункта 3 статьи 310 ГК РФ обязанность по выплате указанной в нем денежной суммы возникает у соответствующей стороны

*в результате* (курсив мой – Л. А.) осуществления права на односторонний отказ от исполнения обязательства или на одностороннее изменение его условий, то есть в результате соответствующего изменения или расторжения договора (пункт 2 статьи 450.1 ГК РФ). Если иное не предусмотрено законом или договором, с момента осуществления такого отказа (изменения условий обязательства) первоначальное обязательство прекращается или изменяется, и возникает обязательство по выплате определенной денежной суммы.

Как видим, Пленум ВС РФ придерживается диаметрально противоположной точки зрения: по общему правилу, для прекращения обязательства – достаточно заявления управомоченной стороны, которая впоследствии становится должником в обязательстве по выплате денежной суммы.

Такой подход едва ли можно назвать удачным, поскольку неизбежно страдают интересы получателя платы за отказ от обязательства.

Такая плата главным образом носит компенсационную природу и направлена на возмещение возможных убытков, вызванных досрочным прекращением обязательства [5].

Однако после прекращения обязательства в результате реализации права на односторонний отказ одной стороной другая сторона остается и без того, на что была вправе рассчитывать при вступлении в обязательство, и без компенсации своих потерь. А как показывает практика, получить денежные средства с контрагента бывает не всегда просто.

В доктрине также не поддерживают позицию Пленума ВС РФ. Например, В. В. Витрянский указывает, что «применение в нашем случае правил ст. 327.1 ГК РФ может означать только то, что сама возможность осуществления права на односторонний отказ от исполнения обязательства (одностороннее изменение его условий) появляется у управомоченной стороны лишь после исполнения обязанности по выплате контрагенту соответствующей денежной суммы» [6].

А. Г. Карапетов предлагает в качестве критерия определения модели прекращения обязательства руководствоваться способом исчисления платы за отказ от обязательства: если размер такой платы легко определим без обращения в суд, то ее внесение является условием для последующего отказа (изменения); наоборот, если в соглашении подчеркивается компенсационная природа платы, и ее размер зависит от размера возможных убытков другой стороны, то внесение платы за отказ (изменение) – следствие реализации соответствующего права [7].

Представляется, что данное обстоятельство может служить одним из критериев определения момента прекращения обязательства, но в основе формулирования *общего правила* должен лежать принцип защиты интересов стороны-получателя платы за отказ от обязательства (его исполнения). Прежде всего такой участник обязательства должен получить компенсацию за реализацию права другой стороной (в случае если условия соглашения позволяют определить ее размер до заявления об отказе), а уже после получения от нее соответствующего заявления обязательство должно считаться измененным или прекращенным.

Иными словами, для прекращения обязательства в данном случае необходим юридический состав, то есть совокупность следующих юридических фактов: заявление об одностороннем отказе от обязательства (его изменении) и внесение платы за такой отказ (изменение). Отсутствие какого-либо элемента не влечет прекращения (изменения) обязательства.

Далее рассмотрим один из проблемных вопросов влияния третьих лиц на динамику обязательства.

В рамках реформы гражданского законодательства ГК РФ был дополнен ст. 431.2, которая посвящена регулированию института заверений об обстоятельствах. В нормах указанной статьи идет речь о заверениях, данных одной стороной договора другой, но ничего не сказано о возможности дачи заверений третьими лицами, не являющимися сторонами договора.

Между тем на практике нередки ситуации, когда третье лицо заинтересовано в том, чтобы между сторонами был заключен (изменен, прекращен) договор. Например, материнская компания может дать заверения об обстоятельствах, касающихся обязательств дочерней; хозяйственное общество может дать заверения при продаже долей его участниками и т. д. В каком объеме могут применяться положения ст. 431.2 ГК РФ в таком случае?

Сама возможность дачи заверений третьим лицом, т. е., по существу, его одностороннего волеизъявления, связывающего обязательством по гарантии достоверности определенных обстоятельств, соответствует принципу договорной свободы [8]. В связи с этим Пленум ВС РФ прямо указал на это в п. 34 постановления № 49 от 25.12.2018 [9].

Однако в вопросе правовых последствий недостоверности таких заверений Пленум ВС РФ ограничился лишь указанием на то, что третье лицо отвечает перед стороной договора, которой предоставлено заверение, в соответствии со ст. 431.2 ГК РФ и положениями об ответственности за нарушение обязательств (гл. 25 ГК РФ), что само по себе вопросов не вызывает.

Однако п. 2 ст. 431.2 ГК РФ предусмотрено, что наряду с требованием о возмещении убытков и взыскании неустойки сторона, полагавшаяся на недостоверные заверения *контрагента* (курсив мой – Л. А.), вправе отказаться от договора (исполнения обязательства). Допустим ли отказ от договора в случае недостоверности заверений, данных третьим лицом? Могут ли применяться правила об отдельных видах договоров, например, о праве покупателя на соразмерное уменьшение покупной цены товара (ст. 475 ГК РФ)?

В науке гражданского права не сложилось единого мнения по обозначенным вопросам. Так, М. Н. Илюшина, опираясь на приведенные разъяснения Пленума ВС РФ, указывает, что «покупатель <...> имеет право либо отказаться от договора, либо признать его недействительным по основаниям, предусмотренным в ст. 178 ГК РФ («Введение в заблуждение») либо по ст. 179 («Обман»)» [10].

М. И. Лухманов, принимая во внимание деликтную природу ответственности за недостоверные заверения, считает, что отказ от

договора применим тогда, когда другая сторона договора знала или должна была знать о предоставлении третьим лицом недостоверных заверений [11].

Представляется, что определение объема правомочий стороны договора, по которому было дано недостоверное заверение третьим лицом, должно опираться на понимание такого заверения в качестве обязательства, в котором третье лицо является должником, а лицо, получившее заверения – кредитором.

В силу п. 3 ст. 308 ГК РФ такое обязательство не может создавать обязанности для лиц, которые в нем не участвуют в качестве сторон, т. е. для другой стороны договора, по которому дано заверение.

Следовательно, по общему правилу недостоверность заверений третьего лица влечет правовые последствия в виде гражданско-правовой ответственности в отношениях между третьим лицом и реципиентом заверений, в частности, последний вправе требовать возмещения убытков или уплаты определенной соглашением между ними неустойки.

Вместе с тем в случаях, когда другой стороне договора известно (должно быть известно) о данных третьим лицом недостоверных заверениях, но она тем не менее вступила в сделку, следует предоставить потерпевшей стороне право на отказ от договора (п. 2 ст. 431.2 ГК РФ) и на признание его недействительным, например, на основании абз. 3 п. 2 ст. 179 ГК РФ, где специально оговорены условия признания недействительной сделки, совершенной под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом.

Таким образом, когда в обязательстве гражданско-правовой ответственности за недостоверность заверений имеется множественность лиц на стороне должника (по существу, третье лицо и сторона договора действовали совместно), потерпевший обладает всем объемом прав по отношению к третьему лицу и другой стороне договора (в том числе по правилам об отдельных видах договоров).

Как видим, существующее правовое регулирование воздействия одной из сторон и третьих лиц на гражданско-правовое обязательство не разрешает всех спорных моментов, возникающих

на практике. С учетом имеющихся неоднозначных разъяснений Пленума ВС РФ представляется необходимым внести в них соответствующие изменения и дополнения.

### **Список литературы**

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.10.2021 по делу № А76-716/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 11.10.2022).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 // «Российская газета». 2016. № 275.

5. См., напр.: Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. Правовая природа платы за односторонний отказ от исполнения обязательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9. С. 57–65.

6. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – 2-е изд., испр. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».

7. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 / А. Г. Карапетов, А. А. Павлов [и др.] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 / Е. Д. Автонова, П. А. Астапенко [и др.] // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2019. № 2.

10. Илюшина М. Н. Гражданско-правовые механизмы защиты прав граждан при продаже жилых помещений // СПС «КонсультантПлюс».

11. Лухманов М. И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // СПС «КонсультантПлюс».

**В. В. Журавлев,**

*аспирант, магистр частного права*

*ФГБНУ «Исследовательский центр частного права*

*им. С. С. Алексеева при Президенте РФ»*

*г. Ижевск*

## **ПОДХОДЫ РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЫ ЧАСТНОГО ПРАВА К ПРАВОВЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ СМЕШЕНИЯ ВЕЩЕЙ**

Исторически сложилось три подхода к пониманию правовых последствий смешения вещей:

- На «смесь» вещей образуется общая долевая собственность [1].

- На «смесь» вещей образуется индивидуальная собственность владеющего ими лица [2].

В доктрине иск о разделе имущественной массы, в которой невозможно идентифицировать вещи лица, потерпевшего от смешения, но возможно доказать, что они там есть, был воспринят как отдельный подход, поэтому:

- Смешение вещей не влечёт изменений в праве собственности [3].

Рассмотрение каждого подхода имеет следующую структуру: 1) позиция сторонников; 2) контраргументы против неё; 3) защита прав лиц, вещи которых были смешаны.

*Смешение не влечёт изменений в праве собственности*

Сторонники этой модели указывают на: (1) ч. 3 ст. 35 Конституции РФ в соответствии с которой никто не может быть лишён своего имущества иначе как по решению суда [4]; (2) отсутствие правового обоснования прекращения права собственности, предусмотренного законом [5].

(1) Данная позиция выглядит как контраргумент для исследователей, признающих право собственности за владельцем «смеси». С ней действительно стоит согласиться.

(2) Однако в действительности, к прекращению первоначальных прав приводит то, что потерпевший не способен осуществить своё право собственности, поскольку объект отсутствует ввиду потери индивидуализации, а значит и защищать попросту нечего [6]. Именно данный вывод и служит основным контраргументом против этого подхода, так как: «Право собственности может быть установлено лишь на индивидуально-определённую вещь» [7]. Вместе с тем рассматриваемое регулирование последствий смешения необходимо проанализировать с помощью примера из судебной практики [8].

Поклажедатель передал хранителю 10 голов скота, у хранителя имелось 150 голов такого же скота; также договором предусмотрено обезличение хранящегося имущества (смешение имущества хранителя и поклажедателя). Впоследствии поклажедатель предъявляет хранителю требование о возврате переданного скота. Хранитель отказывает, ссылаясь на отсутствие у него такого ввиду юридической гибели вещи поклажедателя.

Какой механизм защиты предлагает рассматриваемый подход? Ответ прост: при условии доказанности наличия в образовавшейся «смеси» имущества поклажедателя ему будет возвращена вещь. Д. Д. Grimm указывает, что для защиты прав в подобной ситуации: «...на практике же допускается *vindicatio quantitatis* (*прим. – виндикация количества вещей*), т. е. каждый вправе требовать выдачи из общей массы такого количества вещей, какое соответствует принадлежавшему ему ранее количеству их, не имея права и не будучи обязан требовать выдачи именно тех самых вещей... » [9].

Однако виндикации количества вещей в российском праве не предусмотрено. Обычную виндикацию нельзя применить ввиду отсутствия индивидуальных признаков вещи и выбытия вещи из владения по воле собственника. Равно как недопустим и кондикционный иск, т. к. имеется основание обогащения – договор. Статья 15 ГК РФ предоставляет возможность взыскать убытки с правонарушителя, однако собственник всё же неизбежно теряет свою вещь, сохраняя лишь относительно эффективные средства защиты в подобной ситуации.

*Смешение вещей приводит к приобретению собственности  
владельцем смеси*

Основными аргументами данного подхода являются следующие основания: (1) при смешении вещей, вещь гибнет в юридическом или физическом смысле [10]; (2) правом собственности наделяется её владелец, т. к. владение создаёт «внешний» эффект легитимации [11].

(1) Первый тезис отражает двухсторонний эффект смешения, но не учитывает главного правового последствия – право собственности лица не может прекратиться просто по той причине, что вещь перестала существовать самостоятельно и слилась с похожей. Получается, что применение этого подхода трансформирует абсолютное вещное право лиц, не владеющих вещью, в относительное право требования. Насколько это справедливо, учитывая исторически сложившийся более «сильный» характер прав вещных [12]? И является ли такая защита эффективной с учётом субсидиарного характера применения кондикционного требования [13]?

(2) Подмена права собственности владением (фактом) никак не подтверждает теоретическое обоснование модели, а играет против неё. Данное обстоятельство ясно следует из примеров смешения, которые приводят адепты данного подхода, например, с деньгами, смешавшимися в кассе [14]. Деньги являются объектом, исключённым из общего правила в римской традиции, и действительно управомочивают владельца «смеси» [15]. На сегодняшний день существует судебная практика, подтверждающая применение данной модели [16].

Вместе с тем рассматриваемую модель регулирования легко проверить на практичность с помощью процедуры банкротства. Рассмотрим тот же пример со смешением коров в стаде.

Предъявление требования из неосновательного обогащения означает, что лицо, владеющее «смесью», является полноценным собственником. Допустим, такой «собственник» впадает в банкротство, и всё стадо включается в конкурсную массу как его собствен-

ность [17]. Какие способы защиты прав есть в данном случае у лица, потерпевшего от смешения?

Представляется, что обратиться с заявлением об исключении имущества из конкурсной массы невозможно, поскольку у потерпевшего нет никакого титула. Виндикация исключена по тем же причинам, что и в подходе с сохранением права собственности за лицом, вещи которого были смешаны. Остаётся только обратиться с заявлением о включении в реестр требований кредиторов. Увы, это означает, что «потерпевший» от смешения практически не имеет шансов на удовлетворение своего требования.

*При смешении вещей образуется общая долевая собственность*

Модель образования общей долевой собственности имеет, скорее, особенности, чем обоснования практической выгоды с учётом её закрепления в Концепции развития гражданского законодательства [18]. Во-первых, она сочетает в себе лучшие догматические аргументы рассмотренных выше вариантов ре-гулирования (прекращение ранее существовавших прав с созданием новой вещи, но с их преобразованием в доли «участия» в общей вещи). А во-вторых, предоставляет довольно широкий спектр вариантов защиты за счёт сохранения прав лица, потерпевшего в результате такого смешения.

Критикуя приведённую модель смешения, В. А. Белов приводит следующие аргументы [19]: (1) для образования общей собственности всегда требуется выраженное намерение субъектов прав на смешение их вещей; (2) объективная необходимость образования права общей собственности; (3) вещь, на которую распространяется данное право, обязательно должна быть неделимой. Вместе с тем они могут быть опровергнуты догматически.

(1) В соответствии с действующим законодательством первый аргумент представляется бесспорным, однако, в свете предложенной реформы вещного права и отсутствия достаточного регулирования данной проблемы в ГК, можно сделать вывод о его неполноценности.

(2) Образование общей долевой собственности в данном случае необходимо с целью сохранения и защиты прав собственников смешанной вещи, поэтому критерий объективности представляется соблюденным.

(3) Вещь может быть и делимой, основной вопрос заключается в регулировании, которое установят стороны и законодатель (например, при введении в правопорядок *vindicatio quantitatis*).

Рассматривая образование общей долевой собственности в результате смешения через призму банкротства, можно точно сказать: владелец права в «смеси» не становится полноценным собственником, и в конкурсную массу включается лишь его доля. Самой же вещью без волеизъявления другого сособственника он распорядиться не вправе.

Для большей иллюстрации данной модели на практике, применим её к конкретному случаю вне банкротства [20].

Так, истец передал ответчику по обычному договору хранения 120 подшипников. Ответчик хранил их вместе со своими. В период хранения ответчик передал все имеющиеся у него подшипники судебным приставам в счёт погашения долга перед третьими лицами. Истец обратился с иском о возврате неосновательного обогащения, требуя возместить стоимость утраченных вещей, и суд иск удовлетворил.

Если предусмотреть на этот случай образование общей долевой собственности с определением размера долей в зависимости от стоимости материалов на момент смешения, то получается, что ответчик является неуправомоченным отчуждателем, который распорядился всей вещью в целом. А. В. Егоров отмечает, что в данном случае корректно говорить об отчуждении всей вещи, а не долей в ней. При этом «нарушается *преимущественное право покупки* того участника, без участия которого сначала была продана вещь, а затем эта сделка была понята судом, как *отчуждение долей* тех собственников, которые распорядились вещью *без его ведома*» [21]. Таким образом, по сделке перешла доля в праве на вещь, а не вещь

в целом. Для защиты собственника достаточно будет иска о восстановлении права на долю.

С учётом всех рассмотренных позиций и подходов наиболее оптимальным для закрепления в законодательстве представляется вариант правовых последствий смешения вещей, *допускающий образование общей долевой собственности на образовавшуюся «смесь»*.

### Список литературы

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / под ред. В.А. Краснуковского. – 11-е изд. М., 1914. Т. 1. С. 343; Мейер Д.И. Русское гражданское право / под ред. А. Вицына. – 5-е изд. М., 1873. С. 324–325.

2. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Часть особенная: Вещное право. М., 1897–1898. С. 386; Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат., 1951. С. 220; Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 861.

3. Антимонов Б. С., Брауде И. Л., Граве К. А. Отдельные виды обязательств. М.: Госюриздат., 1954. С. 326; Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: «Статут», 2010. С. 309.; Васильев Г. С. Правовой режим товара при хранении с обезличением // Закон. 2006. №9. С. 118–128; Степанов Д. И. Защита прав владельца ценных бумаг, учитываемых записью на счёте. М.: «Статут», 2004. С.58.

4. Новак Д. В. Указ. соч. С. 303.

5. Гражданское право: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: «Статут», 2004. Т. 2. С. 52.

6. Новиков К. А. Неосновательное обогащение, *versio in rem* и право удержания // Об обеспечении обязательств: сб. ст. к юбилею С.В. Сарбаша / под ред. А. В. Егорова. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 334.

7. Суханов Е. А. Вещное право. Научно-познавательный очерк. М.: «Статут», 2017. С. 70; Vliet L.P.W. van. Transfer of movables in German, French, English and Dutch law. Nijmegen, 2000. P. 27. URL: [https://www.researchgate.net/profile/Lars\\_Van\\_Vliet/publication/254870184\\_Transfer\\_of\\_movables\\_in\\_German\\_French\\_English\\_and\\_Dutch\\_law/links/5565ba5208aec4b0f485e3db/Transfer-of-movables-in-German-French-English-and-Dutch-law.pdf](https://www.researchgate.net/profile/Lars_Van_Vliet/publication/254870184_Transfer_of_movables_in_German_French_English_and_Dutch_law/links/5565ba5208aec4b0f485e3db/Transfer-of-movables-in-German-French-English-and-Dutch-law.pdf)

8. Постановление ФАС Поволжского округа от 17.10.2007 по делу № А55-249/2006-48 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Grimm D. D. Лекции по догме римского права. М.: Изд-во Зерцало, 2003. С. 248–249.

10. Белов В. А. Очерки вещного права. Научно-популярные заметки: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 267.

11. Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 386.

12. Суханов Е. А. Указ. соч. С. 51.

13. Новак Д. В. Указ. соч. С. 303.

14. Белов В. А. Указ. соч. С. 265.

15. Johnston D., Zimmermann R. Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective // Cambridge University Press. Cambridge, 2004. P. 674.

16. Кассационное определение Верховного суда Удмуртской Республики по делу № 33-2693 от 27 июля 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Уральского округа от 04.08.2011 № Ф09-4305/11 по делу № А47-7681/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Пункт 1 статьи 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

18. Раздел IV п. 3.4.8. Концепция развития гражданского законодательства. URL: <http://base.garant.ru/12176781/>

19. Белов В. А. Указ. соч. С. 259–260.

20. Кассационное определение Верховного суда Удмуртской Республики по делу № 33-2693 от 27 июля 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

21. Егоров А. В. Общая долевая собственность: механизм защиты прав собственников // Вестник гражданского права [Электронный ресурс]: СПС «Консультант плюс». 2012. №4.

*Д. М. Плетнева,  
аспирант ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Современные правовые реалии обусловили формирование единого мнения относительно процедуры банкротства юридических лиц, заключающегося в беспорности ликвидационного характера и минимальной эффективности относительно удовлетворения требований кредиторов.

Сложившееся мнение всецело подтверждается статистическими данными. Согласно сведениям, содержащимся в Статистическом бюллетене Федресурса по банкротству от 31 декабря 2021 года [1], количество судебных решений о признании должника банкротом и открытии процедуры конкурсного производства составило 10319 – в 2020 г., 9930 – в 2022 г. Число введенных реабилитационных процедур, в свою очередь, составило: внешнее управление – 150 в 2020 г. и 157 в 2022 г.; финансовое оздоровление – 23 в 2020 г. и 22 в 2021 г. Таким образом, количество реструктуризаций (внешних управлений и финансовых оздоровлений) увеличилось на 3,5 % до 179 ед., а их доля ко всем процедурам, кроме наблюдения, осталась на уровне 1,7 %.

Кроме того, согласно данным статистики отмечается увеличение продолжительности ликвидационной процедуры, так, в 2020 г. она составила 842 дня, в 2021 г. – 954 дня.

Что касается вопроса удовлетворения требований кредиторов, то согласно показателям 2021 года признана обоснованной и включена в реестр требований кредиторов задолженность в размере 4487,2 млрд руб. Доля удовлетворенных требований в рамках процедуры составила всего 3.5 % или 159, 1 млрд руб.

Таким образом, будет справедливо указать на то, что реабилитационные процедуры в российском банкротстве имеют нерабочую модель.

Однако существование в правовой системе государства института банкротства имеет большое значение как для права, так и для экономики, т. к. его нормы направлены на исключение из оборота субъектов, не способных осуществлять прибыльную деятельность, а также на восстановление финансового состояния лиц, испытывающих временные финансовые сложности. Все это способствует оздоровлению экономики, недопущению кризиса неплатежей и функционирования неплатежеспособных лиц.

Решение задачи восстановления платежеспособности юридических лиц является одной из первостепенных в условиях становления рыночных отношений и стабилизации экономики российского государства.

Четкое и эффективное функционирование юридических лиц, как свидетельствует весь мировой опыт хозяйствования, напрямую зависит от столь же четкого и развернутого законодательного оформления их деятельности. Действующее гражданское законодательство далеко не всегда отражает объективные и очевидные требования развивающегося рынка. Не решенными на сегодня остаются многие вопросы, связанные с прекращением и реанимацией субъектов хозяйствования, в частности относительно обеспечения упрощения и прозрачности процедуры банкротства, уменьшения количества злоупотреблений с имуществом во время прекращения субъектов хозяйствования, снижения административных барьеров и т. д.

Учитывая имеющиеся проблемы, а также неэффективность механизма банкротства в целом, Правительство Российской Федерации внесло в Государственную думу очередную редакцию законопроекта о реформе банкротства [2]. Суть реформы заключается в смене ликвидационного вектора, отказе от неэффективных банкротных процедур и замена их новой процедурой, изменении порядка торгов, подлинной независимости арбитражных управляющих.

Законопроект был внесен правительством в Госдуму в мае 2021 г., при этом так и не был принят в первом чтении. К законопроекту поступили замечания профильных комитетов Госдумы и бизнес-сообщества [3].

Проект направлен на расширение практики применения реабилитационных механизмов в отношении юридических лиц и предусматривает новую вариативную реабилитационную процедуру – реструктуризацию долгов. В связи с этим новый закон может быть назван «О реструктуризации и банкротстве». Даже его название указывает ориентир для судов и участников банкротства.

В данном случае больший интерес вызывают положения об отказе от процедур наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления, и замене их одной реабилитационной процедурой – реструктуризация долгов.

Проект предлагает отказаться от наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления, ограничившись одной реабилитационной процедурой и одной ликвидационной процедурой банкротства. По задумке законодателей, реабилитация должна стать приоритетной. Процедура мирового соглашения также сохраняется.

По мнению авторов проекта, исключаемые процедуры редко приводят к восстановлению платежеспособности должников и редко применяются на практике. Их инициируют только кредиторы, исчерпавшие все возможности в исполнительном производстве.

Должники не рассматривают действующий Закон как возможность спасти компанию, поскольку без наличия контроля в процедуре и договоренностей с кредиторами ввести реабилитационную процедуру невозможно.

Действительно, замена неэффективных процедур может расширить возможности использования банкротства, а также сменить ликвидационный вектор банкротства.

Однако отмечается, что в новых нормах о реструктуризации четко прослеживаются элементы упраздняемых процедур банкротства – финансового оздоровления и внешнего управления. Давно применяемый план финансового оздоровления в законопроекте на-

зывается планом реструктуризации, а передача руководства антикризисному управляющему, по сути, представляет собой внешнее управление. Порядок введения таких инструментов в отношении должника новым законопроектом не упрощается, а срок проведения реабилитационных процедур увеличивается. Отказ от короткой процедуры наблюдения (семь месяцев) и введение единой процедуры реструктуризации (до четырех лет) в случае наличия малейших сомнений о возможности должника восстановить платежеспособность приведут к затягиванию процедур банкротства и росту расходов всех участников [4].

В связи с этим интересно мнение В. Ф. Попондопуло, который отмечает, что приоритетной задачей законодательства о банкротстве должно быть повышение возврата средств кредиторам, а принципами, на которых должно основываться законодательство о банкротстве, являются: максимальное его упрощение, ведущее к сокращению сроков рассмотрения дел о банкротстве и, следовательно, сохранению конкурсной массы и наиболее полному удовлетворению требований кредиторов; обеспечение защиты прав и интересов кредиторов в деле о банкротстве, исходя из начала равенства конкурирующих кредиторов (разумеется, с исключениями). В связи с чем им предлагается исключить процедуры, увеличивающие сроки производства по делу о банкротстве (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление). Такие внесудебные процедуры можно было бы урегулировать в отдельном законе о реструктуризации задолженности, обеспечить придание реабилитационным процедурам превентивного внесудебного характера (тенденция современного европейского законодательства) [5].

В настоящих реалиях, учитывая уровень развития правового регулирования реабилитационных процедур, финансовое оздоровление и внешнее управление не являются эффективными рыночными инструментами. Это обусловлено в том числе отсутствием комплексной методологии и методики восстановления платежеспособности и достижения долгосрочной финансовой устойчивости.

Закономерен вывод о том, что действующий в настоящее время Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6] не удовлетворяет потребностям развития общественных отношений.

Таким образом, основная тенденция развития банкротного законодательства заключается в реформировании реабилитационных процедур, детальной проработки нового механизма их применения с учетом изменения самой концепции реабилитационных процедур так, чтобы достигалось восстановление платежеспособности бизнеса [7], а как следствие, и улучшение общего климата национальной экономики.

Безусловно, направления развития банкротного законодательства не исчерпываются озвученными тезисами, ввиду того, что правоведами обозначается перечень существующих проблем правового регулирования, которые также должны найти пути решения в рамках проведения глобальной реформы законодательства о банкротстве.

### **Список литературы**

1. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству от 31 декабря 2021 г. // Федресурс. URL: <https://download.fedresurs.ru/news> (дата обращения: 10.10.2022).
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона № 1172553-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.05.2021) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (дата обращения: 10.10.2022).
3. В правительстве вернулись к работе над реформой банкротства юрлиц // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/07/05/929818-pravitelstve-vernulis-bankrotstva> (дата обращения: 10.10.2022).

4. Набережный А. Реформа законодательства о банкротстве: реструктуризация вместо ликвидации // Юридическая работа в кредитной организации. 2021. № 2. С. 4–25.

5. Попондопуло В.Ф. Российская система законодательного регулирования отношений банкротства: состояние и тенденции развития // Юрист. 2021. № 5. С. 10–16.

6. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Морозова Е.А. Эффективность реабилитационных процедур несостоятельности (банкротства) // Молодой ученый. 2021. № 47(389). С. 250–251.

*Н. В. Глухова,*

*соискатель кафедры уголовного права и криминологии ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЯ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ (ПОДЛОЖНОСТИ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ**

В соответствии с толковым словарем русского языка фальсификация – это поддельный предмет, вещь, выдаваемая за настоящую, подделка [1].

В соответствии с п. 13 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» «фальсификация состоит, в умышленных действиях участника производства по делу или его представителя по представлению... суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов» [2].

Общественная опасность фальсификации доказательств по гражданским делам заключается в том, что таким способом причиняется вред интересам правосудия и участникам судопроизводства. На основании сфальсифицированных доказательств может быть вынесен неправосудный судебный акт, что противоречит целям и задачам правосудия, установленным законом. По смыслу ст. 2 ГПК РФ [3] и ст. 2 АПК РФ [4] целями и задачами правосудия являются: справедливое судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и иных субъектов Российской Федерации в сферах правоотношений, подсудных гражданскому и арбитражному судопроизводству. Гражданское и арбитражное судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правона-

рушений, формированию уважительного отношения к закону и суду. Решение суда должно быть законным и обоснованным (ч. 1 ст. 195 ГПК РФ, ч. 4, ст. 15 АПК РФ). Общественная опасность этого деяния также состоит в том, что фальсификация доказательств не осуществляется ради фальсификации. Умысел преступника в большинстве случаев направлен на получение материальной выгоды, приобретение прав на чужое имущество или избегание ответственности, в том числе в виде денежных обязательств. Сама же фальсификация доказательств – это только способ совершения другого общественно опасного деяния.

Правовые механизмы противодействия фальсификации доказательств предусмотрены уголовным и процессуальным законодательством.

В уголовном законе установлена ответственность за фальсификацию доказательств в гражданском и арбитражном процессе (ч. 1 ст. 303 УК РФ) и предусмотрено наказание в виде штрафа, обязательных работ и иных мер наказания, не связанных с лишением свободы [5].

Процессуальным правом в качестве механизма противодействия фальсификации доказательств предусмотрены процессуальные действия, которые могут быть совершены участниками судопроизводства (ст. 186 ГПК РФ и ст. 161 АПК РФ). Стороны в ходе судебного разбирательства при наличии оснований могут сделать заявление о фальсификации конкретного доказательства.

Ст. 186 ГПК РФ предусматривает право суда разрешить в ходе судебного разбирательства заявление одной из сторон о фальсификации доказательств. Суд имеет право, но не обязан, осуществить проверку такого заявления путем назначения экспертизы или предложить сторонам представить иные доказательства. Если проверка не подтвердит подлинность доказательства, то такое доказательство суд исключит из числа доказательств по делу и (или) предложит сторонам представить иные доказательства.

Ст. 161 АПК РФ предусматривает обязанность суда при наличии заявления участников о фальсификации провести проверку

представленного доказательства. Действия арбитражного суда в этой части строго регламентированы. Арбитражный суд разъясняет участникам процесса последствия в виде наступления уголовной ответственности в случае фальсификации доказательств. Арбитражный суд проверяет доказательства на предмет фальсификации путем назначения экспертизы или истребования и сравнения их с другими доказательствами. Сфальсифицированное доказательство исключается из числа доказательств по делу с согласия лица его представившего.

Результаты рассмотрения заявления о фальсификации доказательств арбитражный суд отражает в протоколе судебного заседания. Ст. 186 ГПК РФ не устанавливает такой обязанности для суда в ходе гражданского судопроизводства.

Таким образом, АПК РФ устанавливает обязанность суда провести проверку доказательств при поступлении заявления о фальсификации, а ГПК РФ – предусматривает лишь право суда на ее проведение.

Правовая позиция по вопросам проверки доказательств на предмет фальсификации содержится в Определении Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 560-О-О: «Закрепление в процессуальном законе правил, регламентирующих рассмотрение заявления о фальсификации доказательств, направлено на исключение оспариваемого доказательства из числа доказательств по делу. Сами эти процессуальные правила представляют собой механизм проверки подлинности формы доказательства, а не его достоверности» [6]. Отличие подлинности от достоверности доказательства заключается в том, что достоверность доказательств оценивает суд, наряду с другими критериями оценки доказательств, такими, как относимость и допустимость, независимо от наличия заявления о фальсификации. Проверка достоверности проходит путем оценки каждого доказательства в отдельности и их взаимной связи в совокупности с другими доказательствами (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ). Проверка доказательства на подлинность – это выявление признаков под-

делки доказательств и способов ее совершения, которые содержат информацию, выдаваемую за достоверные сведения о фактах.

Однако ни приведенное Определение Конституционного Суда РФ, ни нормы процессуального права не указывают на обязательность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление против правосудия. Поскольку фальсификация доказательств – это уголовное преступление, то заявление о фальсификации носит характер сообщения (заявления) о преступлении. На основании такого заявления, как и любого заявления о преступлении, в соответствии с нормами УК РФ и УПК РФ должна последовать процессуальная проверка, а при обнаружении всех признаков состава преступления – возбуждено уголовное дело. Поскольку суд не является органом, уполномоченным принимать решение о возбуждении уголовного дела, он вправе, но не обязан, вынести частное определение об обнаружении признаков преступления в порядке ч. 3 ст. 226 ГПК РФ или ч. 4 ст. 188.1. АПК РФ.

Подобная ситуация отсутствия согласования между нормами процессуального и уголовного права вытекает из принципа самостоятельности и независимости судебной власти. Наделение суда независимостью и самостоятельностью не должно предполагать его произвольного поведения при разрешении заявлений о фальсификации доказательств, как о преступлении. По сути, если суд придет к выводу о наличии фальсификации и недопустимости представленного доказательства, то он обязан вынести частное определение и направить его в органы следствия, но такая норма отсутствует в процессуальном законе, что позволяет оставить безнаказанными подобные деяния.

А. С. Стражева, исследуя тему фальсификации судебных доказательств, считает, что процессуальное право РФ при таком механизме регулирования и выборе пассивной позиции судами, способно установить лишь формальную истину по делу. Сфальсифицированное доказательство суд рассматривает как достоверное, пока не будет сделано заявления о его подложности. Существующие принципы процессуального права способствуют вынесению неправосудных решений на основе ложных сведений о фактах [7].

По мнению Е. О. Руевой, фальсификация доказательств как уголовное преступление имеет формальный состав и считается оконченным с момента предъявления суду такого доказательства. Отсутствие у суда или участников процесса инициативы осуществить процесс проверки достоверности доказательств по заявлению о фальсификации, нельзя рассматривать как добровольный отказ от преступления, поскольку он возможен только на стадии приготовления или покушения на преступление [8].

При таком противоречии норм по содержанию стоит рассмотреть механизм прямого обращения участников судопроизводства в правоохранительные органы с заявлением о фальсификации доказательств с целью возбуждения уголовного дела. Однако при направлении такого заявления в правоохранительные органы существует ряд следующих правовых проблем.

В соответствии с ч. 2 ст. 1, чч. 1, 4 ст. 5 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» «Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей... В Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей» [9]. В соответствии со ст. 8 ГПК РФ, ст. 5 АПК РФ, ст. 10 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» вмешательство в деятельность судьи запрещено [10].

В соответствии со ст. 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ, оценка доказательств на предмет их достоверности или подложности – то деятельность суда. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства... Результаты оценки доказательств суд обязан отразить в решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом.

По мнению правоохранительных органов, самостоятельность судебной власти, запрет на вмешательство в деятельность судьи, оценка доказательств только судом и разрешение заявления о фаль-

сификации доказательств в рамках процессуального права имеет для них преюдициальное значение в соответствии со ст. 90 УПК РФ [11]. По этим основаниям правоохранительные органы выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в случае самостоятельного обращения сторон с заявлением о фальсификации доказательств. Согласно приведенным нормам возбуждение уголовного дела возможно в том случае, если о фальсификации доказательств в правоохранительные органы сообщит сам суд путем вынесения частного определения об обнаружении признаков преступления в соответствии с ч. 3 ст. 226 ГПК РФ или ч. 4 ст. 188.1. АПК РФ, в зависимости от вида судопроизводства.

Несмотря на то, что возможность и способы преодоления преюдиции судебных решений по гражданским делам были признаны Конституционным Судом РФ еще в 2011 году, проблема привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств не исчезла. Правоохранительные органы крайне редко возбуждают уголовные дела в случае обращения участников гражданского и арбитражного судопроизводства с заявлением о фальсификации доказательств в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу.

В соответствии с правовой позицией, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П, «Обстоятельства фальсификации доказательств как уголовно наказуемого деяния не составляют предмета доказывания по гражданскому делу. Данные фактические обстоятельства выходят за рамки объективных пределов законной силы судебного решения, вынесенного в гражданском судопроизводстве, и составляют предмет доказывания по уголовному делу, возбужденному по признакам соответствующего преступления, предусмотренного УК РФ. Следовательно не может и не должен обращаться к вопросу, составлявшему предмет доказывания по гражданскому делу, он оценивает лишь наличие признаков фальсификации доказательств (включая доказательства, не рассматривавшиеся судом по гражданскому делу) в связи с возбуждением уголовного дела

по данному факту. Статья 90 УПК РФ не может рассматриваться как препятствующая расследованию фальсификации доказательств или другого преступления против правосудия, совершенного кем-либо из участников процесса (судьей, стороной, свидетелем и др.), и, соответственно, привлечению к уголовной ответственности лиц, участвующих в гражданском деле, за совершенные ими преступления, связанные с его рассмотрением и разрешением. Фактические обстоятельства, не являвшиеся основанием для разрешения дела в порядке гражданского судопроизводства, при наличии в них признаков состава преступления против правосудия подлежат проверке на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая возбуждение и расследование уголовного дела, в том числе на основе доказательств, не исследованных ранее судом в гражданском или арбитражном процессе» [12].

Из приведенного Постановления КС РФ можно сделать следующий вывод: органам следствия не нужно частное определение суда для организации процессуальной проверки и возбуждения уголовного дела в случае получения заявления о фальсификации доказательств от участников судопроизводства. Исходя из действующего процессуального законодательства, органы следствия могут возбудить уголовное дело только на основании частного определения суда о фальсификации доказательства.

В 2019 году судьей Верховного Суда РФ С. А. Асташовым были приведены результаты исследований за 2018 год по разрешению арбитражными судами заявлений о фальсификации доказательств. По представленным данным судьи С. А. Асташова соотношение заявлений о фальсификации доказательств составило не менее 1 (Одного) к 100 (Ста) по числу процессов, а это – не менее 85 000 заявлений о фальсификации доказательств за 2018 год в практике арбитражных судов. По утверждению судьи С. А. Асташова, удовлетворяется таких заявлений 50 % – т. е. половина. При этом количество лиц, совершивших противоправные деяния против правосудия и осужденных за это в один и тот же период, по данным статистики указывает на то, что к ответственности за соде-

янное привлекается лишь каждый шестисотый. Во всех остальных случаях суд применяет ст. 161 АПК РФ [13].

Из проведенного исследования можно сделать вывод о том, что при самостоятельном разрешении судом заявлений о фальсификации доказательств и применении процессуальных механизмов частного определение об обнаружении признаков преступления выносятся крайне редко. При таком правовом регулировании фальсификация доказательств в большинстве случаев не квалифицируется как уголовное преступление, несмотря на то, что в соответствии с нормами уголовного права является им. В уголовном и процессуальном праве фальсификация доказательств квалифицируется и рассматривается по-разному. Для уголовного права – это общественно опасное деяние, а для процессуального права – это способ осуществить проверку спорного доказательства и принять решение о его доказательственной силе в судебном разбирательстве. Сложность преодоления такой конкуренции норм, в свою очередь, приводит к неверным статистическим данным.

Т. В. Кленова пишет: «Неадекватная статистика преступлений препятствует выработке целесообразных средств уголовной политики. Для уголовной политики практика квалификации преступлений имеет значение, поскольку в ней выражается политика порицания, направленная на разрешение социальных конфликтов, возникающих в связи с посягательствами на важные социальные ценности и общественные отношения, путем квалификации этих посягательств как преступлений [14].

Следует согласиться с Т. В. Кленовой, которая полагает, что, поскольку фальсификация доказательств в гражданском и арбитражном процессе в большинстве случаев не квалифицируется как уголовное преступление и не попадает в статистику, законодатель не способен выявить проблему преступлений, направленных против правосудия. При существующих правовых механизмах противодействия фальсификации доказательств статистика по этому виду преступлений не способна отразить реальную ситуацию и обратить на себя внимание законодателя.

Как было указано выше, проблему, связанную с привлечением к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств, необходимо решать и по причине того, что фальсификация доказательств по гражданским делам не конечная цель преступника, а лишь способ совершения иного опасного деяния.

Так, Определением № 308-ЭС20-16740 от 25.01.2021 Судебной коллегией Верховного Суда РФ установлено, что в суде первой инстанции ответчик представил фальсифицированные доказательства с целью необоснованного обогащения на сумму около 1,5 (Полтора) млн рублей. К уголовной ответственности ответчик привлечен не был. Суд применил положения ст. 161 АПК РФ [15].

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Удмуртской Республики от 05 мая 2021 г. по делу № 33-1530/2021 установлено, что на заявление истца о фальсификации ряда доказательств и ходатайстве о вынесении частного определения об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, суд применил положение ст. 186 ГПК РФ. Умысел ответчика в этом случае при представлении фальсифицированных доказательств был направлен на невыплату заработной платы истцу за сверхурочную работу [16].

Приведенные примеры из судебной практики показывают, что при фальсификации доказательств умысел лиц их представивших в основном направлен на совершение двух противоправных деяний – это противоправное получение имущественной выгоды или иного обогащения путем фальсификации доказательств, а бездействие суда позволяет оставить такое поведение безнаказанным.

Законодатель криминализировал фальсификацию доказательств, но в законе отсутствует эффективный механизм для реализации уголовной ответственности за ее совершение. Действующее законодательство не предусматривает обязанность суда по вынесению частного определения при поступлении заявления о фальсификации доказательств от участников судебного разбирательства. Необходимо изменить нормы процессуального права и практику их применения с целью исключить принятие судом в ходе гражданско-

го судопроизводства решения о наличии или отсутствии признаков состава преступления в виде фальсификации доказательств. В сущности, отказ суда от вынесения частного определения по факту фальсификации доказательства в ходе судебного разбирательства означает, что суд, рассматривая гражданское дело, принял решение, выходящее за пределы его юрисдикции. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, установление признаков состава преступления в гражданском процессе объективно выходит за рамки установления истины по гражданскому делу, т. к. решение вопроса о наличии или отсутствии состава преступления должно осуществляться в порядке уголовного судопроизводства.

### **Список литературы**

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/ozhegov.php>

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 // СПС КонсультантПлюс.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022). URL: <http://pravo.gov.ru>

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022). URL: <http://pravo.gov.ru>

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022). URL: <http://pravo.gov.ru>

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Лизинговая компания «ФКС» на нарушение конституционных прав и свобод частью 3 статьи 65, статьей 161 и частью 2 статьи 268 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 560-О-О // СПС КонсультантПлюс.

7. Стражева А.С. Фальсификация судебных доказательств как особое проявление недостоверности доказательств в гражданском

процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 104–111. DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-104-111

8. Руева Е.О. Проблемы обеспечения норм об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в гражданском, арбитражном и административном процессах // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 2. С. 137–143. DOI 10.25586/RNU.V9276.19.02.P.137. – EDN ZYCCXN.

9. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022). URL: <http://pravo.gov.ru>

10. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 16.04.2022). URL: <http://pravo.gov.ru>

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022). URL: <http://pravo.gov.ru>

12. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П // СПС КонсультантПлюс.

13. Блог адвоката Алексея Черкашина. URL: [https://zakon.ru/blog/2019/10/17/borba\\_s\\_falsifikacijami\\_dokazatelstv\\_v\\_arbitrazhnom\\_processe\\_prodolzhenie](https://zakon.ru/blog/2019/10/17/borba_s_falsifikacijami_dokazatelstv_v_arbitrazhnom_processe_prodolzhenie), данные из журнала судья № 10 за 2019 г.

14. Кленова Т.В. Теоретические проблемы отраслей права. Социально-политические составляющие квалификации преступлений. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-sostavlyayuschie-kvalifikatsii-prestupleniy>

15. Определение Верховного суда Российской Федерации № 308-ЭС20-16740 от 25.01.2021 г. URL: <https://sudact.ru/>

16. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Удмуртской Республики по делу № 33-1530/2021 от 5 мая 2021 г. URL: [https://vs--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=22980451&delo\\_id=5&new=5&text\\_number=1](https://vs--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=22980451&delo_id=5&new=5&text_number=1)

**А. В. Догадаева,**

*обучающаяся магистратуры*

*Института права, социального управления и безопасности.*

*Научный руководитель: Е. Ф. Тензина, к. ю. н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИППСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, СОЕДИНЕННЫЕ С ИСПОЛНЕНИЕМ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Изучение принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) является актуальным направлением, поскольку это особый вид воздействия на категорию граждан, которые психически нездоровы либо невменяемы. Данное направление находится на стыке уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иных отраслей российского права. Деятельность учреждений, реализующих на практике применение ПММХ, направлена на борьбу с рецидивом преступлений и правонарушений, а также на излечение или улучшение психического состояния лиц [1].

В настоящее время достаточно мало и узко изучен и регламентирован вопрос по применению ПММХ, соединенных с исполнением наказания в виде лишения свободы, что дает возможность усовершенствовать данную отрасль.

Принудительные меры медицинского характера – это принудительное психиатрическое лечение, применяемое судом на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы к лицам, которые страдают различными психическими расстройствами, а также совершили общественно-опасное деяние, наказание за которое предусмотрено Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2].

Различные принудительные меры применяются на основании различных критериев. Они могут быть разделены на две группы: 1) критерии юридические; 2) критерии медицинские (социальные,

психиатрические, фактические). Первые непосредственно вытекают из общих оснований применения ПММХ, конкретизируют их.

ПММХ являются способом лечебной коррекции состояния здоровья лиц, которые совершили преступление и признаны невменяемыми, либо заболели душевной болезнью после совершения преступления, либо имеют психические расстройства, не исключающие вменяемости. ПММХ имеют сложную структуру, поэтому их правовое регулирование осуществляется несколькими отраслями законодательства [3].

Главой 15 УК РФ регламентированы цели, субъекты, юридические основания и отличие ПММХ, которые определяют их место в системе уголовно-правовых мер [4].

В соответствии со ст. 98 УК РФ цели применения ПММХ отличаются от целей наказания и заключаются, в первую очередь, в излечении или улучшении психического состояния указанных лиц, а также в недопущении совершения такими лицами новых общественно-опасных деяний, предусмотренных уголовным законодательством. В приоритете интересов первое место занимает психическое здоровье человека, что в целом подчеркивает гуманистическое направление деятельности ПММХ.

В положениях гл. 15 УК РФ указано более 20-ти оснований и предписаний по назначению и исполнению ПММХ, что является гарантией защиты от их произвольного и самовольного применения.

Частью 2 ст. 99 УК РФ регламентирован круг лиц, в отношении которых могут быть применены ПММХ. К таковым относятся лица, которые:

- осуждены за совершение преступления в состоянии вменяемости, но нуждающиеся в лечении психических расстройств, исключающих вменяемость;
- совершили преступление в возрасте старше восемнадцати лет против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, лица

и страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости.

В данной статье речь будет идти о применении ПММХ в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, нуждающихся в лечении психических расстройств, не исключаящих вменяемость.

Как отмечают многие авторы и ученые, в настоящее время полностью отсутствует правовое регулирование процесса исполнения ПММХ. Применение таких мер состоит из двух составляющих: назначение и исполнение. При назначении принудительных мер суд не вправе действовать по своему усмотрению при отсутствии результатов судебно-психиатрической экспертизы.

Данные ПММХ имеют существенные отличия от других, заключающиеся в том, что исполнение этой меры возлагается на администрацию и медицинскую часть исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Назначая принудительное лечение осужденному, страдающему психическими заболеваниями, суд должен основывать решение исходя из заключения судебно-психиатрической экспертизы о психическом состоянии. Лишь получив ответы о наличии ограниченной вменяемости лица и о необходимости применения принудительного лечения, суд может решить вопрос о необходимости применения принудительного лечения, но в то же время может не согласиться с рекомендацией экспертов. Следовательно, применение принудительного лечения является правом суда, а не безоговорочной обязанностью.

ПММХ, соединенные с исполнением наказания в виде лишения свободы, применяются по месту нахождения исправительного учреждения, в котором лицо отбывает наказание, в лечебно-профилактических учреждениях. Время пребывания в указанных организациях засчитывается в срок отбывания наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 101 Уголовно-исполнительного Кодекса РФ (далее – УИК РФ) для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения,

в число которых входят больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы, и медицинские части при исправительных учреждениях [5].

В виде ПММХ, сопряженной с исполнением наказания, судом может быть назначено только принудительное наблюдение и лечение у штатного врача-психиатра в амбулаторных условиях в том случае, если лицо не нуждается в помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Амбулаторные условия – условия, не предусматривающие круглосуточного наблюдения и лечения, поэтому принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра осуществляется силами медико-санитарной части ФСИН России при исправительном учреждении, в котором отбывает наказание осужденный.

Амбулаторное лечение и наблюдение не предполагают строгого контроля за лицом, к которому оно применяется. Амбулаторное лечение близко по своему характеру к обычному добровольному лечению, предполагающему самостоятельный контроль и соблюдение всех установленных врачом-психиатром средств лечения. Соответственно, оно назначается при совершении деяний, не представляющих опасности, когда психическое расстройство, как правило, носит временный излечимый характер.

Амбулаторное наблюдение и лечение у психиатра могут оказываться как в форме консультативно-лечебной помощи, так и в форме диспансерного наблюдения. Последнее предполагает проведение регулярных осмотров врачом-психиатром, в ходе которых может оказываться не только медицинская, но и социальная помощь.

Приказом Министерства юстиции РФ от 28.12.2017 № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» установлена обязанность врача-психиатра провести личный осмотр лица, в отношении которого было назначено принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра,

а также ознакомиться с материалами личного дела осужденного и медицинской документацией пациента с целью выявления сведений об имеющихся психических расстройствах и фактах направления на судебно-медицинскую экспертизу (далее – СМЭ). Помимо изученных сведений, врачом-психиатром могут быть запрошены сведения из других подразделений и служб учреждений УИС [6].

В случаях необходимости лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях может быть заменено на стационарное лечение в психиатрических больницах и психиатрических отделениях больниц уголовно-исполнительной системы. В соответствии с ч. 2 ст. 101 УИК РФ такими учреждениями являются лечебно-профилактические учреждения – больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы. Время пребывания в указанных учреждениях засчитывается в срок отбывания наказания.

Принудительное лечение, соединенное с исполнением наказания в виде лишения свободы, не может продолжаться свыше срока, установленного судом. Но указанный судом срок принудительного лечения может быть уменьшен в том случае, если суд примет решение по ходатайству органа, исполняющего уголовное наказание в виде лишения свободы, совместно с комиссионным медицинским заключением врачей о том, что осужденный больше не нуждается в таком лечении.

Комиссионное медицинское заключение – результат медицинского освидетельствования комиссией врачей-психиатров. Проводится оно для решения вопроса о прекращении, изменении или продлении избранной судом меры медицинского характера. Инициатором освидетельствования выступает лечащий врач, который пришел к выводу о необходимости изменения избранной меры или ее прекращения, а также возможно освидетельствование по ходатайству самого лица или его законного представителя. Если комиссией врачей не было установлено фактов, свидетельствующих о положительном влиянии ПММХ на состояние осужденного, в суд представляется заключение о продлении лечения. Первое продление – по истечении 6 месяцев с начала лечения, в последующем – ежегодно.

В случае отпадания необходимости в применении ранее назначенной ПММХ либо в случае возникновения необходимости в назначении иной меры суд прекращает применение ПММХ.

Заключение по итогам освидетельствования и иные документы поступают в суд. В ходе судебного заседания судья исследует медицинское заключение, допрашивает лиц, участвующих в заседании. При возникновении сомнения в правомерности медицинского заключения судья имеет право допросить лицо, в отношении которого решается вопрос о прекращении, изменении или продлении ПММХ, истребовать иные документы.

О прекращении, изменении или продлении, а равно об отказе в прекращении, изменении или продлении применения ПММХ, суд в совещательной комнате выносит постановление и оглашает его в судебном заседании. Постановление суда может быть обжаловано в апелляционном и кассационном порядке или в порядке надзора.

Исследование данной темы позволило сделать следующие выводы:

- ПММХ является институтом, регламентированным в основном в УК РФ, что позволяет добавить аспекты данного института в УИК РФ, т.к. воздействие на осужденных, которым назначено принудительное лечение у врача-психиатра, осуществляется со стороны администрации исправительного учреждения.

- ПММХ, соединенные с исполнением наказания, осуществляются исключительно силами и средствами администрации исправительного учреждения, в котором лицо отбывает наказание. Согласно УИК РФ выделены специальные лечебно-профилактические учреждения для лечения тех, у кого осложнилось психическое состояние, и принудительное наблюдение у врача-психиатра не принесло должного результата.

- В целом отсутствует единый источник законодательства, который полно и всесторонне регламентирует именно применение ПММХ, связанных с исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы. Многие нормы распределены по различным Федеральным законам и подзаконным актам (УК, УИК, УПК РФ, Приказы ФСИН и т. д.).

### Список литературы

1. Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник института. Преступление, наказание, исправление. 2014. № 1. С. 17–20.

2. Крафт В. А. Цели применения принудительных мер медицинского характера: медико-юридический аспект // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 3. С. 31–33.

3. Спасенников Б. А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник института. Преступление, наказание, исправление. 2012. № 2. С. 8–11.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 28.12.2017 № 285 (ред. от 31.01.2020) // «КонсультантПлюс».

*А. Н. Мусихин,  
обучающийся магистратуры ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **УЧАСТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Несовершеннолетние составляют отдельную категорию участников и являются объектом особого внимания и заботы со стороны любого развитого государства. На сегодняшний день особое внимание как законодателя, так и представителей науки привлекает тема гарантий защиты несовершеннолетних, в отношении которых ведется производство по уголовному делу. Но вне зависимости от своего статуса в уголовном процессе, любой ребенок в силу недостаточности своего жизненного опыта нуждается в дополнительных мерах защиты, обеспечивающих особое внимание их благополучию, обеспечению их прав, интересов и безопасности.

Несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими являются лица, которые к моменту проведения с ними следственных и иных процессуальных действий не достигли возраста восемнадцати лет. И в отношении них в целях уменьшения негативного влияния судопроизводства на психофизиологическое состояние несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля процедура производства по уголовному делу согласно УПК РФ не должна нарушать их законные права и свободы.

Так, особое внимание должно уделяться обеспечению защиты прав и интересов несовершеннолетних свидетелей в уголовном процессе путем психологического сопровождения следственных действий с ними, применения к ним адекватных мер воздействия, не принося их человеческого достоинства и иных положительных качеств личности. Так, с 1 января 2015 года вступили в силу изменения уголовно-процессуального законодательства, закрепляющие участие психолога наравне с педагогом в производстве следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и сви-

детелей, не достигших 16 лет<sup>127</sup>. А с 17 марта 2022 года уточнены особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Предусмотрено обязательное участие в допросе педагога или психолога, если несовершеннолетнему не исполнилось 16 лет. Также указано, что при допросе вместо педагога сможет присутствовать психолог, и установлено предельное время допроса несовершеннолетних<sup>128</sup>.

В качестве свидетеля не может выступать лицо, которое не способно адекватно воспринимать информацию и давать о ней показания<sup>129</sup>.

При несовершеннолетии свидетеля применяется особый режим его допроса: если свидетелю не исполнилось 14 лет, то его допрос производится с участием педагога (по усмотрению следователя педагог приглашается и при допросе свидетеля в возрасте от 14 до 18 лет); также вправе присутствовать законный представитель (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

В случае временного отсутствия лица, вызываемого на допрос, повестка вручается совершеннолетнему члену его семьи либо передается администрации по месту его работы, или по поручению следователя иному лицу или организации, которые обязуются передать ее свидетелю. Не достигшее возраста 16 лет лицо вызывается на допрос через законных представителей либо через администрацию по месту работы или учебы. Иной порядок вызова допускается лишь

---

<sup>127</sup> О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // Российская газета. 2013. 30 декабря.

<sup>128</sup> О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ // Российская газета. № 52. 11.03.2022.

<sup>129</sup> Гришина Е. П. Концептуальные и правовые проблемы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве России: монография. М., 2018. С. 229.

в случае, когда это обусловлено обстоятельствами уголовного дела<sup>130</sup>.

Перед теоретиками не раз вставал вопрос об эффективности привлечения в уголовный процесс представителя органа опеки и попечительства, насколько интересы данного субъекта будут соответствовать интересам представляемого лица<sup>131</sup>. Обеспечение главных интересов ребенка является наиважнейшим международным принципом. Из закона следует, что следователь, дознаватель может пригласить для производства следственных действий представителя органов опеки и попечителя, при этом права несовершеннолетнего не будут нарушены. В любом случае участие законных представителей или представителей от волеизъявления несовершеннолетнего не зависит. Обязанность обеспечить участие этих лиц возлагается на органы и должностных лиц уголовного судопроизводства.

В то же время согласно ч. 3. ст. 191 УПК РФ «следователь вправе не допустить к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и (или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. В этом случае следователь обеспечивает участие в допросе другого законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля».

При решении вопроса об участии законных представителей в следственных действиях с участием несовершеннолетнего необходимо учитывать два момента: 1) чувства, испытываемые несовершеннолетним к данным лицам; 2) возможность их отрицательного влияния на несовершеннолетнего в процессе следственных действий<sup>132</sup>.

---

<sup>130</sup> Колесников О.В., Макаренко М.А. Участники уголовного судопроизводства // Мир политики и социологии. 2017. № 5. С. 140–178.

<sup>131</sup> Гамидов А. М., Абдусаламова Р.М. Проблемы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в расследовании преступлений // Закон и право. 2022. № 1. С. 160.

<sup>132</sup> Матвеев С. В. УПК РФ об участии законных представителей, близких родственников в расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними // Журнал российского права. 2002. № 5.

На практике достаточно часто встречаются случаи, когда несовершеннолетний фактически воспитывается иными лицами (бабушки, дедушки, родные тети и дяди, совершеннолетние двоюродные братья и сестры и т.д.), не оформившими по разным причинам в установленном законом порядке попечительство или опеку. В указанных ситуациях практика идет по пути привлечения органов опеки и попечительства в качестве законных представителей несовершеннолетних, и это ведет к формальному и поверхностному осуществлению своих функций законным представителем, что нивелирует значение и сущность этого института<sup>133</sup>.

В связи с этим предлагаем включить близких родственников, родственников и близких лиц в перечень законных представителей. Присутствие законного представителя из числа родственников или близких несовершеннолетнему лицу при производстве следственных действий позволяет избежать причинение ему неприятных переживаний. А привлечение в качестве законного представителя работника органа опеки и попечительства должно производиться только в исключительных случаях.

Находясь в непривычной для него обстановке, несовершеннолетний свидетель может испытывать сильное волнение и страх, вновь вспомнить и рассказать о произошедшем, а присутствие близкого ему человека помогает успокоиться, снять напряжение. В свою очередь, близкие родственники несовершеннолетнего волнуются, пока он находится на допросе, поэтому при отсутствии каких-либо возражений тактического или морального характера присутствие одного из них в качестве законного представителя при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего свидетеля представляется целесообразным.

---

<sup>133</sup> Самолаева Е. Ю. Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу // Вестник современных исследований. 2019. № 2.4 (29). С. 37.

**Д. М. Гасанова,**

*обучающаяся 2 курса факультета*

*подготовки криминалистов Московской академии*

*Следственного комитета Российской Федерации.*

*Научный руководитель: О. Ю. Антонов, декан факультета*

*подготовки криминалистов Московской академии*

*Следственного комитета Российской Федерации,*

*д. ю. н., доцент, полковник юстиции*

## **ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ И ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ ПРОИСШЕСТВИИ**

Проблема борьбы с преступлениями в области дорожного движения является актуальной уже не одно десятилетие как в нашей стране, так и за рубежом. В результате этой группы преступлений ежегодно гибнут и становятся инвалидами десятки тысяч человек. Кроме того, наносится колоссальный ущерб как физическим и юридическим лицам, так и обществу, и государству. Несмотря на снижение регистрации преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, предусмотренных ст. 264 УК РФ, с 145073 в 2020 году, до 133331 в 2021 году (в 2022 году за январь-сентябрь зарегистрировано 91255), такие деяния являются общественно опасным не только из-за высокой степени травматизма и гибели людей, но и в связи с нанесением существенного имущественного ущерба государству, юридическим и физическим лицам.

Для того, чтобы следователь в начале следствия по уголовному делу о нарушении правил дорожного движения (далее – ПДД) мог выдвинуть и объективно обосновать какую-либо версию произошедшего и аргументировано спланировать свою дальнейшую работу по данному делу, ему необходимо всесторонне и глубоко проанализировать складывающуюся следственную ситуацию.

Не вдаваясь в научную дискуссию по данной криминалистической категории, в настоящей статье будет использоваться позиция профессора Р. С. Белкина, который представляет следственную ситуацию как совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование [1, с. 445]. Основная классификация исходных следственных ситуаций, возникающих при поступлении сообщения о преступлении и выезде на место происшествия, основана на наличии информации о преступлении и его участниках.

Обобщение практики расследования преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта позволяет выделить группы типичных исходных следственных ситуаций, которые применительно к подследственности следователей СК России могут быть конкретизированы следующим образом: потерпевший (или один из потерпевших) является несовершеннолетним; один из водителей является несовершеннолетним; один из водителей является лицом, обладающим особым правовым статусом; один из водителей является сотрудником правоохранительных органов.

Первая ситуация характеризуется тем, что и водитель, и транспортное средство, и потерпевший находятся на месте происшествия. В последнем случае следственная ситуация может быть еще детализирована, когда сотрудники полиции находились в служебное время при исполнении служебных обязанностей, в том числе по задержанию автотранспорта, нарушившего правила дорожного движения.

*Например, 24.06.2021 в вечернее время инспекторы дорожно-патрульной службы на служебном автомобиле УАЗ преследовали группу мотоциклистов, не выполнивших законные требования об остановке. На улице Береговая города Тогучина Новосибирской области произошел занос автомобиля сотрудников полиции, от чего они совершили съезд в кювет с последующим наездом на препятствие. результате происшествия погиб инспектор дорожно-патрульной службы [2].*

Спецификой планирования расследования в данной ситуации является необходимость установления личности водителей транс-

порта, участвовавших в происшествии, проверка у них документов (водительское удостоверение, документы на транспортное средство, накладные на груз и т.д.), а если установлено, что лицо несовершеннолетнее, то необходимо пригласить законного представителя; если лицо заявляет о своем особом правовом статусе, предъявляя подтверждающие это документы, то проведение с ним следственных действий не представляется возможным до получения согласия суда в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 450 УПК РФ.

В данной следственной ситуации первоначальный этап расследования, как правило, завершается назначением судебных экспертиз: судебно-медицинской и судебной автотехнической, но в отдельных случаях для подготовки материалов к последней требуется проведение дополнительных следственных действий, например, следственного эксперимента или осмотра видеозаписей, сделанных камерами наружного наблюдения или видеорегистраторами, установленным на автомашинах участников и свидетелей ДТП.

В то же время, следует иметь в виду, что одним из способов противодействия расследованию, наиболее характерным для сотрудников правоохранительных органов, совершающим ДТП на личном автомобиле, является версия о том, что в ДТП непосредственно участвовала и третья сторона, которая и была его виновником (как водитель, так и пешеход).

Следствию в таком случае необходимо доказать наличие либо отсутствие этой третьей стороны, не только путем допроса свидетелей и участников ДТП, но и путем сбора вещественных доказательств, свидетельствующих о наличии следов третьей стороны. Кроме того, необходимо восстановить расположение третьего участника, выявить характер его действий и роль в произошедшем ДТП. Затем необходимо сравнить и сопоставить возможные модели участия третьей стороны в данном дорожно-транспортном происшествии с теми вещественными доказательствами и обнаруженными на месте ДТП следами. В ряде случаев судебная автотехническая экспертиза способствует опровержению заявлений участников или сви-

детелей ДТП о существовании третьей стороны. Специалисты в области автотехники, опираясь на необходимые расчеты, в состоянии подтвердить или опровергнуть возможность участия в ДТП третьей стороны и виновность этого участника в совершении ДТП.

Вторая ситуация характеризуется наличием на месте происшествия потерпевшего (трупа), а также отсутствием транспортного средства, совершившего ДТП. В данной ситуации возможно выдвижение версий о совершении преступления несовершеннолетним или сотрудником правоохранительных органов либо лицом, обладающим особым правовым статусом, поскольку такие водители могут скрываться с места происшествия, чтобы не только избежать уголовной ответственности, но и не быть уволенными со службы.

*Например, согласно показаниям свидетелей, проехав в сторону с. Тундутово примерно в 400 м западнее от перекрестка дороги, ведущей на 2 микрорайон с. Малые Дербеты, они обнаружили в метре от обочины дороги лежащего мужчину. Подойдя ближе, при визуальном осмотре они увидели в области головы гематомы, его лицо было в крови. В дальнейшем в ходе оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что наезд совершил на автомашине несовершеннолетний Б [3].*

В данной ситуации необходимо провести следующие действия:

- осмотр места происшествия в целях определения марки, модели автотранспорта, совершившего наезд на пешехода;
- допрос свидетелей дорожно-транспортного происшествия;
- розыск скрывшегося с места ДТП транспортного средства;
- назначение судебных экспертиз (автотехнической, трасологической, криминалистической экспертизы лакокрасочных материалов и покрытий, судебно-медицинской), в первую очередь в целях определения марки, модели автотранспорта, совершившего наезд.

Третья ситуация характеризуется наличием на месте происшествия потерпевшего, транспортных средств, а также отсутствием водителя. В данной ситуации возможно выдвижение версий о со-

вершении преступления несовершеннолетним или сотрудником правоохранительных органов либо лицом, обладающим особым правовым статусом, в случае, если автомашина принадлежит лицу, имеющему несовершеннолетних детей в возрасте 16–17 лет, либо находится в угоне (предположительно несовершеннолетним) или двум последним категориям граждан (либо их близким родственникам). Последняя версия может быть дополнена частной версией о совершении ДТП лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, поскольку из-за этого водители обычно скрываются с места происшествия, чтобы не нести повышенную ответственность.

В таких ситуациях потерпевший и свидетели могут наблюдать водителя, скрывающегося с места происшествия. Поэтому уже в ходе осмотра места происшествия необходимо принять меры по розыску владельца транспортного средства, а после установления его личности допросить об обстоятельствах совершения ДТП либо передачи автомобиля другому лицу. Затем следует допросить потерпевшего, свидетелей, предъявить водителя для опознания [4, с. 486.].

В данной ситуации выдвигаются следующие версии о лице, совершившем наезд на пешехода: собственник автомобиля, лицо, которому собственник доверил свой автомобиль или неправомерно завладевшее данным транспортным средством [5, с. 20]. При этом может возникнуть ситуация, когда собственник заявляет, что его автомашина была угнана незадолго до совершения ДТП, чтобы избежать уголовной ответственности.

*Например, 8 мая 2008 года около 23 часов 05 минут Е. (оперуполномоченный отдела милиции особого назначения МВД по Республике Марий Эл), управляя принадлежащим ему автомобилем марки «Toyota CAMRY», находясь в состоянии алкогольного опьянения, двигался по автодороге. В процессе дальнейшего перемещения с изменением положения автомобиль в пространстве ударился правой задней частью о березу, после чего, переворачиваясь, остановился в поле на расстоянии 21 м от проезжей части. При этом потерпевший О., находившийся в автомобиле в качестве пассажира*

*на заднем сиденье, получил закрытую черепно-мозговую травму, от которой скончался на месте происшествия.*

*Е. вину в совершении ДТП не признавал, утверждая, что автомашина была угнана, а сам он избит неустановленными лицами, а поэтому не мог управлять и не управлял автомашиной в момент ДТП. Однако согласно заключениям судебно-биологической экспертизы и судебно-генотипоскопической экспертизы на двух подушках безопасности с руля и передней панели справа автомашины «Toyota CAMRY» и смывах, изъятых с переднего левого сиденья этой же машины, имеется кровь человека, которая произошла от Е. [6].*

Таким образом, в этом случае, перед следствием встаёт задача выяснения личности водителя, находившегося за рулем в период совершения ДТП, а также изобличения ложного алиби и других фальсификаций доказательств, совершенных виновных и иными лицами по просьбе последнего.

Четвертая ситуация характеризуется тем, что на месте происшествия отсутствует потерпевший, водитель и транспортные средства. Ее особенностью является то, что в начале расследования следователь располагает достоверной информацией лишь о последствиях происшествия. При этом, как правило, неизвестны время, место совершения преступления и лицо, его совершившее. Эта ситуация характерна для наезда транспортного средства на человека и возникает в основном в связи с доставкой потерпевшего в лечебное учреждение, в котором он умирает от травм, характерных для ДТП. Сразу же после осмотра трупа, его одежды и допроса лиц, обнаруживших труп, назначается судебно-медицинская экспертиза, по результатам которой удастся установить причину смерти (автомобильная травма). Такая ситуация применительно к деятельности следователей СК России может возникать в случае, если сотрудник правоохранительных органов либо лицо, обладающее особым правовым статусом, доставили потерпевшего в лечебное учреждение.

*02 октября 2010 года, около 01 часа 00 минут, водитель Л. (сотрудник полиции), управляя технически исправным автомобилем «Toyota Surf», в темное время суток, допустил наезд на двигавшихся в попутном направлении по кромке проезжей части пешеходов*

*П. и Н., которые перед собой толкали неисправный скутер с включенными световыми приборами. Л. доставил пострадавших в ДТП в больницу, но в целях избежания увольнения из органов внутренних дел подговорил Г., находившуюся в его автомобиле, дать показания, что во время ДТП машиной управлял брат Л. – Д. Последняя согласилась и дала такие объяснения, но в ходе последующего допроса заявила, что это неправда [7].*

Таким образом, специфика следственных ситуаций первоначального этапа расследования преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта применительно к подследственности следователей СК России заключается в том, что виновные из числа несовершеннолетних и сотрудники правоохранительных органов скрываются с места ДТП, при этом последние активно оказывают противодействие расследованию, чтобы не быть уволенными со службы. В таких ситуациях необходимо проводить комплекс следственных действий по доказыванию вины водителей, совершивших ДТП, в том числе в целях подтверждения их нахождения в автомашине в момент ДТП можно использовать биллинговую информацию о местах регистрации в сетях мобильной связи принадлежащих им телефонов.

### **Список литературы**

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 2. 455 с.
2. Новосибирске по результатам проведения проверки возбуждено уголовное дело по факту ДТП, в результате которого погиб сотрудник полиции. URL: <https://nsk.sledcom.ru/news/item/1586297>.
3. Обвинительное заключение по уголовному делу № 12002850007000026 // По материалам Малодербетовского МРСО СУ СК России по Республике Калмыкия.
4. Криминалистика: учебник: в 3 ч. Часть III: Криминалистическая методика / под ред. В.В. Бычкова, С.В. Харченко. М.: Проспект, 2021. 664 с.
5. Антонов О. Ю. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие. Ижевск: Детектив-информ, 2004. 46 с.

6. Приговор Моркинского районного суда Республики Марий Эл от 05.12.2008 по уголовному делу № 1–130/2008.

7. Обвинительное заключение по уголовному делу № 000658 // По материалам Почепского МРСО СУ СК России по Брянской области.

**А. В. Шитов,**  
*обучающийся 2 курса факультета  
подготовки криминалистов ФГКОУ ВО «Московская академия  
Следственного комитета Российской Федерации»,  
г. Москва*

## **К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО ПРИЗНАКА В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТА ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ**

Важным этапом при осуществлении досудебного производства по уголовному делу является определение подследственности. Только при правильном определении подследственности при расследовании преступления будет обеспечено эффективное достижение назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Среди ученых-процессуалистов отсутствует единое понимание понятия подследственности, но анализ мнений этих специалистов свидетельствует о том, что под подследственностью стоит понимать закрепленное уголовно-процессуальным законом условие, определяемое совокупностью признаков преступления, позволяющих установить определенный орган или должностное лицо, уполномоченное в соответствии с их компетенцией и полномочиями проводить проверку сообщений о преступлении, предварительное расследование по уголовным делам.

Можно утверждать, что совокупность признаков преступления положена в основу разграничения признаков подследственности. При этом зачастую выделяют следующие признаки подследственности преступлений:

- предметный (родовой) признак;
- территориальный признак;
- персональный (специальный) признак;
- альтернативный признак;
- по связи уголовных дел;
- универсальный признак.

Каждый из этих признаков позволяет разграничить полномочия органов предварительного расследования в зависимости от установленных юридических свойств преступления.

Совокупность всех указанных признаков образует систему признаков института подследственности с определенной структурой, относительно которой ведутся споры в кругах ученых.

Чаще всего в научных исследованиях признаки подследственности поделены на основные и дополнительные, что представляется обоснованным, поскольку основные признаки подследственности присущи любому преступлению, а дополнительные – нет.

Так, одна группа ученых (Кузнецова С. М., Черепанова Л. В., Кравцова С. В.) выделяют два основных признака: предметный и территориальный. Остальные признаки подследственности, по их мнению, принято считать исключениями или дополнениями для предметного и территориального признаков [1].

Подобного мнения придерживаются и ряд других ученых, в том числе А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, указывая, что в УПК РФ законодатель предусмотрел два вида подследственности: предметную (родовую), закрепленную ст. 151 УПК РФ, и территориальную (местную), установленную ст. 152 УПК РФ. Все остальные признаки подследственности являются исключениями (или дополнениями) для предметного признака [2].

С изложенными позициями следует согласиться, поскольку действительно предметный и территориальный признаки являются основными признаками института подследственности. Для предметного признака характерно определение подследственности в соответствии с квалификацией преступных деяний, а для территориального признака необходимо точное установление места совершения преступления, что является его основным критерием.

Кроме того, А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский считают, что персональный признак, как и все иные признаки подследственности, является исключением (или дополнением) для предметного признака. В целом, можно согласиться с мнением указанных ученых, поскольку действительно законодатель закрепил персональный при-

знак подследственности в подп. «б» и «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, в связи с чем, с точки зрения законодательства персональный признак является частью предметного признака, но в то же время, исходя из теории уголовного процесса, персональный признак подследственности является отдельным признаком подследственности.

Несомненно, учет предметного и территориального признака обязателен при определении подследственности преступления, но согласно УПК РФ особую роль в решении этой задачи играет персональный (специальный) признак подследственности.

Наряду с этим представляется наиболее интересной позиция Р. Л. Мифтахова, выделяющего три основных признака подследственности: предметный (родовой), персональный (специальный), территориальной (местный) признак [3], а другие признаки, которые не подпадают под критерии вышеперечисленных признаков, по его мнению, являются факультативными признаками подследственности преступления.

Суть природы персонального признака заключается в том, что указанный признак напрямую связан с субъектом преступления, с его социально-правовыми характеристиками. Так, при определении подследственности в соответствии с персональным признаком учитываются сведения о должностном положении, профессиональной деятельности, отношении к военной службе, состоянии здоровья и других предусмотренных законом сведений, характеризующих личность. При этом лицо, обладающее определенными социально-правовыми характеристиками, может выступать в уголовном процессе как в качестве обвиняемого, так и потерпевшего.

Особая значимость учета указанного признака при определении подследственности уголовного дела обоснована необходимостью соблюдения в полной мере и защиты прав и интересов участвующих в уголовном процессе лиц.

Следует отметить, что персональный признак подследственности в отдельных случаях (при наличии особенностей субъекта преступления) может выступать в качестве основного признака, тем самым подменяя предметный признак. Данное обстоятельство при-

обретает особую актуальность в том случае, если в качестве участников преступления выступают лица, перечисленные в подп. «б» и «в» ч. 2 ст. 151 УПК РФ.

Примечательно, что указанной позиции придерживаются суды Российской Федерации. Так, в своем приговоре №1-5/2019 от 5 ноября 2019 года Советско-Гаванский гарнизонный военный суд постановил, что в случае конкуренции предметного и персонального признаков подследственности приоритет должен отдаваться персональному признаку подследственности.

К подобному выводу пришел и Верховный суд Республики Саха (Якутия) в апелляционном постановлении № 22-2212/2019 от 24 декабря 2019 года, в котором указывается, что в случае, если по делу установлена не предметная, а персональная подследственность, то дело подследственно только следователям СК России. Из этого следует, что при определении органа предварительного расследования преступления, персональный признак подследственности отменяет действие предметного признака института подследственности преступлений.

Исходя из судебной практики, а также с учетом мнения отдельных ученых-правоведов, относящих персональный признак к категории дополнительных признаков подследственности, наиболее верным представляется выделение персонального признака в отдельную категорию – смежного признака института подследственности.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что в структуре системы признаков института подследственности целесообразно выделять не две (основные и дополнительные), а три группы признаков:

- в качестве основных признаков – предметный и территориальный;
- в качестве смежного признака – персональный;
- в качестве дополнительных признаков – альтернативный и универсальный, а также признак подследственности по связи уголовных дел.

### **Список литературы**

1. Определение подследственности уголовных дел: учебно-методическое пособие / С. М. Кузнецова, Л. В. Черепанова, С. В. Кравцова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. С. 8.

2. Уголовный процесс: авторский курс [учебное пособие] / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М.: Эксмо, 2022. С. 182.

3. Мифтахов Р. Л. Подследственность уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 37.

*Д. И. Рыжков,  
обучающийся магистратуры  
ФГКОУ ВО «Московская академия  
Следственного комитета Российской Федерации»,  
г. Москва*

## **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

На всем протяжении развития уголовного процесса и криминалистики такая категория, как «специальные знания» занимала значимую роль в системах указанных наук. Однако данный институт по настоящий день порождает множество противоречий в судебной и следственной практике. Е. Р. Россинская определяет специальные знания как систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства [1, с. 10]. Р. С. Белкин указывал, что термин «специальные знания» используется как критерий при решении вопроса о необходимости производства судебной экспертизы или привлечении специалиста [2, с. 102].

Статья 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет процессуальные формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве [3]. В части 3 указанной статьи дано определение заключения специалиста, в соответствии с которым им является предоставленное в письменном виде суждение по вопросам, представленным перед специалистом сторонами. Таким образом, можно выделить признаки, присущие заключению специалиста: оно должно быть выражено в письменной форме; представляет собой суждение; содержит ответы на поставленные вопросы; вопросы ставятся на разрешение специалисту сторонами процесса.

Следует отметить, что в уголовно-процессуальном законе не урегулирован порядок получения заключения специалиста. Так, в Апелляционном приговоре Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва № 22-12/2020 22-1935/2019 от 14 января 2020 г. по делу № 22-12/2020 по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), сторона защиты, обжалуя обвинительный приговор по данному делу, ссылается на следующие обстоятельства [4, 5]. При производстве по делу была назначена судебная санитарно-эпидемиологическая экспертиза, однако сторона защиты утверждает, что в результате соответствующего процессуального действия заключения эксперта получено не было, но лицом, обладающим специальными знаниями, был представлен документ, именуемый заключением специалиста.

Схожий пример имеется в практике Московского следственного отдела на воздушном и водном транспорте Западного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации. Так, при производстве по уголовному делу № 11802009608000041 было вынесено постановление «о назначении психофизиологического исследования с использованием полиграфа», затем обвиняемое лицо было ознакомлено с указанным постановлением, о чем был составлен протокол [6]. В результате назначения такого «исследования» был получен документ, именуемый «справка об исследовании», в которой содержалась отметка о разъяснении лицу, обладающему специальными знаниями, прав и обязанностей, предусмотренных статьей 58 УПК РФ, или прав и обязанностей специалиста.

Полагаем, что вышеуказанные ситуации возникли по причине отсутствия в уголовно-процессуальном законе четкой регламентации порядка истребования заключения специалиста. В соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение дается по вопросам, поставленным на разрешение специалисту сторонами. Представляется, что при вынесении постановления о назначении некоего «исследования», предполагающего собой получение заключения специалиста, и ознаком-

лении с ним стороны защиты, следователи предпринимали попытку соблюдения одного из требований уголовно-процессуального кодекса, а именно, обеспечение права стороны защиты на постановку вопросов специалисту.

Описанные примеры следственной практики не лишены следственных ошибок. Думается, что в обоих случаях в постановлении о назначении соответствующих процессуальных действий следователям необходимо было вынести постановления о назначении исследований, проводимых специалистом, оставив присущую постановлению о производстве судебной экспертизы структуру и содержание. Считаем, что распространение порядка получения заключения эксперта и заключения специалиста будет способствовать соблюдению прав и законных интересов стороны защиты.

В части вышеуказанного примера, описывающего порядок назначения исследования с использованием полиграфа, стоит отметить, что доказательства, именуемого «справка об исследовании», ч. 2 ст. 74 УПК РФ не содержит, следовательно, может возникнуть спор об отнесении соответствующего документа к тому или иному виду доказательств. В качестве решения указанной проблемы видится использование лицами, дающими соответствующие заключения, исключительно формулировок, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а именно, либо «заключение эксперта», либо «заключение специалиста».

Таким образом, рассмотренные в настоящей статье примеры судебной практики представляют собой следственные ошибки, допущенные при попытке трактовать Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с целью соблюдения прав и законных интересов стороны защиты посредством предоставления права ознакомления с вопросами, поставленными на разрешение специалисту следователем, а также предоставления права ставить на разрешение свои собственные вопросы.

Необходимо отметить, что при изучении материалов уголовных дел и проверок сообщений о преступлении был обнаружен и совершенно противоположный пример. Так, при производстве

проверки сообщения о преступлении, зарегистрированного в КРСоП Московского следственного отдела на воздушном и водном транспорте Западного Межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации под № 570 пр-21, было установлено, что ранее, при производстве по уголовному делу, возникла необходимость в использовании специальных знаний в области техники [7]. Органом дознания были направлены запросы в организации, осуществляющие деятельность в соответствующей области. В запросах содержались сведения о необходимости получения ответов на вопросы, сформулированные следующим образом: «Соответствует ли оборудование <данные изъяты> техническому заданию <данные изъяты>»; «Выполняет ли оборудование <данные изъяты> функции по заявленным параметрам, указанным в техническом задании?» [7]. Вместе с запросом было передано оборудование, подлежащее исследованию, а также документация на указанное оборудование, на основании чего представители компании-адресата должны были представить ответы на указанные вопросы.

Затем в адрес органа дознания были направлены ответы на соответствующие запросы, которые содержали полноценное исследование представленного оборудования. В дальнейшем указанные документы были положены в основу обвинения и использовались в качестве доказательств. При этом возникает вопрос, в качестве какого доказательства во взаимосвязи с положениями ч. 2 ст. 74 УПК РФ были использованы указанные ответы на запросы?

Согласно содержанию указанных ответов, то они явно свидетельствуют об использовании специальных знаний, поскольку запросы были направлены в специализированные научно-исследовательские институты; в ответах на запросы содержалось полноценное исследование представленного оборудования; в направленных в адрес органа дознания документах содержались также и ответы на поставленные вопросы, что наиболее совпадает с признаками заключения специалиста, указанными в ч. 3 ст. 80 УПК РФ.

Однако представляется, что указанные ответы на запросы не могут быть использованы в доказывании в качестве заключений специалиста, поскольку лица, проводившие «исследование», не были предупреждены об ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации – дачу заведомо ложных показаний или заведомо ложного заключения специалиста, также им не были разъяснены права специалиста, предусмотренные ст. 58 УПК РФ.

Также следует рассмотреть возможность использования указанных ответов на вопросы в процессе доказывания в качестве «иных документов», предусмотренных п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Вместе с тем представляется, что в ходе судебного следствия сторона защиты может сослаться на явные признаки использования специальных знаний при даче ответов на указанные запросы, и, как следствие, суд будет вправе признать указанные доказательства недопустимыми лишь по той причине, что лицам, проводившим «исследование», не были разъяснены права, предусмотренные ст. 58 УПК РФ, а также они не были предупреждены об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ.

В рассмотренном примере возникает коллизия, которая не позволяет использовать полученные ответы на запросы в качестве какого-либо из доказательств.

Необходимо также обратить внимание на практику привлечения специалиста к участию в уголовном судопроизводстве посредством его допроса. Так, в постановлении Эрзинского районного суда Республики Тыва № 1-27/2019 от 26 сентября 2019 г. по делу № 1-27/2019 суд указал, что одним из доказательств, положенных в основу обвинения, является протокол допроса специалиста, установившего при производстве соответствующего следственного действия размеры ущерба [8]. Но самого заключения или «справки об исследовании», составленной указанным специалистом в материалах уголовного дела, не имеется. Суд, не мотивировав данное

положение, выдвинул утверждение о том, что показания специалиста не могут подменить заключение специалиста.

Согласиться с указанным утверждением суда представляется невозможным, в связи с тем, что в случае если специалисту при допросе были разъяснены его права, а также он был предупрежден об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 307 УК РФ, то такие показания полностью соответствуют критериям, указанным в ч. 3 ст. 80 УПК РФ. В нашем примере данные показания получены в письменной форме; содержат суждение по вопросам, поставленным перед специалистом; также в случае привлечения к допросу такого специалиста будет соблюдено требование и о возможности постановки вопросов перед специалистом стороной защиты. Следовательно, можно сделать вывод о том, что показания, данные специалистом при его допросе, по сути своей, и представляют собой заключение специалиста.

Таким образом, отсутствие нормативного закрепления процессуальной формы заключения специалиста порождает ряд проблем, связанных с правоприменительной практикой, вследствие которой могут быть нарушены права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. В связи с вышеизложенным считаем необходимым разработку Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления, разъясняющего процессуальную форму заключения специалиста и порядок его получения в уголовном судопроизводстве.

### **Список литературы**

1. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2020. 367 с.

2. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Акад. МВД СССР, 1978. 410 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2022).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2022).

5. Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва № 22-12/2020 22-1935/2019 от 14 января 2020 г. по делу № 22-12/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/325eSG> (дата обращения: 17.09.2022).

6. Материалы уголовного дела № 11802009608000041 МСО на ВВТ Западного МСУТ СК России // По материалам Западного МСУТ СК России.

7. Материалы проверки сообщения о преступлении № 570 пр-21 МСО на ВВТ Западного МСУТ СК России // По материалам Западного МСУТ СК России.

8. Постановление Эрзинского районного суда Республики Тыва № 1-27/2019 от 26 сентября 2019 г. по делу № 1-27/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/325eSG> (дата обращения: 17.09.2022).

*А. Ю. Осипова,  
аспирант кафедры гражданского права ИПСУБ  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ПОНУЖДЕНИЕ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ОСНОВНОГО ДОГОВОРА КАК ПОСЛЕДСТВИЕ НЕИСПОЛНЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ**

Предварительный договор регулируется положениями статьи 429 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. В пункте 5 ст. 429 ГК РФ законодатель указал последствия, которые могут наступить при неисполнении предварительного договора, закрепив тем самым охранительный характер данной нормы.

Как следует из положений ст. 429 ГК РФ, отказ или уклонение от заключения основного соглашения квалифицируется как неисполнение предварительного договора.

Последствия, возникающие вследствие неисполнения предварительного соглашения, в виде уклонения от заключения основного договора имеют существенное значение для определения эффективности всей рассматриваемой договорной конструкции и области ее использования в юридической практике.

В соответствии с положениями ст. 445 ГК РФ если сторона, для которой заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. Следовательно, отказ от заключения основного договора является основанием возникновения права у стороны, получившей такой отказ, в предъявлении требования о принудительном осуществлении права. Реализация данного права является способом получения правового результата в виде заключения основного договора.

Обращаясь в суд с требованием о понуждении, сторона, просящая о защите нарушенного права, вынуждено отходит от принципа свободы заключения договора. Обобщая судебную практику, правоприменители отмечают, что вмешательство суда в процесс за-

ключения договора, а в случае с предварительным договором суд практически регламентирует исполнение договора, является изъятием из принципа свободы его заключения, в связи с чем вмешательство суда допустимо лишь на основании прямого указания закона либо в силу соглашения сторон. Такой подход особенно важен, т. к. судебное решение, по своей сути, фактически восполняет недостающую для заключения договора волю одной из сторон или обеих путем понуждения уклоняющейся стороны к заключению договора либо путем устранения разногласий по отдельным условиям договора. Соответственно поэтому споры о понуждении к заключению договора выделяются в отдельную категорию [7]. В связи с этим, исходя из формулировки ст. 445 ГК РФ, способом защиты права в случае уклонения от заключения основного договора будет предъявление требования о понуждении к заключению договора.

Из анализа положений п. 1 ст. 421, п. 4 ст. 445 ГК РФ следует вывод, что с иском, содержащим требование о понуждении к заключению договора, возможно обращаться в суд только тогда, когда в соответствии с Гражданским кодексом РФ, иными законами или добровольно принятым обязательством установлена обязанность заключить договор. В частности, такая обязанность предусмотрена в отношении соглашений, являющихся публичными при заключении договора на основании предварительного договора, при заключении договора по результатам торгов, предметом которых являлось право на заключение договора, и др. Если обязанность по заключению договора не установлена, то требования о понуждении к заключению договора не подлежат удовлетворению. Таким образом, истцом по требованию о понуждении заключить договор может выступать только контрагент стороны, обязанной к заключению договора [5]. Следовательно, с требованием о понуждении заключить основной договор может обратиться только сторона, получившая от другой стороны отказ в исполнении предварительного соглашения.

Поскольку способом защиты права в подобном случае является требование о понуждении к заключению договора в обязательном порядке, такой иск должен строиться по модели иска о присужде-

нии, т. е. рассматриваться как разновидность присуждения исполнения обязанности в натуре. Отсюда следует, что решение суда порождает договорное обязательство на условиях предварительного договора и становится юридическим фактом. Вместе с тем подобный иск может восприниматься и как обладающий чертами преобразовательного (конституирующего) иска, и иска о присуждении исполнения обязанности в натуре одновременно.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ содержит положения, устанавливающие правила формулирования резолютивной части решения суда по спору, возникшему при заключении или изменении договора. Так, в ст. 173 АПК РФ говорится об обязанности суда указать вывод по каждому спорному условию договора, а по спору о понуждении заключить договор суд должен указать условия, на которых стороны обязаны это сделать. [2]. То есть стороны будут обязаны заключить соглашение на условиях, указанных судом в судебном решении, причем эта обязанность возникает у обеих сторон. Посредством этого решения стороны обязаны совершить действие – заключить договор. В Гражданском процессуальном кодексе РФ такой нормы нет. Поэтому в настоящее время при рассмотрении дел, связанных с понуждением к заключению договора, суды руководствуются рекомендациями Верховного суда РФ, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [4].

В научном сообществе существует мнение о том, что судебное решение о понуждении к заключению основного договора вследствие неисполнения предварительного соглашения должно создавать договорное правоотношение из основного договора. Вместе с тем вызывает интерес, какое это правоотношение – созданное вновь, или судебным решением вообще только признаются и санкционируются права, уже возникшие и существующие. Тем самым обозначается проблема понимания объема и пределов обязательств сторон, о которых может указать суд в своем судебном решении. Может ли суд

и должен ли восполнить недостающие условия соглашения при их отсутствии в предварительном договоре и при наличии установленной воли сторон на заключение конкретного вида соглашения? К таким условиям можно отнести, например, момент с которого договор считается заключенным.

Исходя из правовой позиции, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», в судебном решении указывается момент, с которого данный договор считается заключенным. Этот момент устанавливается судом, в том числе с учетом мнения субъектов спорного правоотношения. Следовательно, возникновение заключенного договора становится возможным только с момента вступления в силу судебного решения, и для сторон – это фактически новое правоотношение, возникшее на основании решения суда в момент, указанный в судебном решении.

Получив судебное решение, у заинтересованных лиц возникает проблема его исполнения. Исполнение судебного решения в добровольном порядке является благополучным следствием данного судебного решения как обязательного основания для заключения договора. Однако, как показывает судебная практика для исполнения судебного решения зачастую приходится обращаться к принудительным способам его исполнения. В связи с этим необходимо обратить внимание на положения Федерального закона «Об исполнительном производстве». Анализ ст. 105 Закона об исполнительном производстве позволяет выделить следующие этапы принудительного исполнения требований неимущественного характера: установление срока для добровольного исполнения; при неисполнении требований судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и устанавливает новый срок для исполнения; при неисполнении требований исполнительного документа без уважительных причин судебный пристав-исполнитель составляет протокол об административном правонарушении и устанавливает новый срок [3]. Далее, в некоторых случаях,

предусмотренных законом, применяется ст. 315 Уголовного Кодекса РФ. Но и это не гарантирует исполнение решения суда и не гарантирует защиту права на заключение основного договора. Изложенный ранее способ восстановления нарушенного права не применяется к требованиям о понуждении к заключению основного договора в отношении сделок, подлежащих государственной регистрации. Так как в таком случае судебное решение и будет являться документом – основанием, с которым заинтересованная сторона может самостоятельно обратиться в регистрационный орган для регистрации перехода права собственности; и обращение в службу судебных приставов соответственно не требуется.

Таким образом, само по себе наличие судебного решения о понуждении к заключению основного договора чаще не может расцениваться как эффективный способ восстановления нарушенного гражданского права. И мы согласны с мнением проф. В. Ф. Яковлева о том, что эффективность принуждения в гражданском праве должна оцениваться исключительно с позиции конечного результата использования принуждения – достигает ли защита полного восстановления нарушенного гражданского права. Следуя этому принципу, целесообразным было бы закрепление права суда на «создание» договорного правоотношения из основного договора, в этом случае решение имело бы материально-правовое действие [6]. Так, результатом решения суда было бы возникновение заключенного основного договора в момент вступления в силу судебного решения. При наличии заключенного договора стороны впоследствии занимались бы именно исполнением договора, в том числе с помощью принудительных мер.

Итак, очевидно, что реализация права требования о заключении основного договора на основе предварительного соглашения вызывает немало сложностей. Применение правовых норм, касающихся исполнения предварительного договора, относительно восстановления нарушенного права связано с применением процедуры, не всегда способной защитить и восстановить нарушенное право и привести к заключению основного договора. А так как обеспече-

ние возможности заключить основной договор является основополагающей гарантией прав кредитора в рассматриваемой правовой конструкции, суду разумно было бы предоставить право своим решением удовлетворять преобразовательный иск, направленный на возникновение нового материального правоотношения.

### **Список литературы**

1. Гражданский Кодекс РФ (ред. от 14.07.2022). URL: <https://www.garant.ru/>
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 14.07.2022). URL: <https://www.garant.ru/>
3. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (с изм. и доп. от 14.07.2022). URL: <https://www.garant.ru/>
4. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49. URL: <https://www.garant.ru/>
5. Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.05.1997 № 14. URL: <https://www.garant.ru/>
6. Яковлев В. Ф. Принуждение в гражданском праве // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. М., 2000. С. 216–217.
7. Обобщение судебной практики рассмотрения споров о понуждении к заключению договоров и рассмотрению разногласий при заключении договоров за 2012 год: СПРАВКА № 03/13. URL: <https://krasnoyarsk.arbitr.ru/node/15834>

**С. В. Стародумов,**

*к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса*

*и правоохранительной деятельности ИПСУБ*

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

## **ДОПУСТИМОСТЬ СТАНДАРТИЗАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ**

Российский уголовный процесс относится к смешанному типу уголовного судопроизводства. Его отличительным признаком выступает ограничения принципа состязательности в досудебных стадиях процесса. Данная особенность уголовного процесса предполагает дальнейшее разбирательство уголовного дела в суде первой инстанции на основе превалирующего количества доказательств, собранных исключительно стороной обвинения в период предварительного расследования уголовного дела. Данный фактор может выступать причиной снижения качества как самого предварительного расследования, так и собранных в ходе его производства доказательств.

При этом является очевидным отсутствие у законодателя желания вносить в уголовное судопроизводство изменения направленные на расширение форм и способов собирания доказательств по уголовному делу стороной защиты. В таких условиях следует предусмотреть и поставить на обсуждение научного сообщества иные формы и пути направленные на укрепление законности в доказывании по уголовным делам, повышению его качества и доверия со стороны общества. В свою очередь это будет способствовать достижению цели по установлению правопорядка в обществе и государстве.

Одним из наиболее инновационных способов, который позволит решить многие вопросы, связанные с односторонним уклоном, недостатком объема предварительного расследования может послужить введение стандартов или рекомендаций. В этой связи можно привести мнение доктора медицинских наук, хирурга-онколога Вячеслава Егорова на вопрос о том, что Минздрав собирается в России

ввести клинические рекомендации для врачей, причем законодательно сделать обязательными их выполнение. Так, Вячеслав Егоров пояснил, что рекомендации – генеральное направление, которому лечащий врач должен следовать. Это направление для лечения с массой вариаций. Индивидуальный подход при том не только возможен, но и необходим. Если врачу дать полную свободу перебора лекарств или хирургических методик, то вероятность врачебной ошибки в лечении пациента повышается. Перед ничем не ограниченным творчеством врача к лечению приоритетом выступает метод, основанный на доказательной медицине, который в 90 процентах приведет к наилучшим показателям. В России практически не проводятся национальные клинические исследования. Российская ассоциация кардиологов перевела на русский язык имевшиеся зарубежные стандарты и адаптировала под наши отечественные условия. В том числе и поэтому смертность от сердечно-сосудистых заболеваний пошла вниз<sup>134</sup>.

Согласно словарям, стандартизация означает деятельность по установлению правил и характеристик в целях их добровольного многократного использования, направленная на достижение упорядоченности в сферах производства и обращения продукции и повышение конкурентоспособности продукции, работ или услуг<sup>135</sup>. Также это деятельность по установлению норм, правил и характеристик в целях обеспечения безопасности продукции, работ и услуг для окружающей среды, жизни, здоровья и имущества, технической и информационной совместимости, а также взаимозаменяемости продукции; качества продукции, работ и услуг в соответствии с уровнем развития науки, техники и технологии; единства измерений; экономии всех видов ресурсов; безопасности хозяйственных объектов с учётом риска возникновения природных и техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций; обороноспособности

---

<sup>134</sup> <https://lenta.ru/articles/2017/02/09/egorov/>

<sup>135</sup> ISO/IEC Guide 2:2004 Edition:8, Федеральный закон «О техническом регулировании» от 27.12.2002 № 184-ФЗ.

и мобилизационной готовности страны. Стандартизация направлена на достижение оптимальной степени упорядочения в определенной области посредством установления положений для всеобщего и многократного применения в отношении реально существующих или потенциальных задач. Эта деятельность проявляется в разработке, опубликовании и применении стандартов<sup>136</sup>.

Общими принципами, в соответствии с которыми осуществляется стандартизация, являются принципы:

- добровольного применения документов в области стандартизации;
- максимального учёта при разработке стандартов законных интересов заинтересованных лиц;
- применения международного стандарта как основы разработки национального стандарта, за исключением случаев, если такое применение признано невозможным вследствие несоответствия требований международных стандартов климатическим и географическим особенностям Российской Федерации, техническими (или) технологическими особенностями или по иным основаниям либо Российская Федерация в соответствии с установленными процедурами выступала против принятия международного стандарта или отдельного его положения;
- недопустимости создания препятствий производству и обращению продукции, выполнению работ и оказанию услуг в большей степени, чем это минимально необходимо для выполнения целей стандартизации;
- недопустимости установления таких стандартов, которые противоречат техническим регламентам;
- обеспечения условий для единообразного применения стандартов.

В технике стандартизация ведет к снижению себестоимости продукции, поскольку:

---

<sup>136</sup> <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/469560>

- позволяет экономить время и средства за счет применения уже разработанных типовых ситуаций и объектов;
- повышает надежность изделия или результатов расчетов, поскольку применяемые технические решения уже неоднократно проверены на практике;
- упрощает ремонт и обслуживание изделий, так как стандартные узлы и детали – взаимозаменяемые (при условии, что сборка осуществлялась без пригоночных операций).

Международная организация по стандартизации и Международная электротехническая комиссия, определяя цели и задачи стандартизации, признают, что важнейшими результатами деятельности по стандартизации являются повышение степени соответствия продукции, работ (процессов) и услуг их функциональному назначению, устранение барьеров в торговле и содействие научно-техническому сотрудничеству. Каждый раз, органами стандартизации говорится, что перед стандартизацией могут стоять одна или несколько конкретных целей, обеспечивающих соответствие продукции, работы (процесса) или услуги своему назначению. При этом реализация одних целей может осуществляться одновременно с реализацией других.

Таковыми целями могут быть:

1. унификация – выбор оптимального числа размеров или видов продукции, работ (процессов) или услуг, необходимых для удовлетворения основных потребностей;
2. практичность (удобство использования);
3. совместимость – пригодность продукции, работ (процессов) или услуг к совместному, не вызывающему нежелательных взаимодействий, использованию при заданных условиях для выполнения установленных требований;
4. взаимозаменяемость – пригодность одного изделия, работы (процесса) или услуги для использования вместо другого изделия, работы (процесса) или услуги в целях выполнения одних и тех же требований;
5. охрана здоровья;

6. обеспечение безопасности;
7. охрана окружающей среды;
8. защита продукции – предохранение продукции от воздействия климатических или других неблагоприятных условий при ее использовании, транспортировании или хранении;
9. достижение взаимопонимания;
10. улучшение экономических показателей, торговли.

Как видится, стандартизация относится и применяется, как правило, к промышленному производству, оказанию различных коммерческих услуг и работ. При этом, одной из причин появления и введения (внедрения) стандартизации являлось повышение качества товаров, работ и услуг.

Качество – собирательный показатель, включающий совокупное проявление многих факторов. Применительно к рыночной экономике подчеркивается, что полученный опыт показывает о том, что при открытой рыночной экономике, в условиях всеобъемлющей конкуренции, качество служит своего рода фактором и условием для развития и ведения хозяйственной деятельности производителей. Качество включает в себя множество компонентов.

Важным элементом в системах управления качеством изделий является стандартизация – нормотворческая деятельность, которая находит наиболее рациональные нормы, а затем закрепляет их в нормативных документах типа стандарта, инструкции, методики требования к разработке продукции.

Главная задача стандартизации – создание системы нормативно-технической документации, определяющей прогрессивные требования к продукции, изготавливаемой для нужд народного хозяйства, населения, обороны страны, экспорта, а также контроль за правильностью использования этой документации<sup>137</sup>.

ГОСТ 15467-79 определил качество продукции как совокупность свойств изделия, обуславливающих ее пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением.

---

<sup>137</sup> [http://www.aup.ru/books/m93/5\\_1.htm](http://www.aup.ru/books/m93/5_1.htm)

Из данного определения следует: качество продукции рассматривать, во-первых, как совокупность полезных свойств; во-вторых, как способность удовлетворять определенные потребности. В этом определении ставится знак равенства между качеством и совокупностью свойств<sup>138</sup>.

Таким образом, исходя из содержания принципов и целей технической стандартизации усматривается возможность их адаптации в интересах уголовного судопроизводства.

---

<sup>138</sup> <http://docs.cntd.ru/document/gost-15467-79>

*Д. В. Татьяна,*

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры уголовного  
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ*

## **ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Принципы уголовного процесса несомненно являются его опорой и вектором, в направлении которого он работает и развивается. Однако некоторые из них вызывают определенные вопросы при их применении, в связи с чем нуждаются в уточнении, поскольку изначально имеют декларативный характер.

Важнейшей чертой принципов современного уголовного судопроизводства является их гуманный характер<sup>139</sup>. Однако, их несовершенное регулирование приводит к возникновению на практике ошибок при принятии процессуальных решений и различных перекосов в процессе уголовно-процессуальной деятельности.

Одним из дискуссионных является принцип состязательности. Несмотря на его закрепление в ст. 15 УПК РФ, уголовный процесс России имеет смешанный характер, а содержание рассматриваемого принципа применимо бесспорно к его реализации в судебных стадиях уголовного процесса.

При этом состязательность имеет существенное значение для всего уголовного судопроизводства. Она определяет правовое положение и взаимоотношения его участников между собой, и их отношения с судом. Однако данный принцип несколько изменил исторически сложившуюся систему уголовного процесса России, введя без четкого законодательного регулирования ее в досудебное производ-

---

<sup>139</sup>См.: Зарипов Ф. Ф. Гуманистическое, человеколюбивое назначение и содержание принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. Том 28. Выпуск 3. 2018. С. 397.

ство и исключив инициативу суда при рассмотрении уголовных дел в судебном заседании.

В России исторически сложился смешанный тип уголовного процесса, который не исключал инициативу и активность суда в доказывании при рассмотрении уголовных дел. УПК РФ аналогично не исключил участие суда в доказывании, однако он лишил его инициативы, что негативно отражается на возможности принятия объективных решений. Фактически суд является заложником качества работы сторон, поскольку он находится в зависимости от того, как и какие доказательства представит сторона в обоснование своей позиции. В связи с чем возникают сложные ситуации, например, в материалах уголовного дела имеются несколько протоколов допроса свидетеля или потерпевшего, который в судебном заседании изменил показания. Однако, оглашение в судебном разбирательстве показаний подсудимого, которые были даны им при производстве расследования, допустимо лишь по ходатайству стороны (ст.276), а показаний свидетеля, потерпевшего – с согласия стороны (ст.281). Таким образом, если ни государственный обвинитель, ни защитник не станут выяснять причину изменения показаний и не заявят ходатайства об оглашении показаний, то их никто не будет исследовать, судья же по собственной инициативе этого сделать не может. Возникает ситуация, когда в деле есть доказательства, которые говорят об обратном, фактически они остаются без внимания и не влияют на принятие решений.

Конечно, учитывая непосредственность рассмотрения дела судом, предполагается правильным полагаться на показания, даваемые непосредственно в судебном заседании, но с момента дачи показаний на предварительном следствии до момента судебного следствия может пройти несколько месяцев, а за это время участники процесса могут забыть отдельные детали, кроме того, на них может быть оказано давление, им могут сделать предложение, от которого они «не смогут отказаться».

Считается, что, предоставив суду право по своей инициативе содействовать установлению обстоятельств дела в соответствии с действительностью, он неизбежно будет выполнять или функцию

обвинения, или функцию защиты. Если государственный обвинитель не готов качественно поддержать обвинение, то суд не должен приходить ему на помощь, так как тем самым возлагает на себя функцию обвинения, то же и в отношении защитника. Пассивность суда определяется как атрибут состязательности в уголовном процессе. К сожалению, в УПК РФ возобладал принцип «чистой» состязательности. Суд лишен обязанности предпринимать действия для установления истины по делу, он лишь «создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав» (ч. 3 ст. 15 УПК). Законодателем исключен принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, закрепленный ранее в ст. 20 УПК РСФСР. Для обеспечения принятия законного, обоснованного и справедливого решения следует в состязательном процессе установить в качестве цели доказывания установление объективной истины.

С точки зрения абстрактных, теоретических правовых концепций принцип состязательности, явно растущий корнями из англосаксонского процесса, в котором уголовный процесс напрямую вырос из гражданского и имеет целью не установление истины, а достижение согласия сторон, вполне правильный и проработанный. С точки зрения объективности и реальной защиты прав и законных интересов личности, восстановления справедливости - он не допустим. Для потерпевшего важно восстановление нарушенных прав и принятие справедливого решения, поэтому состязательность, в которой он должен противостоять профессиональным защитникам, не может обеспечить защиту его прав и законных интересов. Следует отметить, что в современном процессе сторона обвинения, состоящая из государственного обвинителя и потерпевшего, не действует совместно, поскольку позиции указанных участников могут быть различны, что ставит потерпевшего в абсолютно незащищенное состояние, поскольку обеспечить себе защиту интересов при помощи адвоката может позволить далеко не каждый из них.

Аналогичная ситуация возникает и при защите подсудимого, когда в качестве защитника меняются адвокаты по назначению, ко-

торым чаще всего не интересно обеспечивать качественную защиту, поэтому они не проявляют инициативы при ее реализации, что может привести к различным судебным ошибкам, особенно часто это бывает связано с применением гл. 40 УПК РФ, о применении которой просят и защитники, и подсудимые, при этом последние не знают последствий постановления приговора.

В научных работах обосновывалось предложение об уточнении обязанностей председательствующего (ст. 243 УПК РФ), который не только должен принимать меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон, но и способствовать полному, объективному и всестороннему исследованию обстоятельств, имеющих существенное значение для законного и справедливого разрешения дела. Полагаю, что необходимо сочетать принцип состязательности с принципом объективности, всесторонности и полноты исследования обстоятельств дела в целях установления истины по делу. При этом следует предоставить право суду по своей инициативе исследовать необходимые доказательства. Суд не будет поддерживать в данном случае позицию какой-либо из сторон, наоборот он примет меры по исключению необоснованного поддержания спорной позиции, что позволит принять объективное независимое решение.

Только такое сочетание условий процессуальной деятельности обеспечит ее эффективность в решении задач правосудия и нейтрализует возможные негативные последствия состязательности сторон, не всегда располагающих равными возможностями защиты своих интересов<sup>140</sup>. Указанная позиция представляется полностью обоснованной. Объективная истина должна в уголовном судопроизводстве выступать в качестве цели доказывания, на ее обеспечение должна быть направлена состязательность сторон и всесторонность, объективность и полнота исследования при активной роли суда.

---

<sup>140</sup>Галоганов Е. А. Проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

*Научное издание*

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ  
РОССИЙСКОГО ПРАВА**

К 50-летию юридического образования  
в Удмуртской Республике  
памяти д.ю.н., профессора В. В. Овсиенко

Сборник статей

*Редакторы: И.А. Бусоргина, А. Ж. Фаттахова  
Компьютерная верстка: И. А. Бусоргина*

Подписано в печать 20.02.2023. Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Усл. печ. л. 23,74. Уч. изд. л. 17,87  
Тираж 27 экз. Заказ № 345.

Издательский центр «Удмуртский университет»  
426034, Ижевск, Ломоносова, 4Б, каб. 021  
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра  
«Удмуртский университет»  
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.  
Тел. 68-57-18